

О. Генри
Собрание сочинений в пяти томах
Том 5

СБОРНИК «ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ»
Маркиз и мисс Салли

Перевод Р. Гальпериной

Старый Билл Баском, сам того не зная, удостоился великой чести: господь призвал его в один день с маркизом Бородэйлом.

Маркиз жил в Лондоне на Риджент-стрит; старик Баском - у ручья Хромого Оленя, на южной границе Техаса. Катастрофа, сразившая маркиза, приняла образ некоего лопнувшего мыльного пузыря под названием "Средне- и Южноамериканская монополия по добыче каучука и красного дерева". Судьба, насмеявшаяся над Баскомом, явилась к нему в не менее устрашающем облике: шайка цивилизованных индейцев с соседней территории, специалистов по уводу скота, угнала у него все его стадо, насчитывавшее четыреста голов. А когда Баском вздумал выследить разбойников, они его застрелили. Что касается маркиза, то он, убедившись, что на каждые оставшиеся у него пятнадцать шиллингов приходится не менее фунта стерлингов долга, пустил себе пулю в лоб и этим уравнил итоги обеих катастроф.

Со смертью старика Билла шесть его сыновей и дочерей совсем осиротели. Отец не оставил им даже бычка на племя и ни единого доллара, чтобы купить его.

Со смертью маркиза осиротел его единственный сын, давно уже перебравшийся в Штаты и владевший богатым ранчо в Северном Техасе. Когда молодой человек получил скорбную весть, он сел на коня и поскакал в соседний город. Здесь он препоручил поверенным все свое имущество, за исключением лошади, седла, ружья и пятнадцати долларов, с наказом все распродать и вырученные деньги направить в Лондон для расплаты с отцовскими кредиторами. Покончив с этим делом, он снова вскочил в седло и пришпорил коня, держа путь на юг.

В один прекрасный день, почти минута в минуту, но только с разных концов, к ранчо Даймонд Кросс, что на Малой Пиедре, подъехали два молодых парня и спросили, нет ли какой работы. Оба были в новеньких и даже щегольских ковбойских рубашках и штанах. Один - стройный, загорелый, коротко остриженный брюнет с тонкими, словно точеными чертами; другой широкоплечий коренастый малый, свежий и румяный, с вьющимися рыжеватыми волосами и некрасивым, чуть тронутым веснушками лицом, лучшим украшением которого были веселые глаза и смеющийся рот.

Управляющий ответил, что работа найдется. Кстати, ему в то утро донесли, что повар, - как известно, самый необходимый человек в лагере, - не снеся шуток и проделок, какие такому лицу полагается сносить по штату, сел на свою мексиканскую лошадку и скрылся в неизвестном направлении.

- Который-нибудь из вас умеет стряпать? - спросил управляющий.

- Я умею, - вызвался рыжеватый. - Мне приходилось стряпать в поле, и я, пожалуй, мог бы выручить вас. Но с условием: при первой возможности вы устройте меня получше.

- Вот это разговор мужчины, - обрадовался управляющий. - Поедете с запиской к Сондерсу. Пусть поставит вас на работу.

Таким образом, в расчетной ведомости Даймонд Кросса прибавилось два новых имени: Джон Баском и Чарльз Норвуд. Пообедав, новые работники вместе направились в лагерь. Маршрут, который им дали, был ясен и прост: "Езжайте прямо, оврагом. Как проедете пятнадцать миль, тут вам это самое место и будет". Оба паренька были чужие в этих краях, оба молодые и смелые, и, поскольку их свели случай и дальняя дорога, надо думать, что

фундамент их последующей дружбы был заложен в тот самый день, когда они скакали бок о бок по извилистой балке Кандад Верда.

К месту назначения путники прибыли уже после заката. Штаб-квартира лагеря была удобно расположена вдоль длинной заводи, осененной высокими деревьями. Разбросанные по траве палатки и брезентовая кладовая показывали, что стоянка эта рассчитана на долгий срок.

Ковбои только что вернулись в лагерь, где никто не ждал их с ужином. Какие только проклятия не сыпались на голову сбежавшего повара! Пока они снимали седла и спутывали лошадей, в лагерь прибыли новички и осведомились, где здесь Пинк Сондерс. Старший выступил вперед, и они отдали ему записку управляющего.

Пинк Сондерс, распорядившись всем, что касалось работы, считался первым весельчаком и балагуром в лагере, где все от повара до управляющего - были на равном положении. Прочитав записку, он помахал товарищам и, надрывая глотку, торжественно объявил:

- Джентльмены, позвольте представить вам Маркиза и Мисс Салли!

Новички были явно огорошены. Новый повар вздрогнул, но, вспомнив, что "Мисс Салли" - обычное прозвище поваров на всех ранчо Западного Техаса, успокоился и добродушно присоединился к общему смеху. Что касается его спутника, то эта выходка не только привела его в смущение, но и рассердила. Резко повернувшись, он ухватился за луку седла, очевидно намереваясь ускакать.

Но Мисс Салли тронул его за плечо и сказал смеясь:

- Ничего, ничего, Маркиз. Сондерс не хотел тебя обидеть - наоборот! У тебя такой гордый вид, и нос, как у аристократа, - эта кличка как раз по тебе.

Мисс Салли расседлал лошадь, и Маркиз, сменив гнев на милость, последовал его примеру. Мигом засучив рукава, Мисс Салли бросился к кладовой.

- Ну да, я ваш новый повар, черт возьми! А ну-ка, ребята, соберите побольше хворосту, и в полчаса я спворю вам самый настоящий ужин.

Живость и добродушие, с какими Мисс Салли в мгновение ока перерыл все в кладовой и, найдя кофе, муку и сало, взялся за дело, сразу завоевали ему расположение лагеря.

При ближайшем знакомстве и Маркиз оказался славным, веселым малым; правда, он держался несколько особняком и сторонился грубых лагерных развлечений. Но эта замкнутость так подходила к его прозвищу, что казалась уместной, и ребята даже полюбили его за эту черту. Сондерс назначил его гуртовщиком. Маркиз был отличный наездник и управлялся с лассо и клеймом не хуже других ковбоев.

Вскоре между Маркизом и Мисс Салли завязалось что-то вроде дружбы. После ужина, когда посуда была перемыта и убрана, их обычно видели вместе: Мисс Салли покуривал свою трубку, вырезанную из корневища шиповника, а Маркиз плел себе новый арапник или скоблил сырые ремни на путы для лошадей.

Управляющий не забыл своего обещания при случае подумать о поваре. Наведываясь в лагерь, он подолгу с ним беседовал. Чем-то Мисс Салли приворожил его. Однажды в полдень, возвращаясь с объезда, он завернул в лагерь и сказал ему:

- С завтрашнего дня вас сменил новый повар. Как только он явится, приезжайте в усадьбу. Будете вести у меня всю отчетность и корреспонденцию. Мне нужен надежный человек, который мог бы всем распорядиться, когда меня нет на месте. Насчет жалованья можете не беспокоиться, на Даймонд Кроссе не обидят человека, который соблюдает хозяйский интерес.

- Ладно, - сказал Мисс Салли, да так спокойно, как будто только этого и ждал. - А вы не будете против, если я поселюсь у вас с женой?

- Как, вы женаты? - удивился управляющий, явно недовольный таким оборотом дела. - Первый раз слышу.

- Да то-то и есть, что не женат, но не прочь жениться, отвечал повар. - Я все откладывал, пока подвернется настоящая должность и у меня будет хотя бы крыша над головой. Не мог же я поселить жену в палатке.

- Верно, - согласился управляющий. - Лагерь не место для женатого человека. Что ж, в доме у нас просторно, и если вы окажетесь тем, за кого я вас считаю, - милости прошу. Напишите ей, пусть приезжает.

- Ладно, - повторил Мисс Салли. - Как только завтра меня сменят, я уж не задержусь.

Вечер был прохладный, и, поужинав, ковбои расположились вокруг большого костра. Постепенно их задорные шутки умолкли и наступила полная тишина, а это в ковбойском лагере опасный знак - тут уж непременно жди какой-нибудь каверзы.

Мисс Салли и Маркиз сидели на бревне и рассуждали о преимуществе длинных или коротких стремян при езде на далекое расстояние. Вскоре Маркиз встал и направился к дереву, где у него сушились ремешки для нового лассо. Как только он ушел, с Мисс Салли случилась маленькая неприятность: ветер задул ему в глаз соринку табачной крошки, из которой Смизерс, он же Сухой Ручей, свертывал себе покурить. Пока повар тер пострадавший глаз, из которого текли слезы, Дэйвис Граммофон, прозванный так за свой въедливый скрипучий голос, поднялся с места и стал держать речь:

- Граждане и ребята, позвольте задать вам один вопрос. Пусть каждый здесь скажет, какое есть на свете величайшее безобразие, такое, что порядочному человеку и смотреть зазорно?

- Плохая карта на руках!

- Бесхозная телка, когда под рукой нет клейма!

- Твой нос!

- Револьверное дуло, когда оно глядит прямо на тебя.

- Молчать, дурачье! - вмешался толстяк Тэллер, уже немолодой гуртовщик. - Фони лучше знает, дайте ему сказать.

- Так вот, граждане и ребята, - продолжал Граммофон. Все те безобразия, которые вы здесь пе-ре-чис-лили, достаточно прискорбны, и вы, можно сказать, почти угадали, но только не совсем. Нет на свете большего безобразия, чем вот это, - и он указал на Мисс Салли, который все еще тер себе глаза, - когда доверчивая, о-слеп-лен-ная молодая особа убивается, потому что подлый изменщик разбил ее сердце. Что мы с вами - люди или, может, хищные звери, что позволяем какому-то а-ри-сто-кратишке смеяться над чувствами нашей Мисс Салли? Неужто мы так и будем смотреть, как этот красавчик с блестящим титулом топчет чувства своей милашки, а ведь кому как не нам она вверила свою судьбу. Так что же: намерены мы поступить, как полагается настоящим мужчинам, или мы так и будем есть подмоченный хлеб, зная, что это она обливает его горькими слезами?

- Экое свинство! - негодуяще фыркнул Сухой Ручей. Порядочные люди так не поступают. Я давно замечаю, что этот гад приударяет за нашей красоткой. А еще Маркиз называется! Скажи, Фони, маркиз - это титулованная особа?

- Это вроде как король, - поспешил дать объяснение Осока. - Только пониже чином. Поменьше валета, побольше десятки.

- Прошу понять меня правильно, - продолжал Граммофон. Это вовсе не значит, что я против аристократов. Есть среди них и порядочные люди. Я сам с ними водился. Я не одну кружку пивца пропустил с мэром Форт-Уэрта, со мной не гнушался водить компанию даже кассир с полустанка - а это такие люди, - насчет выпивона они всякого за пояс заткнут. Но если Маркиз позволяет себе играть чувствами невинной кухарочки, - спрашивается, что ему за это полагается?

- Ремня ему хорошего! - крикнул Сухой Ручей.

- Собаке собачья и честь! - выразил общие чувства Осока.

- Проучить, проучить, - хором поддержали остальные.

И прежде чем Маркиз угадал их намерение, двое схватили его за руки и потащили к бревну. Дэйвис Граммофон, сам себя уполномочивший привести приговор в исполнение, стоял наготове с кожаными штанами в руках. Впервые ковбои в своих грубоватых забавах посягали на неприкосновенность Маркиза.

- Что это вы затеяли? - крикнул он, возмущенно сверкая глазами.

- Полегче, Маркиз, - шепнул ему Руб Феллоуз, вдвоем с приятелем державший его за руки.

- Видишь, ребятам пошутить вздумалось. Разложат тебя на бревне и всыпят с десяточек. Не бойся, очень больно не будет.

Однако Маркиз, вне себя от гнева, оскалил зубы и, крикнув что-то невнятное, стал с неожиданной силой вырываться из державших его рук. В мгновение он расшвырял четырех

схвативших его молодцов, и они отлетели кто куда. Крик его услышал и Мисс Салли и, окончательно протерев глаза, со всех ног кинулся на вырубку.

Но тут раздалось громкое "Алло!" - и в освещенное костром пространство въехал тарантас, запряженный парой резвых мустангов. Все бросились к нему, и то, что они увидели, заставило их забыть о затее Дэйвиса Граммофона, кстати уже потерявшей для них прелесть новизны. В ожидании более заманчивой дичи и более увлекательной забавы о недавнем пленнике попросту забыли.

Тарантас и лошади принадлежали Сэму Холли, скотоводу с Биг Мадди. Сэм правил, а рядом с ним сидел гладко выбритый толстяк в сюртуке и цилиндре. Это был окружной судья мистер Дэйв Хэкетт, которому вскоре предстояло вторично баллотироваться на ту же должность. Сэм возил его по всей округе и по ковбойским лагерям, чтобы расшевелить независимых избирателей.

Приезжие вылезли из тарантаса, привязали мустангов к дереву и направились к костру.

При их появлении все обитатели лагеря, за исключением Мисс Салли, Маркиза и Пинка Сондерса, по обязанности встречавшего гостей, с криком ужаса бросились врассыпную и исчезли в окружающей темноте.

- Господи боже! - воскликнул Хэкетт, - это они нас так испугались? Неужто мы такие страшные? Рад видеть вас, мистер Сондерс. Как поживаете? Зачем это вам понадобился мой цилиндр, Холли?

- Я его боюсь, - задумчиво ответил Холли. Он сорвал с Хэкетта цилиндр и, вертя его в руках, вопросительно поглядывал в темноту, где теперь воцарилась мертвая тишина. - Ты как скажешь, Сондерс?

Пинк ухмыльнулся.

- Скажу, что не мешало бы его повесить повыше, - произнес он равнодушным тоном человека, дающего бесплатный совет. В такой темноте разве что-нибудь увидишь? Не хотел бы я, чтобы этот головной убор торчал на моей макушке.

Холли стал на ступицу заднего колеса фургона и, дотянувшись до ближайшего сука, повесил на него цилиндр. Едва он спустился на землю, как грянули выстрелы по меньшей мере из десятка шестизарядных кольтов, и пробитый пулями цилиндр свалился наземь.

Тут из темноты послышался какой-то свистящий звук, словно двадцать гремучих змей шипело разом, и со всех сторон показались ковбои. Высоко, с величайшей осторожностью поднимая ноги, они обращали друг к другу предостерегающее "Тс-с-с!", словно предупреждая об опасности. В торжественном молчании они стали вокруг цилиндра, с опаской поглядывая на него. Поминутно то одна, то другая фигура, словно в припадке неизъяснимого ужаса, отскакивала в сторону.

- Это та самая гадина, - сказал один ковбой, понизив голос до громкого шепота, - что ночью ползает по болотам и кричит: "Вилли-валло!"

- Нет, это ядовитый Кипоотум, - высказал предположение другой. - Тот, что жалит, умирая, и орет, когда его закапывают в землю.

- Это хозяин всей нечистой твари, - сказал Дэйвис Граммофон. - Но ведь он издох. Не бойтесь его, ребята!

- Какое там издох, притворяется, бестия, - возразил Сухой Ручей. - Это Хайголлакум, страшный лесной дух. Есть только один способ с ним расправиться.

Он вытащил в круг старину Тэллера, грузного гуртовщика в двести сорок фунтов весом. Тэллер поставил цилиндр на донышко и шлепнулся на него всей своей тушей, сплющив его в тонкую лепешку.

Хэкетт, вытаращив глаза, смотрел на происходящее. Заметив, что он готов вспылить, Сэм Холли сказал ему:

- Смотрите, судья, не оплошайте. В Даймонд Кроссе шестьдесят голосов. Ребята хотят испытать вас. Мне думается, вы не проиграете, если обратите все в шутку.

И Хэкетт, оценив великую мудрость этого совета, внял ему.

Подойдя к группе ковбоев, которые после успешной расправы с кровожадным гадом радовались, глядя на его останки, он торжественно произнес:

- Спасибо вам, ребята, за беспримерный подвиг. Вы с героическим и, можно сказать, неутомимым мужеством прикончили чудовище, которое, должно быть, свалилось на нас с деревьев, когда мы в потемках проезжали по оврагу. Теперь я до гроба ваш должник. Вы спасли мне жизнь и, надеюсь, отдадите мне ваши голоса, когда я снова буду баллотироваться на должность судьи. Разрешите вручить вам мою карточку.

Ковбои, которые выкидывали все эти штуки с неизменно серьезным видом, теперь одобрительно посмеивались.

Но Дэйвису Граммофону этого показалось мало. В его изобретательной голове родилась новая идея.

- Нет, приятель, - сказал он сурово. - Ни в одном лагере вы бы так легко не отделались. Шутка ли сказать - выпустить на людей такую вредную тварь! Счастье ваше, что еще обошлось без человеческих жертв. Но вы можете загладить свою вину, исполните только нашу просьбу.

- В чем дело? - насторожился Хэккет.

- Вам дано право скреплять людей священными узами брака, - верно?

- Верно, - согласился Хэккет. - Брачный союз, скрепленный мною, считается законным.

- Здесь, в этом лагере, нам предстоит исправить величайшее зло, - начал Граммофон, впадая в торжественную слезливость. - Некий а-ристо-кратишка насмеялся над простецкой, хоть и смазливой на мордочку особой женского пола, которая уже давно по нем сохнет. Весь лагерь считает долгом призвать к порядку этого зарвавшегося потомка может тыщи, а может и тыщи с хвостиком графов - и соединить его, хотя бы и силком, с пострадавшей мамзелью. Ребята! А ну-ка, заарканьте Маркиза и Мисс Салли и гоните их сюда. Мы их тут живо окрутим!

Предложение Граммофона было встречено криками восторга. Все бросились разыскивать главных участников предстоящей церемонии.

- С вашего разрешения, - сказал судья, отирая пот, хотя ночь выдалась холодная, - мне хотелось бы знать, как далеко намерены вы зайти в своей шутке. И не следует ли мне опасаться, что и некоторые другие предметы моего туалета могут быть приняты вами за диких зверей и отданы на растерзание?

- Ребята разошлись нынче больше, чем обычно, - объяснил ему Сондерс. - Им, вишь, пришло в голову поженить тут двоих - нашего повара и гуртовщика. В шутку, конечно. Ну, да ведь вам с Сэмом все равно придется заночевать здесь. Так что сделайте уж им это одолжение, авось они угомонятся.

Сваты тем временем разыскали невесту и жениха. Повар сидел на дышле фургона и спокойно курил свою трубку. Маркиз был тут же, неподалеку, он прислонился к дереву, под которым была устроена кладовая.

Обоих бесцеремонно втолкнули в кладовую, и Граммофон, на правах церемониймейстера, принялся отдавать приказания.

- Ты, Сухой Ручей, и вы, Джимми, Бен и Тэллер, сбегайте в рощу и наберите цветов - хотя бы того же мескита - да не забудьте про испанский меч, что растет у загона для лошадей. Мы дадим его невесте вместо букета. Ты, Хромой, тащи сюда свое красное с желтым одеяло, это будет юбка Мисс Салли. А ты, Маркиз, итак обойдешься; все равно на жениха никто не смотрит.

Во время этих комических приготовлений оба главных участника торжества на минуту остались одни. Лицо Маркиза выражало страшное волнение.

- Этой глупости надо положить конец, - обратился он к Мисс Салли, и в свете висячего фонаря лицо его показалось повару мертвенно бледным.

- А почему собственно? - спросил тот с улыбкой. - Зачем портить людям удовольствие? Ведь они до сих пор никогда тебе особенно не докучали. По мне, пусть веселятся.

- Ах, ничего ты не понимаешь, - простонал Маркиз. - Ведь Хэккет - окружной судья. Если он нас соединит - кончено... Я не могу... Ах, ничего ты не знаешь!

Но тут повар подошел поближе и взял Маркиза за руки.

- Салли Баском, - сказал он, - я знаю все!

- Знаешь? - пролепетал Маркиз. - И ты-ты хочешь?..

- Я в жизни ничего так не хотел. А ты?.. Тише, сюда идут.

В кладовую ввалились ковбои с свадебным убором для невесты.

- Вероломный койот! - воскликнул Граммофон, обращаясь к Маркизу. - Согласен ли ты загладить свою вину перед этой гладильной доской - перед этой, с позволения сказать, доверчивой юбкой? Пойдешь ли тихо-скромно к алтарю или прикажешь тащить тебя на веревке?

Маркиз стоял, небрежно сдвинув шляпу на затылок и прислонясь к груде мешков с бобами. Лицо его разругалось, глаза горели.

- Что ж, забавляться так забавляться, - сказал он.

Вскоре к Хэкету, Холли и Сондерсу, которые сидели под деревом и курили, приблизилась процессия.

Впереди выступал Хромой Уокер, наигрывавший на своей гармошке нечто весьма заунывное. За ним следовали жених и невеста. Повар обернул вокруг талии пестрое навахское одеяло, в руке его красовался испанский меч - большой с решетом цветов, фунтов в пятнадцать весом, с белоснежными, словно восковыми лепестками. Шляпа невесты была украшена ветками мескита и желтыми цветами ратамы. Видавшая виды сетка от комаров служила ей вуалью. За молодой четой брел, спотыкаясь, Дэйвис Граммофон. В качестве посаженного отца он то и дело подносил к глазам конский потник и оглашал воздух рыданиями, которые можно было услышать за милую душу. Дальше следовали попарно ковбои. Они обменивались замечаниями насчет туалета невесты, по своему разумению изображая гостей на фешенебельной свадьбе.

Едва процессия поровнялась с Хэкетом, он встал и, сказав несколько слов о святости брачных уз, спросил:

- Как вас зовут?

- Салли и Чарльз, - отвечал повар.

- Подайте же друг другу руки, Чарльз и Салли!

Быть может, на свете не было еще столь странной свадьбы. Ибо это была настоящая свадьба, хотя только двое из присутствующих знали это.

После брачной церемонии ковбои прокричали "ура", и на этот вечер потеха была кончена. Все разворачивали одеяла, думая только о том, как бы поскорее завалиться спать.

Повар, снявший с себя свадебный убор, и Маркиз задержались на минуту в тени кладовой. Маркиз склонил голову на плечо новобрачному.

- Я просто не знала, на что решиться, - сказала она. Отец умер, и нам, ребятам, не на кого было надеяться. Я столько помогала ему с коровами, что решила пойти в ковбои. Чем еще могла я прокормиться? Особенного удовольствия мне это занятие не доставило, и я бы давно убежала, если б не...

- Если б не что?

- Сам знаешь... Но объясни мне... Как тебе пришло в голову?.. Когда ты первый раз...

- Да в ту же самую минуту, как мы приехали в лагерь. Помнишь, Сондерс заорал: "Маркиз и Мисс Салли". Я заметил, как ты смутилась, и сразу подумал...

- Вот нахал! А почему ты решил, что я подумала, что это он про меня сказал Мисс Салли?

- А потому, - невозмутимо отвечал повар, - что Маркиза я принял на свой счет. Мой отец был маркиз Бородэйл. Надеюсь, ты простишь мне это, Салли? Ведь это и в самом деле не моя вина!

Туман в Сан Антонио

Аптекарь впился острым взглядом в бледное лицо, полузакрытое поднятым воротником пальто.

- Не хочется мне отпускать вам, - говорит он с сомнением. - Вы уже взяли двенадцать таблеток морфия час назад.

Покупатель смущенно улыбается.

- Вс? ваши кривые улицы. Я не собирался беспокоить вас вторично, да, верно, сбился с пути. Прошу прощения.

Подтянув повыше воротник пальто, он медленно направляется к выходу. Останавливается на углу, под электрическим фонарем, рассеянно вертит в руках маленькие картонные коробочки.

- Тридцать шесть, - бормочет он про себя. - Хватит за глаза.

Все дело в том, что серый туман завладел в эту ночь городом и холодный страх схватил за горло его гостей. Три тысячи больных, если верить статистике, проводили эту зиму в Сан-Антонио. Они съехались сюда со всех концов страны, прослышав, что узкие, петлявшие по обеим сторонам реки улочки избрал своим местопребыванием великий бог Озон.

Самый чистый воздух, сэр! Чище нет на земле! Ну да, речка вьется через весь город, но это не значит, что у нас есть малярия, о нет, сэр! Многократные пробы, проводившиеся как местными, так и столичными экспертами, показали, что наш воздух не содержит в себе ничего вредоносного - ничего, кроме озона, чистого озона, сэр!

Опыты с лакмусовыми бумажками на всем протяжении реки выявили... Впрочем, вы прочтете это в наших проспектах. А не то любой из местных жителей перескажет их вам слово в слово.

Мы достигли чудес в смысле климата, но погода не в нашей власти. И Сан-Антонио снимает с себя ответственность за этот холодный серый туман, который целует в губы три тысячи жертв и распинает их на кресте. В такую ночь свирепеют прожорливые туберкулезные бактерии, которых держала в узде надежда. Бледные цепкие пальцы тумана задушили в эту ночь не одного обреченного. Не один служитель бога Озона сдался в эту ночь врагу и повернулся на постели лицом к стене в той холодной тупой апатии, которая так пугает окружающих. И не одна душа отлетела прочь вместе с хлынувшей из горла алой струйкой крови, оставив позади мертвые тела - холодные и белые, как самый туман. А некоторые увидели в этом атмосферном посланце призрак великого, немыслимого соблазна; он нашептал им, как нелепо вдыхать воздух в легкие только затем, чтобы выдохнуть его обратно, и они обрели покой с помощью того, что подвернулось под руку, - пистолета, газа или благодетельной соляной кислоты.

Покупатель морфия долго бредет в тумане и, наконец останавливается на одном из десятка чугунных мостов в центре города, перекинутых через маленькую капризную речонку. Задыхаясь, он прислоняется к перилам, ибо туман сгустился здесь, он притаился, как тать, и готов задушить любого из Трех Тысяч, который пройдет этим путем. Надсадный чахоточный кашель рождает насмешливое эхо в железных тросах моста, и они звенят, словно издеваясь:

"Кликети-кляк! Чутьочку холодно, чутьочку сыро! Но только не от реки, сэр! Лакмусовые бумажки на всем протяжении, и ничего, кроме озона. Клякети-кляк!"

Справившись с кашлем, приезжий из Мемфиса замечает шагах в десяти от себя какую-то фигуру в пальто; незнакомец привалился к перилам моста и тоже старается отдышаться после очередного приступа кашля. Три Тысячи - это своего рода братство, они обходятся без обычных формальностей при знакомстве. Кашель заменяет им визитную карточку, кровохарканье - рекомендательное письмо. Приезжий из Мемфиса, оправившись первым, первым и вступает в разговор.

- Гудол. Мемфис. Туберкулез легких. Кажется, последняя стадия.

Три Тысячи скупы на слова. Слово - это дыхание, а его надо беречь для того, чтобы выписывать чеки докторам.

- Хэрд, - хрипит другой. - Хэрд. Из Толедо. Огайо. Катаральный бронхит. Тоже скоро крышка... врач сказал. Дает мне четыре недели, если буду беречься. Ты уже получил увольнительную на тот свет?

- Мой доктор, - с оттенком хвастовства говорит Гудол из Мемфиса, - обещает мне еще три месяца.

- А, черт с ней... с разницей! - ворчит толедец, заполняя промежутки между словами хрипом и свистом. - Что такое месяц? Я вот свой срок... скошу... до одной недели... и подохну в какой-нибудь трясушке - на четырех колесах... чтоб не трястись на постели. В кабаках, гляди, вой подымут, когда я отправлюсь к праотцам. Я кабаки-то, можно сказать, облагодетельствовал с тех пор, как взял этот аллюр. Слышь, Гудол из Мемфиса... если твой доктор отмерил тебе такую малость... ты бы... вот, как я... кутнул во всю мочь... и отправился бы ко всем чертям легко и без проволоочки.

- Кутнуть? - повторяет Гудол из Мемфиса, видимо, осваивая эту новую для него идею. - Я никогда не пробовал. У меня была другая мысль, но...

- Пойдем выпьем, - предлагает толедец. - Я уже вторые сутки накачиваюсь... да чертovo зелье что-то перестало забирать... не то, что прежде. Гудол из Мемфиса, у тебя какое дыхание?

- Двадцать четыре.

- А температура?

- Сто четыре.

- Ну, ты в два счета окочуришься. А меня... меньше чем в неделю не свернет. Надерись, друг Гудол... загуляй так, чтоб чертям тошно стало... тут тебя и прихлопнет... без лишних издержек и хлопот. Эх, будь я проклят, ну и курорт же... курам на смех! Туман с озера Эри заблудился бы в этом тумане через две с половиной минуты.

- Вы сказали что-то насчет выпивки, - напоминает Гудол.

И вот они уже сидят у сверкающей стойки бара и дают отдых ногам за счет локтей. Бармен, белобрысый, тучный, вылощенный, наливает им виски, отмечая про себя, что эти двое - из числа Трех Тысяч. Один клиент - хорошо одетый мужчина средних лет, с изборожденным морщинами исхудалым лицом. Другой - совсем еще мальчик; огромные глаза над поднятым воротником пальто. Ловко маскируя скуку, порождаемую бесчисленными повторениями одного и того же, виночерпий за стойкой заводит санитарную сагу Сан-Антонио:

- Сыроватый вечер, джентльмены. Редкость для нашего города. Небольшой туман с реки. Совершенно безвредный, впрочем. Многократные пробы...

- К черту ваши лакмусовые бумажки, - хрипит толедец. Не примите, конечно, на свой счет... Мы уже о них слышали. Пускай себе краснеют, синеют или белеют. Нас больше интересуют многократные пробы этого виски. Повторим? Прошлый раз платил я, Гудол из Мемфиса.

Бутылка клонится то к одному стакану, то к другому и не сходит со стойки. Бармен с любопытством наблюдает, как два полуживых человека хлопают "Кентуккийскую красотку" стакан за стаканом, и думает о том, что такое количество виски уже свалило бы с ног дюжину ковбоев, а эти - ни в одном глазу и только следят с задумчивым и печальным интересом за странствиями бутылки. Это заставляет его высказать участливое опасение по поводу последствий.

- Вашей бурдой нас не проймешь, - говорит толедец. - У нас прививка - из виски... и рыбьего жира. Если бы вы пили с нами, вас бы уж, верно, сволокли в участок, а мы только-только разохотились. Давайте еще бутылку.

Искать смерть в стакане вина - канительное дело. Надо придумать что-нибудь другое. Они выходят из бара и снова ныряют в туман. Тротуары - чуть приметные тропки у подножия домов; улицы - холодные, сырые ущелья, туман заливает их, как поток в половодье. Где-то неподалеку - мексиканский квартал. Сквозь туман, как по проводу, плывут звуки: брэнчанье гитары и волнующий голос какой-то сеньориты.

En las tardes sombrillos del mvierro

En el prado a Marar me reclino

Y maldigo mi fausto destmo

Una vida la mas infeliz,

Они не понимают слов - ни тот, что из Мемфиса, ни тот, что из Толедо, но к чему слова - самое пустое и ничтожное в жизни? Музыка бередит душу искателей нирваны и вырывает у толедца признание:

- Как подумаю о своих ребятишках, так просто... Черт подери, мистер Гудол из Мемфиса, маловато мы с вами хватили виски. Да еще эта тягучая музыка... Забываешь, что надо забыть.

Тут Хэрд из Толедо поспешно вытаскивает часы и восклицает:

- Провалиться мне! Совсем забыл. Я же условился встретиться с приятелями в одиннадцать часов, чтобы прокатиться на источник в Сан-Педро. С одним парнем из Нью-Йорка и двумя девицами-сестрами Кастилло из "Рейнгельдер гарден". Этот парень - везучий, собака, одно легкое целехонько. Год еще протянет. И куча денег притом. Вся гулянка за его счет. Никак нельзя упустить такой случай. Жаль, что тебя не будет с нами. Ну, прощай, Гудол из Мемфиса.

Он заворачивает за угол и спешит прочь, без стеснения оборвав знакомство, как делают те, кто стоит одной ногой в могиле, ибо, когда человек чувствует приближение конца, его эгоизм и себялюбие расцветают пышным цветом. Но вот он оборачивается, и из тумана долетает его голос:

- Гудол из Мемфиса! Если ты меня опередишь, скажи им там - Хэрд идет следом. Хэрд из Толедо, штат Огайо.

И с этими словами искуситель Гудола покидает его. Юноша не выражает ни недовольства, ни сожалений. Его бьет кашель. Когда приступ проходит, Гудол безучастно бредет дальше по какой-то улице, названия которой он не знает и не стремится узнать. Но вот он видит вращающуюся дверь и слышит звуки духовых и струнных инструментов. Двое мужчин входят в эту дверь, и он следует за ними. Он попадает в какой-то вестибюль, щедро уставленный пальмами, кактусами и олеандрами в кадках. За маленькими мраморными столиками сидят люди. Официанты бесшумно разносят пиво. Все здесь чисто, чинно, весело и уныло - развлечение на немецкий лад. Справа от входа юноша видит лестницу. Человек, стоящий внизу у перил, протягивает руку. Гудол достает пригоршню серебра, и человек выбирает оттуда одну монетку. Гудол поднимается по лестнице и видит две галереи. Они тянутся по сторонам концертного зала, который расположен в глубине здания, позади вестибюля. Галереи разделены на небольшие ниши, или ложи; легкие кружевные занавеси у входа в ложи придают им характер некоторой интимности.

Бесцельно бредя по проходу мимо этих стыдливо-нахальных убежищ, Гудол замечает в одном из них молодую женщину, которая сидит одна, в задумчивой позе. Молодая женщина видит приближающегося Гудола. Она улыбается ему, и он замирает на месте. Потом, следуя ее приглашению, нерешительно опускается на стул напротив нее; между ними столик.

Гудолу всего девятнадцать лет. Жестокая богиня Чахотка отмечает иных печатью красоты, прежде чем их погубить, и Гудол - из их числа. Грозный румянец, горящий на восковых щеках, придает ему особое, пугающее очарование. У него отрешенный взгляд человека, чувствующего свою обреченность. Ведь никому не дано знать свое будущее, и потому всякий страшится приподнять над ним завесу.

Молодая женщина хорошо одета, женственна, красива, нежна и полна очарования - неувядаемого очарования Евы.

Как они находят путь друг к другу - неважно. Путь этот короток и прям, он подсказан обстоятельствами.

Кнопка звонка на перегородке время от времени передает сигнал, официант приходит и уходит.

Задумчивая красавица отказывается от вина. Ее толстые белокурые косы падают почти до полу - она, несомненно, ведет свой род от Лорелеи. И официант приносит пиво - холодное, пенистое, зеленовато-золотистое. Оркестр на эстраде взывает. "Рахиль, ты мне дана..." Юная пара уже многое успела поведать друг другу. Она называет его Вальтер, а он ее - мисс Роза.

Гудол чувствует себя легко. Он рассказывает ей о себе, о своем родном доме в Теннесси - старом доме с колоннами в тени вековых дубов. О лошадях, об охоте, обо всех своих друзьях, даже о цыплятах и о кустах самшита, окаймляющих садовую дорожку. О том, как он отправился на юг искать в целебном климате спасения от своего наследственного врага - чахотки. О том, как три месяца жил на ранчо. Об охоте на оленей, о гремучих змеях, о веселой, бесшабашной жизни ковбойского лагеря. И о своем приезде в Сан-Антонио, где знаменитый специалист дал ему понять, что дни его сочтены. И, наконец, об этой ночи, когда туман бледной рукой мертвеца сдавил ему горло, сломил его дух, и он ринулся искать свою пристань среди его свинцовых волн.

- На этой неделе не пришло письмо из дому, - говорит он, - и я совсем было раскис. Я ведь знаю, что конец близок, и уже устал ждать. Я вышел на улицу и стал покупать морфий в каждой аптеке, где соглашались отпустить мне хоть несколько таблеток. Набрал их тридцать шесть штук - по четверть грана каждая - и хотел пойти домой и принять, но тут мне встретился на мосту один чужак, который подал новую мысль.

Гудол бросает на стол маленькую картонную коробочку.

- Я сложил их все сюда, - говорит он.

Мисс Роза, как истая женщина, должна, разумеется, раскрыть коробочку и поежиться в испуге, взглянув на невинное с виду снадобье.

- Страх какой! Но неужто эти крошечные белые лепешечки... Да нет, никогда не поверю, что они могут убить человека!

О да, могут, могут! Уж он-то знает. Девять гранов морфия! Хватит и половины.

Мисс Роза требует, чтобы он рассказал ей о мистере Хэрде из Толедо, и Гудол удовлетворяет ее любопытство. Она смеется восхищенно и простодушно, как ребенок.

- Какой смешной малый! Но расскажите мне еще о вашем доме и сестрах, Вальтер. О Техасе, тарантулах и ковбоях я уже, кажется, все знаю.

Эта тема очень дорога сейчас его сердцу, и он снова рассказывает ей про свой родной дом, вспоминает различные мелкие, незатейливые подробности - все то, что нежными и крепкими узами связывает изгнанника с родиной. К одной из сестер, Элис, он особенно часто возвращается в своих воспоминаниях.

- Она похожа на вас, мисс Роза, - говорит он. - Может, и не такая красивая, но такая же милая, и добрая, и чистая.

- Ну, ну, Вальтер, - обрывает его мисс Роза, - расскажите теперь о чем-нибудь другом.

Но вот на стену в проходе падает чья-то тень, а следом за тенью движется фигура плотного, хорошо одетого мужчины. Он приближается, неслышно ступая, к кружевной занавеске на двери, задерживается на секунду и проходит дальше. И тотчас в дверях возникает официант:

- Мистер Рольф просит...

- Передайте Рольфу, что я занята.

- Не знаю, в чем тут дело, - говорит Гудол из Мемфиса, но я чувствую себя куда лучше. Час назад я мечтал умереть, а когда я встретил вас, мисс Роза, мне так захотелось пожить еще.

Молодая женщина обходит вокруг столика, обнимает юношу за шею и целует в щеку.

- Ты и должен жить, мой славный мальчик, - говорит она. - Я знаю - виной всему этот мерзкий туман. Он нагнал на тебя тоску... да и на меня тоже... чуть-чуть. А посмотри-ка!

Быстрым движением она отдергивает портьеру. Окно в стене - напротив двери, и, о чудо! Туман растаял. Благодетельница-луна снова плывет на просторе по бездонносинему небу. Крыши, балконы и шпили отливают жемчугом и перламутром. Сияющий небесный свод отражается в реке, которая вьется где-то там внизу, между домами, то исчезая, то появляясь снова. Заря принесет завтра ясный день свежий, бодрый, радостный.

- Как можно говорить о смерти, когда мир так чудесен! восклицает мисс Роза, кладя руку на плечо юноши. - Сделайте то, о чем я вас прошу, Вальтер... ради меня. Пойдите сейчас домой, отдохните и скажите себе:

"Я должен выздороветь!" И сдержите слово.

- Хорошо, - улыбаясь, говорит юноша. - Я сделаю так, раз вы просите.

Появляется официант с полными стаканами на подносе. Нет, они не звонили, но это кстати. Он может оставить им пиво.

Последний стакан на прощанье. Мисс Роза говорит:

- За ваше здоровье, Вальтер!

Он отвечает:

- За нашу скорую встречу!

Его глаза не смотрят больше в пустоту. Перед ним видение того, что побеждает смерть. В эту ночь он вступил в новую, неизведанную страну. Он послушен и готов Уйти.

- Доброй ночи, - говорит она.

- Я еще никогда не целовал женщины, - признается он. Только сестер.

- Ну, вы и теперь еще не целовали, - смеется она. - Это я поцеловала вас - на прощанье.

- Когда мы встретимся? - снова спрашивает он.

- Вы обещали мне пойти домой, - говорит она, сдвинув брови. - И выздороветь. Быть может, мы встретимся скоро. Прощайте, Вальтер.

Он все еще медлит, со шляпой в руке. Мисс Роза улыбается и целует его еще раз - в лоб. Она провожает его глазами, пока он не исчезает в глубине прохода; потом возвращается к своему столику.

На стену снова падает тень. На этот раз плотный, неслышно ступающий мужчина отодвигает кружевную занавеску и заглядывает внутрь. Глаза мисс Розы встречают его взгляд, и так - скрестив оружие - они с минуту ведут этот молчаливый поединок. Потом мужчина опускает занавеску и уходит.

Оркестр внезапно смолкает, и из соседней ложи доносится чей-то самодовольный голос. Должно быть, кто-то из местных жителей угощает там приезжего гостя. Мисс Роза откинулась на спинку стула и улыбается, уловив отдельные восклицания:

- Самый чистый воздух, сэр... лакмусовые бумажки... лучший в мире... ничего вредоносного... наш город... только озон... чистый озон!

Официант возвращается за стаканами и подносом. При его появлении мисс Роза комкает в кулаке пустую картонную коробочку и швыряет ее в угол. Шляпной булавкой она размешивает что-то в своем стакане.

- Что это, мисс Роза, - говорит официант привычным, любезно-фамильярным тоном, - до утра еще далеко, а вы уже начинаете солить пиво?

На помощь, друг!

Когда я торговал скобяными товарами на Западе, мне не раз случалось наведываться по делам в один городишко под названием Салтилло, в Колорадо Симон Белл держал там лавку, в которой торговал всякой всячиной, и я знал, что всегда смогу сбыть ему партию другую своего товара Белл был этакий шестифутовый, басовитый детина, соединявший в себе типические черты Запада и Юга. Он нравился мне. Поглядеть на него, так можно было подумать, что он должен грабить дилижансы или жонглировать золотыми копиями. Однако он отпускал вам дюжину кнопок или катушку ниток, проявляя при этом во сто раз больше обходительности и терпения, чем любая продавщица за прилавком столичного универсального магазина.

Мое последнее посещение Салтилло преследовало двоякую цель. Во-первых, я хотел продать свой товар, во вторых дать Беллу добрый совет, воспользовавшись которым он мог сделать неплохое дельце.

В Маунтен-Сити - это город на Тихоокеанской, раз в пять крупнее Салтилло,- одно торговое предприятие не сегодня-завтра должно было вылететь в трубу. Торговало оно бойко и могло бы торговать еще лучше, но в результате неумелого ведения дел и чрезмерного пристрастия одного из компаньонов к азартным играм оказалось на краю банкротства. Все это еще не получило огласки, а мне стало известно стороной. Я знал, что, сразу выложив деньги, можно приобрести это предприятие за четверть его истинной стоимости.

Прибыв в Салтилло, я направился к Беллу в его лавку. Белл кивнул мне, и, как всегда, широкая улыбка медленно расплылась по его лицу, но он продолжал не спеша отпускать леденцы какой-то девчужке. Покончив с этим, он вышел из-за прилавка и пожал мне руку.

- Ишь ты, - сказал он (незатейливая шутка, которой неизменно встречалось каждое мое появление), - не иначе, как вы приехали делать видовые снимки наших гор. Сейчас как будто не сезон сбывать скобяные изделия?

Я рассказал Беллу про выгодное дело, которое наклеивалось в Маунтен-Сити. Если он хочет воспользоваться таким случаем, я готов, так и быть, остаться со всем своим товаром на руках и не помогать ему затовариваться в своем Салтилло.

- Звучит заманчиво, - сказал он с жаром. - Я бы не прочь расширить немножко дело. Очень вам признателен за эти сведения. Только... Ну ладно, пойдемте ко мне, вы переночуете у нас, а я подумаю.

Солнце уже село, и всем большим лавкам в Салтилло пора было закрываться на ночь. Приказчики захлопнули свои книги, заперли сейф, надели пиджаки и шляпы и отправились по домам. Белл задвинул засов на двойных дубовых дверях, и мы немножко постояли на крыльчке, вдыхая свежий ароматный ветерок, потянувший с гор.

На улице появился высокий плотный мужчина и подошел к крыльцу лавки. Его пушистые черные усы, черные брови и курчавая черная шевелюра находились в странном противоречии с нежно-розовым цветом лица, который по всем законам естества должен был бы принадлежать блондину. Незнакомцу на вид было лет сорок. На нем был белый жилет, белая шляпа, часовая цепочка из золотых пятидолларовиков и недурного покроя серый костюм, в каких любят щеголять восемнадцатилетние юнцы, еще не окончившие колледж. Поглядев сначала с недоверием на меня, незнакомец устремил затем холодный и даже, как мне показалось, враждебный взгляд на Белла.

- Ну, как? - спросил Белл тоном, каким говорят с посторонними людьми. - Уладили вы это дело?

- Вопрос! - негодуя вскричал незнакомец. - Чего ради, по-вашему, я здесь околачиваюсь вторую неделю. Сегодня все будет закончено. Устраивает это вас, или вы, может, на попятый?

- Устраивает, - сказал Белл. - Я знал, что вы это сделаете.

- Еще бы вам не знать! - сказал величественный незнакомец. - Будто я раньше не делал.

- Делали, - согласился Белл. - Но и я тоже. Как вас кормят в гостинице?

- Зубы обломаешь. Но я терплю. А вы, кстати, не можете ли дать мне каких-либо указаний? Как лучше управляться с... с этим делом? Вы ведь знаете - у меня нет никакого опыта по этой части.

- Нет, не могу, - подумав, отвечал Белл. - Я все перепробовал. Вам придется самому поискать какой-нибудь способ.

- Умасливать не пробовали?

- Бочки масла пустил в расход.

- А подпруги с медными пряжками не пойдут в дело?

- И не пытайтесь. Я раз рискнул - вот что получилось.

Белл протянул руку. Даже в сгустившихся сумерках я разглядел на тыльной стороне кисти длинный белый шрам, похожий на след когтя, ножа или еще какого-нибудь острого предмета.

- О, вот как! - сказал незнакомец беспечно. - Ладно, поглядим.

Не прибавив больше ни слова, он пошел прочь. Но, отойдя шагов на десять, оборотился и крикнул:

- Вы держитесь подальше, когда я буду принимать груз, а то как бы не сорвалось дельцето.

- Хорошо, - отвечал Белл. - Я буду действовать в своем направлении.

Смысл этой беседы остался для меня совершенно темен, но, поскольку она не имела ко мне никакого касательства, я тут же выбросил ее из головы. Однако необычайная внешность незнакомца нет-нет да всплывала у меня в памяти, пока мы с Беллом шли к нему домой, и я сказал:

- Этот ваш клиент довольно-таки мрачный тип. Я бы не хотел попасть с ним вместе в буран и быть засыпанным снегом в палатке на охоте.

- Вот, вот, - с воодушевлением подхватил Белл. Настоящая гремучая змея, отравленная укусом тарантула.

- Он не похож на жителя Салтилло, - продолжал я.

- Да, - сказал Белл. - Он живет в Сакраменто. Приехал сюда по делу. Его зовут Джордж Ринго. Это мой лучший друг - единственный, пожалуй, настоящий друг за последние двадцать лет.

Я был так поражен, что не проронил ни слова.

Белл жил в простом, удобном, квадратном, двухэтажном белом домике на краю города. Он попросил меня обождать в гостиной. Это была удручающе благопристойная комната красный плюш, соломенные циновки, кружевные занавески, подобранные фестонами, и стеклянный шкаф, достаточно вместительный, чтобы держать в нем мумию, и набитый сверху донизу образчиками минералов.

Пока я ждал, у меня над головой вдруг раздались звуки, происхождение которых не может вызвать у вас ни малейшего сомнения, в какой бы части света вы их ни услышали. Это был

сварливый женский голос, поднимавшийся все выше и выше, по мере нарастания клочковатой в нем злобы. В промежутках между шквалами до меня долетал мерный рокот - голос Белла, пытающегося усмирить разбушевавшуюся стихию.

Мало-помалу буря утихла. Но я все же успел услышать, как женщина сказала, понизив голос, с выражением сдержанной ярости, звучавшей внушительнее, чем все предыдущие вопли:

- Ну, теперь конец. Слышишь - конец. О, ты еще пожалеешь!

В доме, насколько я знал, никого, кроме четы Беллов и прислуги, не было. Меня представили миссис Белл за ужином.

На первый взгляд она показалась мне красивой женщиной, но я вскоре заметил, что эта красота с червоточинкой. Раздражительность, неуравновешенность, крикливость, эгоизм, вечное чем-нибудь недовольство и неумение владеть собой чрезвычайно портили ее женственную прелесть. За ужином она была деланно весела, притворно добродушна и подчеркнуто смиренна, что изобличало в ней особу с заскоками и капризами. При всем том это, несомненно, была женщина, не лишенная привлекательности в глазах мужчин.

После ужина мы с Беллом вынесли стулья на травку и уселись покурить при лунном свете. Полная луна, как известно, - колдунья. При бледном ее сиянии правдивые люди открывают вам самые драгоценные сокровища своего сердца, а лгуны выдавливают на палитру рассказа самые яркие краски из тюбиков своих фантазий. Я увидел, как широкая улыбка снова медленно разлилась по лицу Белла...

- Вам, верно, кажется странной такая дружба, как у нас с Джорджем, - сказал он. - Нам, признаться, никогда не доставляло особенного удовольствия общение друг с другом. Но мы одинаково понимаем дружбу и все эти годы никогда от этого не отступали. Я постараюсь дать вам некоторое представление о том, как мы это себе представляем.

Человеку нужен один-единственный друг. Тот, кто околачивается возле вас, пьет ваше виски, хлопает вас по плечу, расписывает, как он вас любит, и отнимает у вас время, - это еще не друг, даже если вы играли с ним в камушки в школе и удили рыбу в одном ручье. Пока вам не понадобится истинный друг, может, сойдет и этот. Но настоящий друг, на мой взгляд, это тот, на кого вы можете положиться - вот как я на Джорджа, а он на меня.

С давних пор мы с ним были связаны на самый различный лад. На паях гоняли в Нью-Мексико фургоны с товаром, вместе рыли кой-какое золотишко и слегка поигрывали в карты. Каждому из нас случалось время от времени попадать в беду, и на этой почве мы с ним главным образом и сошлись. А еще, вероятно потому, что не испытывали потребности слишком часто видеться друг с другом и не слишком друг другу докучали. Джордж - тщеславный малый и отчаянный хвостун. Послушать его, так стоит ему только дунуть, и самый большой из гейзеров в Иосемитской долине тотчас уберется назад в свою дырку. Я человек тихий, люблю почитать, поразмышлять. Чем чаще нам с ним приходилось встречаться, тем меньше мы искали этих встреч. Если бы Джордж попробовал хлопнуть меня по плечу или просюсюкать что-нибудь насчет нашей дружбы, как делают это, я видел, некоторые так называемые друзья-приятели, я бы вздул его, не сходя с места. То же самое и он. Мои замашки так же противны ему, как мне - его. На прииске мы с ним всегда жили в разных палатках, чтобы не навязывать друг другу свою омерзительную личность.

И все же со временем мы поняли, что в беде каждый из нас может рассчитывать на другого - вплоть до его последнего доллара, честного слова или лжесвидетельства, последней пули в его винчестере, последней капли крови в жилах. Мы никогда с ним об этом не говорили - это бы все испортило, - а просто убедились на деле. Как-то раз я схватил шляпу, вскочил в товарный вагон и проехал двести миль до Айдахо, чтобы удостовериться его личность, когда его хотели повесить, приняв за железнодорожного бандита. А раз как-то я валялся в тифу в своей палатке, где-то в Техасе, без гроша в кармане я без смены белья, и послал за Джорджем в Бойз-Сити. Он приехал с первым поездом. Ни слова не говоря, пришил к палатке дорожное зеркальце, подкрутил усы и втер какое-то снадобье в волосы (они у него от природы ярко-рыжие), после чего с исключительным мастерством изругал меня на все корки и снял пальто.

- Ну вы, трухлявый старый гриб, какого черта вы разлеглись? - сказал он. - Надо же быть таким идиотом, небось накалились воды из какого-нибудь гнилого болота? И уж вы, конечно,

не можете не валиться в постель и не подымать визга, когда вас укусит москит ли кольнет под ложечкой?

Я здорово обозлился.

- У вас не слишком приятная манера ухаживать за больными, - сказал я. - Ступайте туда, откуда пришли, и дайте мне умереть естественной смертью. Очень жалею, что послал за вами.

- Я и то подумываю, не уехать ли, - сказал Джордж. Кому это интересно - будете вы жить или загнетесь? Но раз уж меня сюда заманили, я теперь могу и подождать, пока не кончится это несварение желудка, или крапивная лихорадка, или что там у вас такое.

Две недели спустя, когда я пошел на поправку, доктор расхохотался и сказал, что, по его мнению, меня поставили на ноги не его лекарства, а то состояние бешенства, в котором я все это время пребывал.

Вот, собственно, как протекала наша дружба с Джорджем. Мы не разводили на этот счет никаких сентиментов. Все строилось на взаимных одолжениях - и только. Но каждый из нас знал, что другой всегда готов прийти ему на помощь.

Помню, как я однажды подшутил над Джорджем - просто, чтобы испытать его. Потом мне было даже совестно. Я мог бы не сомневаться в том, как он поступит.

Мы жили тогда в одном городишке в долине Сен-Луиса, где у нас было стадо овец и немного рогатого скота. Дело у нас было общее, а жили мы, как всегда, врозь. Из Восточных штатов ко мне приехала на лето моя тетушка, и я снял небольшой коттедж. Она тут же завела двух коров, несколько поросят и немного кур, чтобы придать дому обжитой вид. Джордж жил в маленькой хижине в полумиле от города.

Однажды у нас с тетушкой околел теленок. Ночью я разрубил его на куски, сложил эти останки в мешок и завязал его проволокой. Затем надел старую рубаху, основательно разодрал на ней ворот, почти напроць оторвал один рукав, взъерошил себе волосы, вымазал руки красными чернилами и побрызгал ими немного на рубаху и на лицо. Думаю, что у меня был такой вид, словно я только что выдержал борьбу не на жизнь, а на смерть. Ввалил мешок на повозку и поехал к Джорджу. Я покричал перед его хижинкой, и он вышел на порог в желтой пижаме, лакированных туфлях и в феске. Джордж всегда был страшным франтом.

Я свалил мешок на землю.

- Ш-ш-ш! - прошипел я, с безумным видом озираясь по сторонам. - Возьмите это, Джордж, и заройте где-нибудь за домом. Как есть, так и схороните. И не...

- Ну, чего вы раскудахтались, - говорит Джордж. - И, ради создателя, пойдите умойтесь и переоденьте рубашку.

Он закурил трубку, - а я галопом поскакал обратно. Наутро он появился у нас в садике перед домом, где моя тетушка возилась со своими овощами и цветочками. Джордж раскланивается, изгибаясь дугой, рассыпается в комплиментах - он на этот счет мастак, когда захочет, - и просит тетушку подарить ему розовый куст. Он вскопал небольшую клумбу у себя за домом и хочет посадить там что-нибудь красивое и полезное. Тетушка, чрезвычайно польщенная, выкапывает с корнем один из своих самых больших кустов и отдает ему. Потом я видел, где он его посадил. На голом, без травы, хорошо утрамбованном месте. Ни я, ни Джордж никогда ни словом не обмолвились больше по этому поводу.

Луна поднялась выше, быть может стремясь вызвать прилив океана, - или эльфов из своих убежищ, а скорее всего - Симса Белла на дальнейшую откровенность.

- Вскоре после этого привелось и мне оказать услугу Джорджу Ринго, - продолжал Белл. - Он сколотил немного деньжат с помощью своих овец и коров и уехал в Денвер. Когда я его там увидел, он щеголял в замшевом жилете, желтых башмаках, полосатом костюме, похожем на тент над витриной бакалейной лавочки, и волосы у него были уже до того черны, что даже отливали вороненой сталью и выделялись своей чернотой в полном мраке. Я приехал в Денвер по его вызову. Джордж написал, что я срочно ему нужен, и просил прихватить с собой мой самый парадный костюм. Он был как раз на мне, когда я получил письмо, и я отбыл с ближайшим поездом. Джордж жил...

Белл оборвал свой рассказ и с минуту настороженно прислушивался.

- Мне показалось, что проехал кто-то по дороге, - пояснил он. - Да, так Джордж жил на курорте, на берегу озера под Денвером, и пускал там пыль в глаза, не жалея сил. Он снял

двухкомнатный коттедж, обзавелся собакой какой-то невиданной породы, гамаком и дюжиной тросточек самого различного вида.

- Симе, - говорит он мне, - здесь есть одна вдова, которая вконец допекла меня разнообразными знаками внимания. Нет мне от нее спасенья. Не то чтоб она была некрасива или непривлекательна, но ее намерения слишком серьезны, а я еще не подготовлен к женитьбе и оседлому образу жизни. Стоит мне пойти на вечеринку, или посидеть на веранде отеля, или вообще появиться в каком-нибудь обществе, как она тут как тут - накинет на меня свое лассо и не дает общаться со всем прочим стадом. Мне нравится это местечко, - продолжал Джордж, - я тут имею успех в самом избранном кругу, и в мои планы вовсе не входит сматываться отсюда. Вот я и вызвал вас.

- А что же я должен делать? - спрашиваю.

- Ну, как, - говорит, - вы должны заставить ее изменить курс. Отрезать ее от меня. Прийти мне на помощь. Ну, что бы вы сделали, если бы увидели, что меня хочет съесть дикая кошка?

- Бросился бы на нее.

- Правильно, - говорит. - Вот и бросьтесь на миссис де Клинтон.

- А как я должен это сделать? - спрашиваю. - С применением физической силы и устрашения или каким-либо более мягким и приятным способом?

- Поухаживайте за ней, - говорит Джордж. - Сбейте ее с моего следа. Таскайте ее по ресторанам. Катайтесь с ней на лодке. Околачивайтесь возле нее, не отходите от нее ни на шаг. Постарайтесь вскружить ей голову, если сумеете. Некоторые женщины порядочные дуры. Кто знает, может, она и прельстится вами.

- А вы никогда не пытались, - спрашиваю я его, несколько ослабить действие ваших роковых чар? Накинуть, так сказать, вуаль на вашу ослепительную красоту? Или позволить вашему чарующему голосу издать две-три резкие ноты? Короче, не пробовали ли вы сами как-нибудь отшить эту даму?

Джордж не уловил иронии в моих словах. Он подкрутил усы и уставился на носки своих башмаков.

- Вы же знаете, Симе, - говорит он, - мое отношение к женщинам. Я не могу не щадить их чувств. Это у меня в крови - я всегда вежлив с дамами, всегда потакаю их капризам. Но эта миссис де Клинтон просто мне не пара. К тому же я не создан для брака.

- Ладно, - говорю я. - Сделаю все, что в моих силах.

После этого я купил себе новый костюм и книжку о хорошем тоне и вцепился мертвой хваткой в миссис де Клинтон. Она была совсем недурна собой, очень живая и веселая. Первое время мне казалось, что, только стреножив эту даму, можно помешать ей таскаться за Джорджем по пятам. Но под конец я так ее приручил, что она стала вроде как с охотой кататься со мной верхом и на лодке и даже как будто принимала очень близко к сердцу, если я забывал послать ей с утра цветы. Все же мне как-то не нравилась ее манера поглядывать порой краешком глаза на Джорджа. А Джордж тем временем развлекался вовсю и мог возвращаться и общаться, сколько влезет. Да, - продолжал Белл, - слов нет, миссис де Клинтон была очень хороша тогда. Она несколько изменилась с тех пор, как вы могли заметить за ужином.

- Что такое?! - воскликнул я.

- Я женился на миссис де Клинтон, - сказал Белл, - как-то раз вечером, после прогулки на лодке. Когда я сообщил об этом Джорджу, тот разинул рот, и мне показалось, что он готов изменить нашему правилу и выразить мне свою признательность. Но он подавил в себе этот порыв.

- Вот как, - сказал он, продолжая играть со своей собакой. - Надеюсь, это не причинит вам слишком больших хлопот. Что касается меня, то я никогда не женюсь.

- Это было три года назад, - продолжал рассказ Белл. Мы обосновались в этом городе и примерно с год сравнительно неплохо ладили друг с другом. А потом все пошло кувырком. За последние два года жизнь моя постепенно превратилась в ад. Слышали небось сегодня скандалчик наверху? Ну, так это был очень приветливый прием по сравнению с тем, как меня обычно встречают. Ей скучно со мной, скучно в этом захудалом городишке, и она целый день рвет и мечет, бесится, как пантера в клетке. Я терпел, терпел и, наконец, две недели назад

воззвал о помощи. Мой призыв настиг Джорджа в Сакраменто. Получив телеграмму, он выехал с первым поездом.

Из дома быстрым шагом вышла миссис Белл и направилась к нам. Она казалась очень взволнованной или встревоженной, но старалась улыбаться, как радушная хозяйка, и говорить спокойно.

- Уже садится роса, - сказала она. - И час довольно поздний. Вы не хотите пойти в дом, джентльмены?

Белл вынул несколько сигар из кармана и сказал:

- Очень уж ночь хороша, неохота пока забираться в комнаты. Я думаю, мы с мистером Эймзом прогуляемся немного по дороге и выкурим еще по сигаре. Мне надобно потолковать с ним насчет некоторых закупок, которые я предполагаю сделать.

- Направо по дороге пойдете или налево? - спросила миссис Белл.

- Налево, - отвечал Белл.

Мне показалось, что миссис Белл вздохнула с облегчением.

Когда мы отошли от дома шагов на сто и деревья скрыли его из глаз, Белл свернул в густую рощу, тянущуюся вдоль дороги, и мы направились обратно к дому. Шагах в двадцати от него мы остановились в тени деревьев. Я недоумевал - что значит этот маневр? И тут до нас долетел стук копыт - к дому приближался экипаж. Белл вынул часы и взглянул на них при лунном свете.

- Минута в минуту, - сказал он. - Джордж всегда точен.

Экипаж подъехал к дому и остановился в густой тени. Женская фигура с большим саквояжем в руках вышла из дома и поспешно направилась к экипажу. Затем мы услышали, как он быстро покотился обратно.

Я поглядел на Белла. Само собой разумеется, я не задал никакого вопроса, но, вероятно, Белл прочел его на моем лице.

- Она убежала с Джорджем, - сказал он просто. - Он все время держал меня в курсе событий. Через шесть месяцев она получит развод, и тогда Джордж женится на ней. Если он беретя помочь, то никогда не останавливается на полдороге. У них уже все решено.

"Что же такое дружба, в конце-то концов?" - невольно подумалось мне.

Когда мы вернулись в дом, Белл завел о чем-то непринужденную беседу, и я старался ее поддерживать. Внезапно наш утренний разговор о фирме в Маунтен-Сити всплыл в моей памяти, и я стал настойчиво уговаривать Белла не упускать такой случай. Теперь он свободен, и ему легче сняться с места. А дело это, несомненно, очень выгодное.

Белл с минуту молчал. Я взглянул на него, и мне показалось, что он думает о чем-то другом, очень далеко от моего проекта.

- Нет, мистер Эймз, - сказал он наконец. - Я не могу пойти на это дело. Горячо признателен вам за ваши хлопоты, но я уж останусь здесь. Я не могу перебраться в Маунтен-Сити.

- Почему же? - спросил я.

- Миссис Белл, - отвечал он, - не захочет жить в Маунтен-Сити. Она не любит этого города и ни за что туда не поедет. Придется мне торчать здесь в Салтилло,

- Миссис Белл? - воскликнул я в полном недоумении. Я был так изумлен, что даже не пытался найти какой-нибудь смысл в его словах.

- Сейчас объясню, - сказал Белл. - Я знаю Джорджа и знаю миссис Белл. Джордж не очень-то покладист. Если ему что-нибудь не по нутру, он не станет долго терпеть - не то, что я. Я даю им от силы полгода - полгода супружеской жизни, - а затем последует разрыв, и миссис Белл вернется ко мне. Ей больше некуда деться. Значит, я должен сидеть здесь и ждать. А через полгода придется схватить чемодан и сесть на первый поезд. Потому что придет призыв от Джорджа:

"Друг, на помощь!"

ОСТАТКИ

Исповедь юмориста

Инкубационный период длился, не причиняя мне беспокойства, двадцать пять лет, а затем появилась сыпь, и окружающие поставили диагноз.

Только они назвали болезнь не корью, а чувством юмора.

Когда старшему компаньону фирмы исполнилось пятьдесят лет, мы, служащие, преподнесли ему серебряную чернильницу.

Церемония эта происходила в его кабинете. Произнести поздравительную речь было поручено мне, и я старательно готовил ее целую неделю.

Моя коротенькая речь произвела фурор. Она была пересыпана веселыми намеками, остротами и каламбурами, которые имели бешеный успех.

Сам старик Марлоу — глава солидного торгового дома «Оптовая продажа посудных и скобяных товаров» — снизошел до улыбки, а служащие, прочтя в этой улыбке поощрение, хохотали до упаду.

Вот с этого-то утра за мною и утвердилась репутация юмориста.

Сослуживцы неустанно раздували пламя моего самомнения. Один за другим они подходили к моей конторке, уверяли, что я произнес замечательную речь, и прилежно растолковывали мне, чем именно была смешна каждая из моих шуток.

Выяснилось, что я должен продолжать в том же духе. Другим разрешалось вести нормальные разговоры о делах и о погоде, от меня же по всякому поводу ожидали замечаний игривых и легкомысленных.

Мне полагалось сочинять эпиграммы на глиняные миски, и зубоскалить по поводу эмалированных кастрюль. Я занимал должность младшего бухгалтера, и товарищи мои бывали разочарованы, если я не обнаруживал повода для смеха в подсчитанной мною колонке цифр иди в накладной на плуги.

Постепенно слава обо мне разнеслась, и я стал «фигурой». Наш городок был для этого достаточно мал. Меня цитировали в местной газете. Без меня не обходилось ни одно собрание.

Я, очевидно, и в самом деле был от природы наделен некоторой долей остроумия и находчивости. Эти свойства я развивал постоянной тренировкой. Шутки мои, надо сказать, носили безобидный характер, в них не было язвительности, они не ранили. Еще издали завидев меня, встречные начинали улыбаться, а к тому времени, когда мы сходились, у меня обычно была готова фраза, от которой улыбка их разрешалась смехом.

Женился я рано. У нас был прелестный сынишка трех лет и пятилетняя дочка. Мы, конечно, жили в домике, увитом плющом, и были счастливы. Мое бухгалтерское жалованье гарантировало нас от зол, сопряженных с чрезмерным богатством.

Время от времени я записывал какую-нибудь свою шутку или выдумку, показавшуюся мне особенно удачной, и посылал в один из тех журналов, что печатают такую чепуху. Не было случая, чтобы ее не приняли. От некоторых редакторов поступили просьбы и дальше снабжать их материалом.

Однажды я получил письмо от редактора известного еженедельника. Он просил прислать ему какую-нибудь юмористическую вещичку на целый столбец и давал понять, что, если она подойдет, он будет печатать такой столбец из номера в номер. Я послал, и через две недели он предложил мне годовой контракт и гонорар, значительно превышавший то жалованье, которое платила мне скобяная фирма.

Я был вне себя от радости. Жена мысленно уже венчала меня неувядающими лаврами литературного успеха. На ужин мы закатали крокеты из омаров и бутылку черносмородинной наливки. Освобождение от бухгалтерской ляжки — об этом стоило подумать! Мы с Луизой очень серьезно обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что мне следует отказаться от места и посвятить себя юмору.

Я бросил службу в торговом доме. Сослуживцы устроили мне прощальный обед. Моя речь была сплошным фейерверком. Местная газета напечатала ее — от первого до последнего слова. На следующее утро я проснулся и посмотрел на часы.

— Проспал! — воскликнул я в ужасе и кинулся одеваться.

Луиза напомнила мне, что я уже не раб скобяных изделий и подрядов на поставку. Отныне я — профессиональный юморист.

После завтрака она гордо ввела меня в крошечную комнату за кухней. Милая Луиза! Оказывается, мне уже был приготовлен стол и стул, блокнот, чернила и пепельница, а также все остальное, что полагается настоящему писателю: вазочка с только что срезанными розами и жимолостью, прошлогодний календарь на стене, словарь и пакетик шоколадных конфет — лакомиться в промежутках между приступами вдохновения. Милая Луиза!

Я засел за работу. Обои в моем кабинете были расписаны арабесками... или одалисками, а может быть, трапецоидами. Упершись взглядом в одну из этих фигур, я сосредоточил свои мысли на юморе.

Я вздрогнул, — кто-то окликнул меня.

— Если ты не очень занят, милый, — сказал голос Луизы, — иди обедать.

Я взглянул на часы. Да, страшная старуха с косой уже забрала себе пять часов моей жизни. Я пошел обедать.

— Не надо тебе переутомляться, — сказала Луиза. — Гете — или кто это, Наполеон? — говорил, что для умственной работы пять часов в день вполне достаточно. Хорошо бы нам после обеда сходить с ребятами в лес.

— Да, я немножко устал, — признался я. И мы пошли в лес.

Но скоро я втянулся. Через месяц я уже сбывал рукописи без задержки, как партии скобяных товаров.

Я познал успех. О моих фельетонах в еженедельнике заговорили. Критики снизошли до утверждения, что я внес в юмористику новую, свежую струю. Для приумножения своих доходов я посылал кое-что и в другие журналы.

Я совершенствовал свою технику. Забавная выдумка, воплощенная в двух стихотворных строках, приносила мне доллар. Я мог приклеить ей бороду и подать ее в холодном виде как четверостишие, тогда ее ценность возрастала вдвое. А перелицевать юбку да прибавить оборочку из рифм — и ее не узнаешь: это уже салонные стишки с иллюстрацией из модного журнала.

Я стал откладывать деньги, мы купили два ковра и фисгармонию. В глазах соседей я был уже не просто балагур и остряк, как в дни моего бухгалтерства, а гражданин с некоторым весом.

Месяцев через пять или шесть мой юмор стал утрачивать свою непосредственность. Шутки и остроты уже не слетали у меня с языка сами собой. Порой мне не хватало материала. Я ловил себя на том, что прислушиваюсь — не мелькнет ли что-нибудь подходящее в разговорах моих друзей. Иногда я часами грыз карандаш и разглядывал обои, силясь создать веселенький экспромт.

А потом я превратился в гарпию, в Молоха, в вампира, в злого гения всех своих знакомых. Усталый, издерганный, алчный, я отравлял им жизнь. Стоило мне услышать острое словцо, удачное сравнение, изящный парадокс, и я бросался на него, как собака на кость. Я не доверял своей памяти: виновато отвернувшись, я украдкой записывал его впрок на манжете или в книжечку, с которой никогда не расставался.

Знакомые дивились на меня и огорчались. Я совсем изменился. Раньше я веселил и развлекал их, теперь я сосал их кровь. Тщетно они стали бы дожидаться от меня шуток. Шутки были слишком драгоценны, я берег их для себя. Транжирить свои средства к существованию было бы непозволительной роскошью.

Как мрачная лисица, я расхваливал пение моих друзей-ворон, помогаясь, чтобы они вырвали из клюва кусочек остроумия.

Люди стали избегать моего общества. Я разучился улыбаться — даже этой цены я не платил за слова, которые беззастенчиво присваивал.

В поисках материала я грабил без разбора, мне годился любой человек, любой сюжет, любое время и место. Даже в церкви мое развращенное воображение рыскало среди величественных колонн и приделов, вынюхивая добычу.

Едва священник объявлял «славословие великое», как я начинал комбинировать: «Славословие-пустословие — предисловие — великое — лик ее...»

Всю проповедь я процеживал как сквозь сито, не обращая внимания на утекавший смысл, жадно ища хоть зернышка для каламбура или bon mot. Самый торжественный хорал только служил аккомпанементом к моим думам о том, какие новые варианты можно выжать из комической ситуации, бас влюблен в сопрано, а сопрано — в тенора.

Я охотился и в собственном доме. Жена моя — на редкость женственное создание, доброе, простодушное и экспансивное. Прежде разговаривать с нею было для меня наслаждением, каждая ее мысль доставляла мне радость. Теперь я эксплуатировал ее, как золотой прииск, старательно выбирая из ее речи крупинки смешной, но милой непоследовательности, отличающей женский ум.

Я стал сбывать на рынок эти перлы забавной наивности, предназначенные блистать лишь у священного домашнего очага. С сатанинским коварством я вызывал жену на разговоры. Не подозревая худого, она открывала мне душу. А я выставлял ее душу для всеобщего обозрения на холодной, кричащей, пошлой печатной странице.

Иуда от литературы, я предавал Луизу поцелуем. За жалкие сребреники я напяливал шутовской наряд на чувства, которые она мне поверяла, и посылал их плясать на рыночной площади.

Милая Луиза! По ночам я склонялся над ней, как волк над ягненком, прислушиваясь, не заговорит ли она во сне, ловя каждое слово, которое я мог назавтра пустить в обработку. И это еще не самое худшее.

Да простит меня бог! Я вонзил когти в невинный лепет моих малолетних детей.

Гай и Виола являли собой два неиссякаемых источника уморительных детских фантазий и словечек. Это был ходкий товар, и я регулярно поставлял его одному журналу для отдела «Чего только не выдумают дети».

Я стал выслеживать сына и дочь, как индеец — антилопу. Чтобы подслушать их болтовню, я прятался за дверьми и диванами или в садике переползал на четвереньках от куста к кусту.

Единственным моим отличием от гарпии было то, что меня не терзало раскаяние.

Однажды, когда в голове у меня не было ни единой мысли, а рукопись надо было отослать с ближайшей почтой, я зарылся в кучу сухих листьев в саду, зная, что дети придут сюда играть. Я отказываюсь верить, что Гай сделал это с умыслом, но даже если так, не мне осуждать его за то, что он поджег листья и тем погубил мой новый костюм и чуть не кремировал заживо родного отца.

Скоро мои дети стали бегать от меня»; как от чумы. Нередко, подбираясь к ним подобно хищному зверю, я слышал, как один говорил другому «Вон идет папа», — и, подхватив игрушки, они взапуски мчались в какое-нибудь безопасное место. Вот как низко я пал!

Финансовые мои дела между тем шли неплохо. За год я положил в банк тысячу долларов, и прожили мы этот год безбедно.

Но какой ценой мне это далось! Я не знаю в точности, что такое пария, но, кажется, это именно то, чем я стал. У меня не было больше ни друзей, ни утех, все мне опостылело. Я принес на алтарь Маммоны счастье моей семьи. Как стяжательница-пчела, я собирал мед из прекраснейших цветов жизни, и все сторонились меня, опасаясь моего жала.

Как-то раз знакомый человек окликнул меня с приветливой улыбкой. Уже много месяцев со мной не случалось ничего подобного. Я проходил мимо похоронного бюро Питера Геффельбауэра Питер стоял в дверях и поздоровался со мной. Я остановился, до глубины души взволнованный его приветствием. Он пригласил меня зайти.

День был холодный, дождливый. Мы прошли в заднюю комнату, где топилась печка. К Питеру пришел клиент, и он ненадолго оставил меня одного. И тут я испытал давно забытое чувство — чувство блаженного отдохновения и мира. Я огляделся. Меня окружали ряды гробов полированного палисандрового дерева, черные покровы, кисти, плюмажи, полосы траурного крепа и прочие атрибуты похоронного ремесла. Это было царство порядка и тишины, серьезных и возвышенных раздумий. Это был уголок на краю жизни, овеванный духом вечного покоя.

Войдя сюда, я оставил за дверью суетные мирские заботы. Я не испытывал желания найти в этой благолепной, чинной обстановке пищу для юмора. Ум мой словно растянулся, отдыхая, на черном ложе, задрапированном короткими мыслями.

Четверть часа тому назад я был развратным юмористом. Теперь я был философом, безмятежно предающимся созерцанию. Я обрел убежище от юмора, от бесконечной, изматывающей, унижительной погони за быстрой шуткой, за ускользающей остротой, за увертливой репликой.

С Геффельбауэром я не был близко знаком. Когда он вернулся, я заговорил с ним, втайне страшась, как бы он не прозвучал фальшивой нотой в упоительной погребальной гармонии своего заведения.

Но нет. Гармония не была нарушена. У меня вырвался долгий вздох облегчения. Никогда еще я не слышал, чтобы человек говорил так безукоризненно скучно, как Питер. По сравнению с его речью Мертвое море показалось бы гейзером. Ни единый проблеск остроумия не осквернял ее. Из уст Питера сыпались общие места, обильные и пресные, как черная смородина, не более волнующие, чем прошлогодние биржевые котировки. Не без трепета я испробовал на нем одну из своих самых отточенных шуток. Она упала наземь со сломанным наконечником, даже не оцарапав его. С этой минуты я полюбил Питера всем сердцем.

Я стал навещать его по вечерам два-три раза в неделю и отводить душу в его комнате за магазином. Других радостей у меня не было. Я вставал рано, мне не терпелось покончить с работой, чтобы можно было подольше побыть в моей тихой пристани. Только здесь я избавлялся от привычки искать поводов для смеха во всем, что видел и слышал. Впрочем, разговоры с Питером все равно не дали бы мне в этом смысле ровно ничего.

В результате настроение у меня улучшилось. Ведь я имел теперь то, что необходимо каждому человеку, — часы отдыха после тяжелой работы. Встретив как-то на улице старого знакомого, я удивил его мимолетной улыбкой и шутливым приветствием. Несколько раз я привел в крайнее изумление своих домашних — в их присутствии разрешил себе сказать что-то смешное.

Демон юмора владел мною так долго, что теперь я упивался свободным временем, как школьник на каникулах.

Это скверно отразилось на моей работе. Она перестала быть для меня тяжким бременем. Я часто насвистывал, с пером в руке, и писал небрежнее, чем раньше. Я старался поскорее развязаться с рукописью, меня тянуло в мое пристанище, как пьяницу в кабак.

Жена моя провела немало тревожных часов, теряясь в догадках, где это я пропадаю по вечерам. А мне не хотелось ей рассказывать — женщины таких вещей не понимают. Бедная девочка! Один раз она не на шутку перепугалась.

Я принес домой серебряную ручку от гроба для пресс-папье и чудесный пушистый плюмажик — смахивать пыль.

Мне было приятно видеть их у себя на столе и вспоминать уютную комнату за магазином Геффельбауэра. Но они попались на глаза Луизе, и она завизжала от ужаса. Чтобы успокоить ее, пришлось сочинить какую-то басню о том, как они ко мне попали, но по глазам ее я видел, что ее подозрения еще не скоро улягутся. Зато плюмаж и ручку от гроба пришлось убрать не медля.

Однажды Питер Геффельбауэр сделал мне увлекательнейшее предложение. Методично и разумно, как было ему свойственно, он показал мне свои книги и объяснил, что и клиентура его и доходы быстро растут. Он надумал пригласить компаньона, который внес бы в дело свой пай. Больше всего ему хочется, чтобы этим компаньоном был я. Когда я в тот вечер вышел на улицу, у Питера остался мой чек на тысячу долларов, что лежали у меня в банке, а я был совладельцем его похоронного бюро.

Я шел домой, и к бурной радости, бушевавшей у меня в груди, примешивались кой-какие сомнения. Меня страшил разговор с женой. И все же я летел, как на крыльях. Поставить крест на юмористике, снова вкусить сладких плодов жизни, вместо того чтобы выжимать их ради нескольких капель хмельного сидра, долженствующего вызвать смех читателей, — какое это будет блаженство!

За ужином Луиза дала мне несколько писем, которые пришли, пока меня не было дома. Среди них оказалось три-четыре конверта с неприятными рукописями. С тех пор как я стал бывать у Геффельбауэра, эти неприятные послания приходили все чаще. В последнее время я строчил свои стишки и заметки с необыкновенной легкостью. Раньше я трудился над ними, как каменщик, — тяжело, с натугой.

Затем я распечатал письмо от редактора того еженедельника, с которым у меня был заключен контракт. Чеки, регулярно поступающие из этого журнала, до сих пор составляли наш основной доход. Письмо гласило:

~"Дорогой сэръ!

Как Вам известно, срок нашего годового контракта истекает в конце этого месяца. С сожалением должны Вам сообщить, что мы не собираемся продлить означенный контракт еще на год. Ваш юмор вполне удовлетворял нас по своему стилю и, видимо, отвечал запросам значительной части наших читателей. Однако в последние два месяца мы заметили, что качество его определенно снизилось.

Прежде Ваше остроумие отличала непосредственность, естественность и легкость. Теперь в нем чувствуется что-то вымученное, натянутое и неубедительное, оставляющее тягостное впечатление напряженного труда и усилий.

Разрешите еще раз выразить сожаление, что мы не считаем возможным в дальнейшем числить Вас среди наших сотрудников.

С совершенным почтением
Редактор».

Я дал письмо жене. Когда она кончила читать, лицо ее вытянулось и на глазах выступили слезы.

— Какая свинья! — воскликнула она негодуя. — Я уверена, что ты пишешь ничуть не хуже, чем раньше. Да к тому же вдвое быстрее. — И тут Луиза, очевидно, вспомнила про чеки, которые нам больше не будут присылать. — Джон! — простонала она. — Что же ты теперь будешь делать?

Вместо ответа я встал и прошелся полькой вокруг обеденного стола. Луиза, несомненно, решила, что я от огорчения лишился рассудка. А дети, мне кажется, только того и ждали — они пустились за мною следом, визжа от восторга и подражая моим пируэтам.

— Сегодня мы идем в театр! — заорал я. — А потом — все вместе кутим полночи в ресторане «Палас». Три-та-та-три-та-та!

После чего я объяснит свое буйное поведение, сообщив, что теперь я — совладелец процветающего похоронного бюро, а юмористика пусть провалится в тартарары — мне не жалко.

Поскольку Луиза держала в руке письмо редактора, она не нашлась, что возразить против моего решения, и ограничилась какими-то пустыми придирками, свидетельствующими о чисто женском неумении оценить такую прелесть, как задняя комната в похоронном бюро Питера Гефф... прошу прощенья, Геффельбауэра и Ко .

В заключение скажу, что сейчас вы не найдете в нашем городе такого популярного, такого жизнерадостного и неистощимого на шутки человека, как я. Снова все повторяют и цитируют мои словечки, снова я черпаю бескорыстную радость в интимной болтовне жены, а Гай и Виола резвятся у моих ног, расточая сокровища детского юмора и не страшась угрюмого мучителя, который, бывало, ходил за ними по пятам с блокнотом.

Предприятие наше процветает. Я веду книги и присматриваю за магазином, а Питер имеет дело с поставщиками и заказчиками. Он уверяет, что при моем веселом нраве я способен любые похороны превратить в ирландские поминки.

ПОСТСКРИПТУМЫ

Вместо предисловия

Этими коротенькими рассказами Вильям Сидней Портер (О`Генри) начал свою карьеру. Появлением их, собранных в посмертном томике, в свет - она теперь завершается.

Вошедшие в этот сборник миниатюры печатались на столбцах издававшейся в Хаустоне газеты "Post" в период между октябрём 1895 и июнем 1896 гг. под заголовками: "Городские рассказы", "Постскриптумы и зарисовки" и "Еще несколько постскриптумов". Всего вернее было бы назвать этот сборник: "Хаустонские рассказы". Но мы сохраняем название английского

издания "Постскриптумы", чтобы оттенить посмертный характер томика: рассказы эти вписывает в нашу память уже истлевшая рука американского юмориста.

Подлинность предлагаемых вещей неоспорима. Правда, они печатались в газете без подписи. Но добросовестная составительница сборника (и - в скобках - беззаветная поклонница "американского Мопассана") установила авторство О`Генри не только показаниями лиц, причастных к газете "Post", но даже бухгалтерскими выписками сумм, которые О`Генри получал, и чисел, в каковые гонорар выплачивался. Впрочем, для лиц, знакомых с творчеством О`Генри, достаточными аргументами в пользу подлинности этих вещей являются их стиль и конструкция - обязательно на трюке! - столь типичные для О`Генри.

Как бы там ни было, русские поклонники даровитого американского юмориста не должны пропустить этого сборника. В числе вошедших в него вещей есть немало крошечных шедевров - ценных, кстати сказать, прежде всего для эстрады.

Мы опустили только миниатюры в стихах, за редкими исключениями весьма уступающие прозаическим, да несколько вещей, частью основанных на непередаваемой игре слов, частью включенных в сборник вследствие фанатической добросовестности составительницы, разделять которую мы не можем.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ПОЛКОВНИК

Солнце ярко светит и птицы весело поют на ветвях. Во всей природе разлиты мир и гармония. У входа в небольшую пригородную гостиницу сидит приезжий и, тихо покуривая трубочку, ждет поезда.

Но вот высокий мужчина в сапогах и в шляпе с широкими, опущенными вниз полями выходит из гостиницы с шестизарядным револьвером в руке и стреляет. Человек на скамье скатывается с громким воплем. Пуля оцарапала ему ухо. Он вскакивает на ноги в изумлении и ярости и орет:

- Почему вы в меня стреляете?

Высокий мужчина приближается с широкополой шляпой в руке, кланяется и говорит:

- П'ошу п'ощения, сэ'. Я полковник Джэй, сэ', мне показалось, что вы оскобляете меня, сэ', но вижу, что я ошибся. Очень 'ад, что не убил вас, сэ'.

- Я оскорбляю вас - чем? - вырывается у приезжего. - Я не сказал ни единого слова.

- Вы стучали по скамье, сэ', словно хотели сказать, что вы дятел, сэ', а я - п'инадлежу к д'угой по'оде. Я вижу тепе'ь, что вы п'осто выколачивали пепел из вашей т'убки, сэ'. П'ошу у вас п'ощения, сэ', а также, чтобы вы пошли и де'нули со мной по стаканчику, сэ', дабы показать, что у вас нет никакого осадка на душе п'отив джентльмена, кото'ый п'инес вам свои извинения, сэ'.

НЕ СТОИТ РИСКОВАТЬ

- Посмотрим, - сказал жизнерадостный импрессарио, наклоняясь над географическим атласом. - Вот город, куда мы можем завернуть на обратном пути. Антананариво, столица Мадагаскара, имеет сто тысяч жителей.

- Это звучит обещающе, - сказал Марк Твен, запуская руки в густые кудри. - Прочтите, что там есть еще по этому вопросу.

- Жители Мадагаскара, - продолжал читать жизнерадостный импрессарио, - отнюдь не дикари, и лишь немногие из племен могут быть названы варварскими. Среди мадагаскарцев много ораторов, и язык их полон фигурами, метафорами и притчами. Есть много данных, чтобы судить о высоте умственного развития населения Мадагаскара.

- Звучит очень хорошо, - сказал юморист. - Читайте дальше.

- Мадагаскар, - продолжал импрессарио, - родина огромной птицы эпиорнис - кладущей яйца величиной в 15 с половиной на 9 с половиной дюймов, весом от десяти до двенадцати фунтов. Эти яйца...

- Не стоит читать дальше, - сказал Марк Твен. - Мы не поедим на Мадагаскар.

ЗЕЛЕНЫЙ

- Я впредь буду иметь дело только с опытными приказчиками, освоившимися со всеми особенностями ювелирной торговли, - сказал вчера хаустонский ювелир своему другу. Видите

ли, на рождественские праздники мы обычно нуждаемся в помощи и часто берем на эти дни людей, которые являются прекрасными приказчиками, но не посвящены в тонкости именно ювелирного дела. И вот тот молодой человек чрезвычайно исполнительен и вежлив со всеми, но благодаря ему я только что потерял одного из лучших своих клиентов.

- Каким образом? - спросил друг.

- Господин, всегда покупающий у нас, зашел с женой неделю тому назад, дал ей выбрать великолепную бриллиантовую булавку, обещанную им в качестве рождественского подарка, и попросил этого молодого человека отложить ее для него до сегодня.

- Понимаю, - сказал друг, - он продал ее кому-то другому, к великому разочарованию вашего клиента.

- Вы, по-видимому, недостаточно хорошо знаете психологию женатых людей, - сказал ювелир. - Этот идиот действительно сохранил отложенную булавку, и тому пришлось купить ее.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Все газеты обошло одно утверждение, касающееся хорошо известного женского недостатка - любопытства. Оно гласит, что если мужчина принесет домой номер газеты, из которого вырезан кусочек, жена его не успокоится до тех пор, пока не достанет другого экземпляра и не убедится, что именно было вырезано.

Один из хаустонских жителей настолько заинтересовался этим утверждением, что решил проверить его на опыте. Как-то вечером на прошлой неделе он вырезал из утренней газеты объявление о новом средстве против катара - так, дюйма на два - и оставил искалеченный номер на столе, где жена не могла его не заметить.

Он взял книгу и сделал вид, что поглощен ею, в то же время наблюдая за женой, просматривающей газету. Когда той попало место, откуда была вырезана заметка, она нахмурилась, и серьезное раздумье отразилось на ее лице.

Однако, она ни слова не сказала, и муж никак не мог решить наверняка, возбуждено в ней любопытство или нет.

На следующий день, когда он вернулся к обеду, жена встретила его с пылающими глазами и зловещим дрожанием губ.

- Жалкий лживый негодяй! - вскричала она. - После стольких лет совместной жизни узнать, что ты низко обманывал меня, ведя двойную жизнь и навлекая позор и горе на твою ни в чем неповинную семью! Я всегда подозревала, что ты мерзавец и подлец, а теперь у меня в руках неоспоримое доказательство этого!

- Что - что - что ты имеешь в виду, Мэри? - вырвалось у него. - Я ничего не сделал!

- Конечно, ты готов добавить и ложь к списку твоих пороков! Раз ты делаешь вид, что не понимаешь меня - погляди на это!

Она держала перед ним неповрежденный экземпляр вчерашней утренней газеты.

- Ты рассчитывал скрыть от меня твои поступки, вырезав часть газеты, но я умнее, чем ты думал!

- Но это всего лишь шутка, Мэри. Я не думал, что ты отнесешься к этому серьезно.

- Ты называешь это шуткой, бессовестный негодяй! - вскричала жена, развертывая перед ним газету.

Муж взглянул - и прочел в смущении и ужасе. Вырезая объявление о катаре, он ни на минуту не подумал взглянуть, что стояло на оборотной стороне его - и вот какая заметка должна была представиться глазам того, кто встретился с вырезкой, читая другую страницу листа:

Один из жителей города, видный делец, весьма весело проводил вчера время в одном из ресторанов, ужиная вместе с двумя хористками гастролирующей в настоящее время у нас комической оперы. Излишне громкий разговор и битье посуды привлекли внимание посторонних, но все было улажено, благодаря видному положению, занимаемому упомянутым джентльменом.

- Ты называешь это шуткой, старая ты гадина? - визжала возбужденная дама. - Я уезжаю к маме сегодня же вечером и намерена остаться там. Думал надуть меня, вырезав заметку, да?

Ты низкая, транжирящая деньги змея - ты! Я уже упаковала свои сундуки и еду сию же минуту домой... не подходи ко мне!

- Мэри! - пролепетал не находивший слов муж. - Клянусь, что я...

- Не прибавляйте кощунства к вашим преступлениям, сэр!

Муж сделал три-четыре тщетных попытки заставить себя выслушать, а затем схватил шляпу и выбежал на улицу. Через четверть часа он вернулся с двумя шелковыми платьями, четырьмя фунтами конфет, бухгалтером и тремя приказчиками, чтобы доказать, что в упомянутый вечер он был по горло занят у себя в магазине.

Дело в конце концов было улажено к удовлетворению обеих сторон, но зато один из хаустонских жителей больше не испытывает любопытства по вопросу о женском любопытстве.

СПОРТИВНЫЙ ИНТЕРЕС

На задворках одной из крупнейших мануфактурных фабрик Хаустона кипит оживленная работа. Целый ряд рабочих хлопочет, подымая тяжести с помощью блоков и талей. Каким-то образом канат перетирается и подъемный кран летит вниз. Толпа с быстротой молнии рассеивается, кто куда. Сильный, режущий уши грохот, туча пыли и - труп человека под тяжелыми лесами.

Остальные окружают его и геркулесовыми усилиями стаскивают балки с исковерканного тела. Из грубых, но добрых грудей вырывается хриплый ропот жалости, и вопрос обегает все уста:

- Кто скажет ей?

В маленьком аккуратном домике близ железной дороги, который они, стоя, видят отсюда, ясноглазая, каштаново-волосая молодая женщина работает, напевая, и не знает, что смерть в мгновение ока вырвала ее мужа из числа живых.

Работает, счастливо напевая, в то время, как рука, которую она выбрала для защиты и поддержки в течение всей ее жизни, лежит неподвижная и быстро холодеет холодом могилы!

Эти грубые люди, как дети, стараются уклониться от необходимости сообщить ей. Их страшит принести весть, которая сменит ее улыбку на горе и плач.

- Иди ты, Майк, - говорят одновременно трое или четверо из них. - Ты, брат, учнее, чем кто-либо из нас, и будешь чувствовать себя, после того, как скажешь ей, как ни в чем не бывало. Пошел, пошел - и будь поласковее с женой бедного Тима, пока мы попробуем привести труп в порядок!

Майк - приятного вида мужчина, молодой и дюжий. Кинув последний взгляд на злополучного товарища, он медленно направился вниз по улице к домику, где живет молодая жена - теперь, увы, вдова.

Прибыв на место, он не колеблется. Сердце у него нежное, но закаленное. Он поднимает щеколду калитки и твердым шагом идет к двери. Прежде, чем он успевает произнести хоть одно слово, что-то в его лице говорит ей всю правду.

- Что это было? - спрашивает она. - Внезапный взрыв или укусы змеи?

- Подъемный кран сорвался, - говорит Майк.

- В таком случае я проиграла пари, - говорит она. - Я не сомневалась, что это будет - виски.

Жизнь, господа, полна разочарований.

УМЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Сильный запах лука и того сорта спирта, который рекомендуется в рекламах "для технических целей", проникли сквозь замочную скважину, а немедленно за ними появился индивидуум, неся под мышкой внушительную рукопись, напоминавшую величиной скатанный кусок обоев.

Индивидуум принадлежал к типу, определяемому нашими английскими кузенами, как "представитель низших классов", а демагогической прессой, как "кости и нервы страны"; местом же его вторжения была святая святых великого техасского еженедельника.

Редактор сидел за письменным столом, вцепившись руками в свои скудные волосы и глядя с отчаянием на письмо, полученное от фирмы, у которой он брал в кредит бумагу.

Индивидуум пододвинул стул к самому креслу редактора и положил тяжелую рукопись на стол - так что последний даже затрещал под ее весом.

- Я работал над этим девятнадцать часов, - сказал он, - но, наконец, оно кончено.

- Что это такое? - спросил редактор. - Травокосилка?

- Это ответ, сэр, на послание президента: развенчание каждой и всех его проклятых доктрин, полный и уничтожающий образ каждого из утверждений и каждой из лживых и предательских теорий, им выдвинутых.

- Приблизительно сколько... гм.. сколько фунтов оно содержит, по-вашему? - спросил в раздумьи редактор.

- Пятьсот двадцать семь страниц, сэр, и...

- Написано карандашом на одной стороне листа? - спросил редактор со странным блеском в глазах.

- Да, и здесь затронуто...

- Можете оставить рукопись, - сказал редактор, вставая со своего кресла. - Полагаю, что мы сумеем использовать ее надлежащим образом.

Индивидуум отчаянным усилием перевел дух и удалился, чувствуя, что решительный удар нанесен - тем, наверху.

Не прошло и десяти минут, как были приобретены шесть лучших резинок, и весь состав конторы приступил к работе над рукописью.

Великий еженедельник вышел вовремя, но редактор задумчиво взглянул на непогашенный с прошлого месяца счет за бумагу и сказал:

- Пока что - хорошо. Но хотел бы я знать, на чем мы будем печатать следующий выпуск!

ПРИМЕРЕНИЕ

Одноактная драма

Действующие лица: хаустонская супружеская чета.

Место действия: будуар супруги.

Он. А теперь, Виола, раз мы понимаем друг друга, не станем повторять этого еще раз. Забудем горькие слова, сказанные нами друг другу, и решим жить всегда в любви и в мире. (Берет ее за талию).

Она. Ах, Чарльз, ты не представляешь, как я счастлива! Разумеется, мы никогда больше не будем ссориться. Жизнь слишком коротка для того, чтобы изводить ее на мелкие дразги и стычки. Будем идти по светлому пути любви и никогда больше не сойдем с него. Ах, какое блаженство сознавать, что ты любишь меня и что ничто никогда не встанет между нами! Совсем как будто вернулись прежние дни наших встреч у сиреновой изгороди, не правда ли? (Кладет голову ему на плечо).

Он. Да, и я еще срывал тогда гроздь и вплетал в твои волосы, и называл тебя царицей Титанией.

Она. Ах, это было прелестно! Я помню. Царица Титания? Ах, это одна из шекспировских героинь, которая еще полюбила человека с ослиной головой.

Он. Гм!

Она. Не надо. Я не имела в виду тебя. Ах, Чарльз, прислушайся к этим рождественским колоколам! Что за веселый день это будет для нас! Ты уверен, что любишь меня так же, как любил раньше?

Он. Больше! (Чмок!)

Она. Мои губки сладки?

Он. (Чмок! Чмок!)

Она. Ты хочешь их съесть?

Он. Все без остатка. Чья ты женушка?

Она. Моего собственного маленького мальчика.

Оба. (Чмок!)

Он. Слушай, колокола зазвонили опять. Мы должны быть вдвойне счастливы, любовь моя, потому что мы переплыли бурные моря сомнений и гнева. Но теперь близок рассвет: розовая заря любви вернулась!

Она. И вечно останется. Ах, Чарльз, ни словом ни взглядом не причиним больше боли друг другу!

Он. Никогда! И ты не будешь больше бранить меня?

Она. Нет, любимый. Ты знаешь, я никогда не браню тебя, если ты не даешь мне повода.

Он. Иногда ты злишься и говоришь неприятности без всякого повода.

Она. Может быть, ты так думаешь, но это не так. (Отрывает голову от его плеча).

Он. Я знаю, о чем я говорю (Снимает руку с ее талии.)

Она. Ты приходишь домой раздраженным, потому что не умеешь вести свои дела, как следует, и срываешь зло на мне.

Он. Я устаю от тебя. Ты наступаешь сама себе на уши, потому что ты принадлежишь к такой уж бездумной широкооротой породе и не в силах не делать этого.

Она. Ты старый беспардонный лгун из лгуньего рода, и не смей разговаривать так со мной, или я выцарапаю твои глаза!

Он. Ты проклятая бешеная кошка! Жалею, что меня не убило молнией прежде, чем я встретил тебя.

Она. (хватая щетку). Бах! Бах! Тррах!

Он. (после того, как выбрался на тротуар). Интересно, прав ли полковник Ингерсол, что самоубийство не грех?

Занавес.

ПЕРЕМУДРИЛ

Есть в Хаустоне человек, идущий в ногу с веком. Он читает газеты, много путешествовал и хорошо изучил человеческую натуру. У него естественный дар разоблачать мистификации и подлоги, и нужно быть поистине гениальным актером, чтобы ввести его в какое-либо заблуждение.

Вчера ночью, когда он возвращался домой, темного вида личность с низко надвинутой на глаза шляпой шагнула из-за угла и сказала:

- Слушайте, хозяин, вот шикарное бриллиантовое кольцо, которое я нашел в канаве. Не хочу наделать себе хлопот с ним. Дайте мне доллар и держите его.

Человек из Хаустона с улыбкой взглянул на сверкающий камень кольца, которое личность протягивала ему.

- Очень хорошо придумано, паренек, - сказал он. - Но полиция наступает на самые пятки таким, как ты. Лучше выбирай покупателей на свои стекла с большей осторожностью. Спокойной ночи!

Добравшись до дому, человек нашел свою жену в слезах.

- О, Джон! - сказала она. - Я отправилась за покупками нынче днем и потеряла свое кольцо с солитером! О, что мне теперь...

Джон повернулся, не сказав ни слова, и помчался по улице - но темной личности уже нигде не было видно.

Его жена часто размышляет на тему, отчего он никогда не бранит ее за потерю кольца.

ПОКУПКА ФОРТЕПЬЯНО

Человек из Хаустона решил несколько дней тому назад купить своей жене фортепьяно в качестве рождественского подарка. Надо при этом сказать, что между агентами по распространению фортепьяно больше соперничества, соревнования и объегоривания друг друга, нежели между людьми всех остальных профессий. Страховое дело и разведение фруктовых садов беззубые младенцы по сравнению с фортепьянной промышленностью. Человек из Хаустона - он видный адвокат - знал это и постарался посвятить в свои намерения самый ограниченный круг людей, опасаясь, что агенты станут досаждать ему. Он всего один раз справился в музыкальном магазине о ценах и решил через неделю-другую сделать свой выбор.

Выйдя из магазина, он по пути в свою контору завернул на почту.

Придя в контору, он нашел трех агентов, примостившихся в ожидании его в кресле и на письменном столе.

Один из них раскрыл рот первым и сказал:

- Слышал, что вы хотите купить фортепьяно, сэр. Стейнвей славится нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой, стилем, качеством и...

- Чепуха! - сказал второй агент, проталкиваясь между ними и хватая адвоката за воротник.

- Возьмите Читтерлинг. Единственное фортепьяно в мире. Нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой...

- Виноват! - сказал третий агент. - Не могу стоять рядом и видеть, как человека обжуливают. Фортепьяно Кроник и Барк нежностью звука, прочностью, изяществом отделки...

- Убирайтесь вон, все трое! - завопил адвокат. - Когда я хочу купить фортепьяно, я покупаю то, которое мне нравится. Вон из комнаты!

Агенты удалились, и адвокат занялся выпиской из какого-то дела. В течение дня пятеро из его личных друзей захотели порекомендовать различные марки инструментов, и адвокат начал раздражаться. Он вышел, чтобы пропустить стаканчик. Хозяин бара сказал ему:

- Послушайте, господин, мой брат работает на фортепьянной фабрике и он сболтнул мне, что вы хотите купить одно из этих там-тамов. Брат говорит, что по нежности звука, прочности, изяществу от...

- Черт побери вашего брата! - сказал адвокат.

Он влез в вагон трамвая, направляясь домой, и там внутри уже было четверо агентов, поджидавших его. Он отпрянул назад прежде, чем они его заметили, и остался на площадке. В ту же минуту вагоновожатый наклонился к нему и шепнул:

- Дружище, эпперсоновские фортепьяны, которые мой дядька распространяет в Южном Техасе, по нежности звука, прочности...

- Остановите вагон! - рявкнул адвокат.

Он слез и забился в темный подъезд, так что четверо агентов, также покинувших вагон, промчались, не заметив, мимо. Тогда он поднял с мостовой тяжелый булыжник, положил его в карман, задами пробрался к своему дому и, чувствуя себя в полной безопасности, направился к калитке.

Священник его прихода был сегодня с визитом у его семьи. В ту минуту, когда адвокат достиг калитки, он выходил из нее. Адвокат был гордым отцом новехонького, всего двух недель от роду, ребенка, и священник, захотел поздравить его.

- Дорогой брат мой! - сказал священник. - Ваш дом скоро будет наполнен радостной музыкой. Это будет великое прибавление к вашей жизни. И вот - во всем мире нет ничего, что по нежности звука...

- Черт побери вас! И вы тоже будете бубнить мне про фортепьяно, завопил адвокат, извлекая булыжник из кармана.

Он швырнул камень и сбил высокую шляпу священника, так что она отлетела на другую сторону улицы, и пнул его в голень. Но священник верил в то, что церковь - христов воин, и двинул адвоката кулаком по носу, и они сцепились и покатались с тротуара на кучу сваленных кирпичей.

Соседи услышали шум, прибежали с фонарями и ружьями, и в конце концов недоразумение разъяснилось.

Адвокат был порядочно-таки избит, и пришлось послать за обслуживающим его семью врачом, чтобы малость починить его. Когда доктор наклонился к нему с липким пластырем в одной руке и свинцовой примочкой в другой, он сказал:

- Через день-два вы сможете выходить, и тогда я хотел бы, чтобы вы завернули насчет покупки фортепьяно к моему брату. Те, представителем коих он является, считаются лучшими по нежности звука, прочности, изяществу отделки, качеству и стилю - во всем мире.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Юный лейтенант Болдуин ворвался вне себя в комнату генерала и хрипло крикнул:

- Ради бога, генерал! Скорей, скорей - и в путь! Орлиное Перо увез вашу дочь Инессу!

Генерал Сплашер в ужасе вскочил на ноги.

- Как, - вскричал он, - Орлиное Перо, вождь Киомов, самого мирного племени в округе?
- Он самый.

- Милосердное небо! Вы знаете, что представляет из себя это племя, когда его затронут? Лейтенант бросил на своего начальника понимающий взгляд.

- Это самое мстительное, кровожадное и вероломное племя из всех индейцев запада, когда оно воюет, - ответил он. - Но в течение многих месяцев они были мирны, как никто.

- В путь, - сказал генерал. - Мы не можем терять ни минуты. Какие меры приняты?

- Пятьдесят кавалеристов готовы броситься в погоню, а Билл Острый Нож, знаменитый следопыт, готов указывать путь.

Десять минут спустя генерал и лейтенант, в сопровождении Билл Острого Ножа, помчались галопом во главе кавалерийского эскадрона.

Билль Острый Нож с тренированным чутьем пограничной ищейки шел по следу лошади Орлиного Пера с безошибочной быстротой.

- Помоги бог, чтобы мы не опоздали, - сказал генерал, пришпоривая своего задыхающегося скакуна. - Из всех вождей племени судьба выбрала именно Орлиное Перо! Он всегда казался нашим другом!

- Вперед! Вперед! - вопил лейтенант Болдуин. - Может быть, время еще не ушло!

Милю за милей оставляли за собой преследователи, не останавливаясь ни есть, ни пить, почти до самого заката солнца.

Билл Острый Нож показал на тоненькую струйку дыма вдали и сказал:

- Вот их лагерь!

Сердца всех людей готовы были выпрыгнуть наружу от возбуждения по мере приближения к указанному месту.

- Пospели ли мы во-время? - был немой вопрос в каждом мозгу.

Они вынеслись на открытый простор прерии и натянули поводья перед палаткой Орлиного Пера. Завеса у входа была опущена. Солдаты соскочили с коней наземь.

- Если случится то, чего я боюсь, - хрипло прошептал генерал лейтенанту, - это будет означать войну с племенем Киомов. О, почему он не выбрал кого-нибудь другого, вместо моей дочери?

В это мгновение завеса над входом приподнялась и Инесса Сплашер, генеральская дочь, дева тридцати восьми весен, показалась, неся в руке окровавленный скальп Орлиного Пера.

- Слишком поздно! - вскричал генерал, без чувств падая с лошади.

- Я знал это, - сказал Билл Острый Нож, скреживая на груди руки со спокойной улыбкой.

- Меня удивляет только, как он ухитрился добраться сюда живым.

НЕМНОГО МОКРО - И ТОЛЬКО

Когда пароход вошел в Арканзасскую бухту, пассажир - родом из Гальвестона - упал за борт. Ему был брошен спасательный круг, но он оттолкнул его с презрением. Была поспешно спущена шлюпка, которая и настигла утопающего, когда он во второй раз всплыл на поверхность. Десятки рук протянулись к нему, но он отверг их помощь. Он выплюнул добрую пинту соленой воды и прокричал:

- Уходите и оставьте меня в покое! Я шагаю по дну. Ваша шлюпка сию минуту врежется в песок. Я достигну берега вброд и немедленно отправлюсь в парикмахерскую, чтобы из меня выбили пыль. Здесь немного мокро, но насморк меня не пугает!

Тут он окончательно пошел ко дну, и шлюпка повернула обратно. Житель Гальвестона обнаружил до конца свое презрение ко всем другим портам, которые тоже имели дерзость считать себя глубоководными!

ОНА УБЕДИЛАСЬ

Хаустон - то самое место, где живет некая молодая особа, засыпанная по горло дарами богини Фортуны. Она прелестна с виду, блестяща, остра и обладает тем грациозным очарованием, не поддающимся описанию, но совершенно неотразимым, которое обычно называют личным магнетизмом.

Как ни одинока она в этом огромном мире и как ни преисполнена достоинств наружных и внутренних, однако, она - не пустая порхающая бабочка, и лесть бесчисленных вздыхателей не вскружила ей головы.

У нее есть близкий друг - молодая девушка, простая с виду, но наделенная тонким практическим умом - к которой она обычно и прибегает, как к мудрой советнице и наставнице, когда дело касается запутанных жизненных проблем.

Однажды она сказала Марианне - этой самой умной подруге:

- Как бы мне хотелось узнать, кто из моих льстивых поклонников честен и правдив в своих комплиментах! Мужчины ужасные обманщики, и они всегда расточают мне такие безоговорочные похвалы и произносят такие сладкие речи, что я так и не знаю, кто из них говорит честно и искренно - и, вообще, говорит ли честно и искренно хоть один из них!

- Я укажу тебе путь, - сказала Марианна. - В следующий раз, когда у тебя будут гости, продекламируй что-нибудь драматическое и потом скажи мне, как отзовется об этой попытке каждый из них.

Юной леди очень понравилась эта идея, и в ближайшую пятницу, когда с полдюжины молодых людей собрались вечером в ее гостиной, она вызвалась что-нибудь продекламировать.

У нее не было ни малейшего драматического дарования. Но она встала и дочитала до самого конца длинную поэму с массой жестов, вращением глаз и прижиманием рук к сердцу. Она проделала это очень скверно, обнаружив полное незнание правил дикции и экспрессии.

Позже ее подруга Марианна справилась у нее, как была встречена ее попытка.

- Ах, - сказала та, - они все столпились вокруг меня и, казалось, были восхищены до последней степени. Том и Генри, и Джим, и Чарли - все были в восторге. Они сказали, что Мэри Андерсен не может и сравниться со мной. Они говорили, что никогда в жизни не слышали такой степени драматизма и чувства!

- Все до одного хвалили тебя? - спросила Марианна.

- За одним исключением. Мистер Джудсон откинулся в кресле и ни разу не аплодировал. Когда я закончила, он сказал мне, что боится, что мое драматическое дарование очень невелико.

- Теперь, - спросила Марианна, - ты знаешь, кто из них правдив и искренен?

- Еще бы! - сказала прекрасная девушка, и глаза ее блеснули энтузиазмом. - Испытание было как нельзя более удачным. Я ненавижу этого гадкого Джудсона и намерена немедленно начать готовиться к сцене!

СПРАВЕДЛИВАЯ ВСПЫШКА

Он источал запах джина и его бакенбарды походили на цилиндрики музыкального ящичка. Он вошел вчера в игрушечный магазин на главной улице города и с убитым видом прислонился к прилавку.

- Что-нибудь прикажете? - холодно спросил владелец.

Он вытер глаза красным платком далеко не первой свежести и сказал:

- Ничего решительно, благодарю вас. Я просто зашел сюда пролить слезу. Я не люблю делать свидетелями моего горя случайных прохожих. У меня есть маленькая дочка, сэр, пяти лет от роду, с золотыми выющимися волосиками. Ее зовут Лилиан. Она говорит мне нынче утром: - "Папа, Санта Клаус принесет мне на рождество красный вагончик?" Это лишило меня последних сил, сэр, потому что, увы, я без работы и не имею ни гроша. Подумайте только, один красный вагончик сделает ее счастливой, а ведь есть дети, у которых сотни красных вагонов!

- Прежде, чем вы покинете магазин, - сказал владелец, - а вы это сделаете через какие-нибудь 15 секунд, я считаю долгом довести до вашего сведения, что мой магазин имеет отделение на Трэйнс-Стрит, в каком-то отделении я вчера и находился. Вы вошли вчера и сообщили то же самое о вашей маленькой девочке, которую вы называли Дэйзи, и я дал вам вагон. По-видимому, вы плохо помните имя вашей маленькой девочки.

Человек с достоинством выпрямился и направился к двери. Достигнув ее, он повернулся и сказал:

- Ее имя Лилиан-Дейзи, сэр, а в вагоне, который вы мне дали, одно колесо соскакивает и с ручки сцарапана краска. У меня есть друг, владелец бара на Виллоу-Стрит, который хранит его для меня до рождества, но мне будет стыдно за вас, сэр, когда Лилиан-Дэйзи увидит этот старый, исцарапанный, дребезжащий, из вторых рук, оставшийся с прошлого года вагон. Но, сэр, когда Лилиан-Дэйзи опустится вечером на колени перед своей маленькой кроваткой, я скажу ей, чтобы она помолилась за вас и попросила небо смилостивиться над вами. Есть у вас под рукой карточка с названием и адресом фирмы, чтобы Лилиан-Дэйзи правильно указала ваше имя в своей молитве?

ФАКТЫ, ФАКТЫ И ФАКТЫ

Было далеко за полдень и дневной штат уже разошелся по домам. Ночной редактор только что вошел, снял пиджак, жилетку, воротничок и галстук, закатил рукава сорочки, спустил с плеч подтяжки и приготовился засесть за работу.

Кто-то робко постучался в дверь снаружи, и ночной редактор гаркнул:

- Войдите!

Красивая молодая леди с умоляющими голубыми глазами и прической Психеи вошла со скатанной в трубку рукописью в руке.

Ночной редактор молча взял трубку и раскатал ее. Это была поэма, и он стал читать ее вполголоса, судорожно кривя челюсть, так как его органы речи были частично закупорены доброй четвертью плитки жевательного табака.

Поэма гласила:

РЕКВИЕМ

Рассвет в окна немую муть

Проник, развеяв тьму,

Где он лежит, закончив путь,

Назначенный ему.

О, сердце, рвись от тяжких мук,

Рыдая и стеная:

Мой alter ego, ментор, друг

Оторван от меня!

Когда в восторге он творил

В часы ночной тиши

Он слишком много в масло лил

Огня своей души.

И взрыв пришел. И яркий свет

Погас: не вспыхнуть вновь.

И не проснется мой поэт

Принять мою любовь!

- Когда это случилось? - спросил ночной редактор.

- Я написала это вчера ночью, сэр, - сказала молодая леди. - Оно годится для печати?

- Вчера ночью? Гм... Материал немного лежалый, но все равно, в другие газеты он не попал. Теперь, мисс, - продолжал ночной редактор, улыбаясь и выпячивая грудь, - я намерен дать вам урок, как надо писать для газеты. Мы воспользуемся вашей заметкой, но не в такой форме. Сядьте в это кресло, и я напишу ее заново, чтобы показать вам, в какую форму надо облекать факт для печати.

Юная писательница уселась, а ночной редактор сдвинул брови и два-три раза перечитал стихотворение, чтобы схватить главные черты. Он небрежно набросал несколько строк на листе бумаги и сказал:

- Вот, мисс, та форма, в которой ваша заметка появится в нашей газете:

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Вчера ночью мистер Альтер Эго из нашего города, обладающий недюжинным поэтическим дарованием, был убит взрывом керосиновой лампы во время работы у себя в комнате.

- Как видите, мисс, заметка содержит все существенное, и, однако...

- Сэр! - воскликнула с негодованием юная леди. - Ничего этого абсолютно нет в стихотворении! Сюжет его вымышлен и целью стихотворения является изобразить горе друга поэта по поводу его безвременной смерти.

- Но, мисс, - сказал ночной редактор, - стихотворение ясно говорит о том, что в масло было подлито слишком много огня - или, вернее, в огонь слишком много масла - и что последовал взрыв, и что когда свет погас, джентльмен остался в положении, после которого он никогда уже больше не проснется.

- Вы прямо ужасны! - сказала юная леди. - Отдайте мне мою рукопись. Я занесу ее, когда здесь будет редактор литературного отдела.

- Очень жаль, - возразил ночной редактор, возвращая ей свернутую в трубку рукопись. - У нас мало происшествий сегодня и ваша заметка была бы весьма кстати. Может быть, вам пришлось слышать о каких-нибудь несчастных случаях по соседству: рождениях, угонах, грабежах, разорванных помолвках?

Но хлопнувшая дверь была единственным ответом юной поэтессы.

РОКОВАЯ ОШИБКА

- Что ты такой мрачный сегодня? - спросил один из жителей Хаустона, завернув в сочельник в контору своего приятеля.

- Старая дурацкая шутка с перепутанными письмами - и я боюсь теперь идти домой. Жена прислала мне час тому назад с посыльным записку, прося отправить ей десять долларов и подождать ее здесь в три часа, чтобы пойти вместе за покупками. В это же время я получил счет на 10 долларов от торговца, которому я должен, с просьбой погасить его. Я нацарапал торговцу ответ: "Никак не могу выполнить просьбы. Десять долларов нужно для одной штучки, от которой не считаю возможным отказаться". Я сделал обычную ошибку: торговцу послал 10 долларов, а жене - записку.

- Разве ты не можешь пойти домой и объяснить жене ошибку?

- Ты не знаешь моей жены. Я уже принял все меры, какие мог. Я застраховался на 10.000 долларов от несчастного случая сроком на два часа, и жду ее сюда в течение ближайших пятнадцати минут. Передай всем моим приятелям прощальный привет, и если, когда будешь спускаться вниз, встретишь даму на лестнице - держись ближе к стенке!

ТЕЛЕГРАММА

Место действия: телеграфная контора в Хаустоне.

Входит очаровательное манто из черного велюра, отделанное шнурками и выпушками, с воротником из тибетской козы, заключающее в себе не менее очаровательную юную леди.

Юная леди. О, мне нужно немедленно послать телеграмму - будьте так добры, дайте мне, пожалуйста, бланков - штук шесть. (Пишет в течение 10 минут). Сколько это будет стоить?

Телеграфист. (Подсчитывает слова). Шестнадцать долларов девяносто пять центов, мэм.

Юная леди. Господи боже мой! У меня с собой только 30 центов. (Подозрительно). За что вы берете так много, когда почтой это стоит всего два цента?

Телеграфист. Мы берем за то, что доставляем корреспонденцию быстрее, чем почта, мэм. Вы можете послать телеграмму в 10 слов всего за двадцать пять центов.

Юная леди. Дайте мне еще один бланк, пожалуйста. Я думаю, одного хватит.

Через пять минут напряженной работы она представляет следующее:

"Кольцо ужасно красиво. Приходите ко мне как только сумеете. Ваша Мэми".

Телеграфист. Здесь одиннадцать слов. Это будет стоить тридцать центов.

Юная леди. Ах, какая жалость! Я как раз хотела на эти пять центов купить жевательную резинку.

Телеграфист. А вот посмотрим. Вы можете выбросить слово: "ужасно" - и все будет в порядке.

Юная леди. Но я не могу его выбросить! Вам следовало бы посмотреть на это кольцо. Я лучше дам вам 30 центов.

Телеграфист. Кому вы посылаете телеграмму?

Юная леди. Вы, кажется, слишком любопытны, сэр!

Телеграфист. Уверяю вас, мой вопрос не носит личного характера. Нам необходимы имя и адрес, чтобы знать, куда доставлять телеграмму.

Юная леди. Ах, да! Я не подумала об этом.

Она надписывает имя и адрес, платит 30 центов и уходит. Через двадцать минут она появляется снова, задыхаясь от быстрой ходьбы:

- Ах, я совсем забыла... Вы уже отослали?

Телеграфист. Да. Десять минут тому назад.

Юная леди. Такая жалость! Я совсем не то хотела сказать. Вы не можете протелеграфировать, чтобы изменили?

Телеграфист. Конечно. И у нас есть прелестные духи: фиалка. Не прикажете ли sprysнуть телеграмму?

Юная леди. О, да! Вы так любезны! Я непременно буду посылать все свои телеграммы через вашу контору - вы до такой степени обязательны! Всего хорошего.

ОТКЛОНЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Фермер, живущий приблизительно в четырех милях от Хаустона, как-то на прошлой неделе заметил во дворе незнакомца, который вел себя не совсем обычным образом. На нем были парусиновые штаны, засунутые в сапоги, а нос у него был цвета прессованного кирпича. Он держал в руке заостренную палку фута в два длиной, втыкал ее землю, и, поглядев через нее в разных направлениях, переносил ее в другое место и повторял ту же процедуру.

Фермер вышел во двор и справился; что ему здесь нужно.

- А вот обождите минутку, - сказал незнакомец и, прищурившись, поглядел через палку на курятник. - Так. Это будет пункт Т. Видите ли, я принадлежу к разведывательному отряду инженеров, который проводит новую линию из Колумбуса, Огайо, до Хаустона. Понимаете? Остальные парни там за холмом с обозом и багажом. Свыше миллиона основного капитала. Понимаете? Меня послали вперед, чтобы найти место для большого узлового вокзала, стоимостью в 27.000 долларов. Стройка начнется как раз от вашего курятника. Я даю вам намек - соображаете? Требуйте основательно за этот участок. Тысяч пятьдесят они выложат. Почему? Потому что деньги у них есть и потому, что они должны строить вокзал в том самом месте, которое

@я укажу. Понимаете? Мне нужно ехать сейчас в Хаустон оформлять заявку, да забыл взять пятьдесят центов у казначея. Казначей - низенький человек в светлых брюках. Вы можете дать мне 50 центов, а когда парни подъедут попозже скажите им и они вам вернут доллар. Вы можете даже спросить с них пятьдесят тысяч, если...

- Брось эту палку через забор, возьми топор и наколи ровно половину этих вот дров - и я дам тебе четверть доллара и ужин, - сказал фермер. Улыбается тебе это предложение?

- Вы хотите отклонить возможность отдать часть своей земли под вокзал и получить за нее..?

- Да. Эта часть земли мне нужна под курятник.

- Вы, значит, отказываетесь взять за нее 50.000 долларов?

- Значит. Ты будешь колоть дрова или мне свистнуть собаку?

- Давайте ваш топор, мистер, и покажите, где дрова. Да велите вашей миссис поджарить лишнюю сковородку оладий к ужину. Когда эта железнодорожная линия Колумбус-Хаустон пройдет перед самым вашим забором, вы пожалеете, что не воспользовались моим предложением. Да скажите ей, чтобы она не пожалела к оладьям патоки и топленого масла. Понимаете?

НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ

Молодая мать из Хаустона влетела на этих днях в страшном возбуждении к себе в квартиру и крикнула своей матери, чтобы та как можно скорее поставила на плиту утюг.

- Что случилось? - спросила та.

- Томми укусила собака, и я боюсь, что она бешеная. Ах, поторопись, мама! Не теряй ни минуты!

- Ты хочешь попробовать прижечь ранку?

- Нет - я хочу отутюжить голубую юбку, чтобы ее можно было надеть к доктору. Скорее, мама! Скорее!

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧТЕНИЯ МЫСЛЕЙ

Как ужасно было бы жить, если бы мы умели читать в мыслях друг друга! Можно с уверенностью сказать, что при таком положении вещей люди думали бы не иначе, как шепотом!

В качестве примера этому можно привести случай, имевший место в Хаустоне. Несколько месяцев тому назад очаровательная юная леди посетила наш город и дала ряд публичных сеансов чтения мыслей, проявив в этом отношении настоящие чудеса. Она легко разгадывала мысли любого из присутствовавших, находила спрятанный предмет после того, как брала за руку человека, его спрятавшего, и читала фразы, написанные на маленьких клочках бумаги людьми, отстоявшими от нее на значительном расстоянии.

Один из молодых людей Хаустона влюбился в нее, и после продолжительного ухаживания дело кончилось браком. Они занялись домашним хозяйством и некоторое время были счастливейшими из смертных.

В один прекрасный вечер они сидели на веранде своего домика, держа друг друга за руки, охваченные тем чувством близости и взаимного понимания, которое может дать только разделенная любовь. Вдруг она вскочила на ноги и сшибла его с веранды огромным цветочным горшком. Он поднялся в полнейшем изумлении, с чудовищной шишкой на голове, и попросил ее - если ей не трудно - дать объяснения.

- Тебе не удастся одурачить меня, - сказала она, сверкая глазами. Ты думал сейчас о рыжеволосой девушке по имени Мод с золотой коронкой на одном из передних зубов, одетой в легкую розовую кофточку и черную шелковую юбку. Ты представлял ее стоящей на Руск-Авеню под кедровым деревом, и жующей гуммипепсин, и называющей тебя "душечкой", и играющей твоей часовой цепочкой, и чувствующей, как твоя рука обвивает ее талию, и говорящей: - Ах, Джордж, дай же мне перевести дыхание! - в то время, как мать никак не дозволится ее ужинать. Пожалуйста, не отрицай этого! И не являйся на порог дома прежде, чем заставишь себя думать о чем-нибудь лучшем!

Тут входная дверь захлопнулась, и Джордж остался наедине с разбитым цветочным горшком.

ЕГО ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

На прошлой неделе труппа, делающая турне с пьесой "Громовержцы", дала в Хаустоне два спектакля - дневной и вечерний. На последнем видный политический деятель Хаустона занял одно из мест в самом первом ряду. В руках он держал блестящий черный шелковый цилиндр и казался в страшно напряженном состоянии: так и ерзал в кресле, держа цилиндр перед собой обеими руками. Один из его приятелей, сидевший как раз сзади, наклонился к нему и справился о причинах такой возбужденности.

- Я скажу вам, Билл, - ответил политический деятель конфиденциальным шепотом, - в чем собственно дело. Я уже десять лет принимаю участие в политической жизни и меня за это время столько раз оклеветывали, обкладывали, смешивали с грязью и называли крепкими именами, что я подумал, что хорошо было бы, если бы ко мне хоть один раз прежде, чем я умру, обратились приличным образом - а нынче кажется, представляется единственная возможность к этому. Сегодня в одном из антрактов состоится сеанс престижиджитатора, и профессор черной магии, конечно, спустится в публику и скажет: - "Не будет ли кто-либо из джентльменов так любезен, что одолжит мне шляпу?" Тогда я встану и протяну ему свою - и после этого я

@буду чувствовать себя хорошо целую неделю. Меня уже столько лет никто не называл джентльменом! Боюсь только, что разрыдаюсь, пока он будет брать у меня цилиндр... А теперь, извините, я должен быть наготове, чтобы кто-нибудь не опередил меня. Я отсюда вижу одного из гласных города со старым котелком в руке - и готов держать пари, что он здесь с этой же целью!

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Пальто его порыжело и шляпа уже вышла из моды, но пенсне на черной ленте придавало ему внушительный вид, а в манере держать себя были изысканность и непринужденность. Он

вошел в новую бакалейную лавку, недавно открывшуюся в Хаустоне, и сердечно приветствовал ее владельца.

- Я должен представиться, - сказал он. - Мое имя Смит, и я живу рядом с квартирой, куда вы только что переехали. Видел вас в церкви в это воскресенье. Наш священник также обратил на вас внимание и после службы сказал мне: "Брат Смит, вы должны обязательно узнать, кто этот незнакомец с таким интеллигентным лицом, что так внимательно слушал меня сегодня". Как вам понравилась проповедь?

- Очень хороша, - сказал торговец, извлекая из банки какие-то смешные (точно с крылышками) ягоды.

- Да, это богобоязненный и красноречивый человек. Вы недавно занялись коммерцией в Хаустоне, не правда ли?

- Недели три, - сказал торговец, перекладывая нож для сыра из ящика на полку.

- Жители нашего города, - сказал порыжелый господин, - радушны и гостеприимны. К приезжим они относятся даже сердечнее, чем к своим согражданам. А прихожане нашей церкви особенно внимательны к тем, кто заходит разделить с ними служение господу. У вас прекрасный подбор товаров.

- Так, так, - сказал торговец, поворачиваясь спиной и рассматривая жестянки с консервированными калифорнийскими фруктами.

- Всего лишь неделю назад у меня был спор с моим бакалейщиком о том, что он поставляет мне второсортные продукты. У вас, надо полагать, есть хорошие окорока и такие вещи, как кофе и сахар?

- Н-да, - сказал торговец.

- Моя жена заходила нынче утром навестить вашу и с большим удовольствием провела время. В какие часы ваша повозка объезжает улицу?

- Послушайте, - сказал торговец. - Я скупил тут весь остаток одной из бакалейных лавок и дополнил его массой новых товаров. В одной из старых книг я вижу против вашего имени сумму долга в 87 долларов 10 центов. Вам угодно еще что-нибудь взять сегодня?

- Нет, сэр, - сказал порыжелый субъект, выпрямляясь и сверкая глазами через пенсне. - Я просто зашел из чувства долга, присущего каждому христианину, чтобы приветствовать вас, но вижу, что вы не тот, за кого я вас принял. Мне не нужно вашей бакалеи. Черви в вашем сыре видны даже с той стороны улицы, а жена моя говорит, что ваша жена носит нижнюю юбку, сшитую из старой скатерти. Многие из наших прихожан заявляли, что от вас несло громом в церкви и что вы немилосердно храпели во время службы. Моя жена вернет занятую сегодня утром у вашей жены чашку шпека, как только получу продукты из лавки, которая мне их поставляет. Всего хорошего, сэр.

Торговец тихо напевал про себя: "Никто играть со мной не хочет!" и машинально отколупывал свинец с одной из гирь, к вящему ущербу ее полновесности.

ОПАСНОСТИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Иеремия К. Дилуорти живет в конце Сан-Джакинто-Стрит. Он каждый вечер возвращается домой пешком. Первого января он пообещал жене, что в течение года ни разу не выпьет. Он тут же забыл свое обещание и второго января мы сошлись веселой компанией, так что когда он направился домой, он чувствовал себя несколько беззаботно.

Мистер Дилуорти - хаустонский старожил и в дождливые ночи всегда ходит по середине улицы, где мостовая лучше всего.

Увы! Если б только мистер Дилуорти помнил обещание, данное им жене!

Он пустился в путь в полном порядке, но когда он шел уже по Сан-Джакинто-Стрит, ноги отнесли его к одной из сторон улицы.

Полисмен, стоявший на углу, услышал громкий крик ужаса и, обернувшись, заметил как какой-то человек судорожно взмахнул руками и затем исчез из виду. Прежде, чем полисмен мог кликнуть кого-либо, кто добрался бы до несчастного вплавь, человек всплыл в третий и последний раз и исчез уже навсегда.

Мистер Иеремия К. Дилуорти утонул в тротуаре.

ВЗДОХ ОБЛЕГЧЕНИЯ

Джентльмен из Хаустона, стоящий сотни тысяч и живущий на одиннадцать долларов в неделю, спокойно сидел в своей конторе несколько дней тому назад, как вдруг вошел человек самого отчаянного вида и осторожно прикрыл за собой дверь. У посетителя было лицо типичного негодяя, а в руке он чрезвычайно бережно держал продолговатый четырехугольный сверток.

- Что вам угодно? - справился капиталист.

- Мне угодно денег, - прошипел незнакомец. - Я умираю от голода, в то время, как вы катаетесь в миллионах. Видите этот пакетец? Знаете, что в нем содержится?

Богач выскочил из-за стола, бледный от ужаса.

- Нет, нет! - вырвалось у него. - Не может быть, чтобы вы были так жестоки, так бессердечны!

- Этот пакет, - продолжал отчаянный человек, - содержит количество динамита, достаточное - если уронить его на пол - чтобы превратить все здание в бесформенную груду развалин.

- Только и всего? - сказал капиталист, опускаясь в свое кресло и со вздохом облегчения подымая выпущенную им из рук газету. - Вы даже не представляете, как вы меня перепугали. Я думал, что это слиток золота и что вы хотите под него денег!

НИЗКИЙ ТРЮК

Когда актеру по ходу пьесы требуется написать письмо, он по установившемуся обычаю читает вслух слово за словом по мере занесения их на бумагу. Это необходимо для того, чтобы зрители знали его содержание, иначе фабула пьесы будет для них недостаточно ясна. Письмо, которое пишется на сцене, чаще всего имеет существенное значение для развития драматической интриги, и, конечно, пишущий должен читать вслух то, что он пишет, чтобы довести об этом до сведения аудитории.

Но во время представления пьесы "Монбарс" в Хаустоне, несколько дней тому назад, джентльмен, играющий роль отъявленного негодяя, воспользовался упомянутой выше особенностью писания сценических писем самым недостойным образом.

В последнем акте мистер Мантель, в роли Монбарса, пишет имеющее решающее значение письмо и - по обычаю - читает его по мере написания, строка за строкой. Негодяй прячется за пологом алькова и прислушивается в низкой радости к тому, что мистер Мантель сообщает публике совершенно конфиденциально. Затем он пользуется полученными таким недостойным образом сведениями, чтобы привести в исполнение свои дьявольские планы.

Пусть мистер Мантель незамедлительно обратит на это свое внимание. Человек, принадлежащий к его труппе и получающий, несомненно, очень приличное содержание, должен стоять выше этого и не злоупотреблять выгодами обыкновенного сценического приема.

ПАСТЕЛЬ

Над всем распростерла свои крылья черная ночь.

Он умоляет ее.

Его рука лежит на ее руке. Они стоят в холодной торжественной тьме и смотрят в ослепительно освещенную комнату. Его лицо бледно от ужаса. На ее лице написаны желание и презрительный упрек, и оно бледно от волнения перед неизбежным.

В десяти милях, на Гаррисбургском шоссе, уже прокричал свое "ку-ка-реку" петух с растрепанным хвостом, но женщина непоколебима.

Он умоляет ее.

Она стряхивает его руку со своей жестом, ясно говорящим об отвращении, и делает шаг по направлению к освещенной комнате.

Он умоляет ее.

Хрустальные блики луны дрожат на ветвях деревьев над ними. Звездная пыль осыпала грань, за которой начинается Непостижимое. Нечто Абсолютное царит над всем.

Грех - внизу. Наверху - мир.

Порыв норда хлестнул их резким ударом хлыста. Мимо проносятся экипажи. Изморозь ползет по камням, ложится хрустя вдоль перил и отбрасывает, как северное сияние, назад к луне ее вызывающие лучи.

Он умоляет ее.

Наконец, она поворачивается, убежденная.

Он настоял на своем отказе угостить ее устрицами.

КОМНАТА С ПРЕДКАМИ

Пройдоха-репортер "Техасской Почты" направлялся вчера ночью к себе домой, когда к нему подошел худой, голодного вида человек с дикими глазами и изнуренным лицом.

- Не можете ли сказать мне, сэр, - спросил он, - где мне найти в Хаустоне семью самого что ни на есть низкого происхождения?

- Я вас не совсем понимаю, - сказал репортер.

- Позвольте объяснить вам, как обстоит дело, - сказал истощенный человек. - Я приехал в Хаустон месяц тому назад и стал искать меблированную комнату с пансионом, так как гостиницы мне не по средствам. Мне попался прелестный аристократического вида особнячок, и я зашел туда. Хозяйка комнат вышла в гостиную: очень представительная дама с римским носом. Я справился о цене и она назвала цифру:

- Восемьдесят долларов в месяц!

Я с таким глухим стуком ударился, отшатнувшись, о дверь, что она сказала:

- Вы, по-видимому, удивлены, сэр. Имейте, пожалуйста, в виду, что я вдова бывшего губернатора штата Вирджиния. У моей семьи очень высокие связи. Иметь в моем доме комнату с пансионом чрезвычайно лестно, сэр. Я не считаю никакие деньги достаточным эквивалентом пребыванию в моем обществе. Вы хотите комнату с отдельным ходом?

- Я зайду еще раз, - сказал я, и сам не помню, как выбрался оттуда и направился к другому - красивому трехэтажному особнячку с вывеской: "комнаты с пансионом и без".

У второй дамы были седые кудри и нежные, как у газели, глаза. Она была кухней генерала Магона из Вирджинии и хотела 15 долларов в неделю за маленькую боковую комнатку с розовой вышивкой и олеографией, изображающей битву при Чанселорсвилле на стене.

Я пошел дальше по меблированным комнатам.

Следующая дама сообщила, что она произошла от знаменитого проповедника Аарона Бурра с одной стороны, и от знаменитого пирата капитана Кидда - с другой. В деловой жизни в ней проявлялись наследственные черты капитана Кидда. Она хотела получать с меня за помещение и пансион по 60 центов в час. Я обошел весь Хаустон и столкнулся с девятью вдовами судей Верховного суда, с двенадцатью отпрысками губернаторов и генералов, с двадцатью двумя развалинами, состоявшими в счастливом браке с полковниками, профессорами и мэрами - и все они расценивали свое общество в огромные цифры, а комнату и стол давали, по-видимому, как бесплатное приложение.

Но я к этому времени буквально умирал от голода, и потому снял на неделю комнату с пансионом в одном из красивых, стильных домов. Хозяйка была высокой представительной дамой. Одну руку она постоянно упирала в бок, а в другой держала молитвенник и крюк для льда. Она говорила, что она тетка Дэви Крокета и до сих пор носит по нему траур. Ее семья считалась одной из первых в Техасе. Когда я въехал, был как раз час ужина, и я сразу же отправился к столу. Ужин подавался между шестью часами пятьюдесятью минутами и семью часами и состоял из покупного хлеба, молитвы и холодной подошвы. Я так устал за день, что немедленно после ужина попросил показать мне мою комнату.

Я взял свечу, вошел в указанное помещение и быстро замкнул за собой дверь. Комната была меблирована в стиле поля битвы при Аламо. Стены и пол были голы, как камень, а кровать была, как монумент - только жестче.

Около полуночи мне приснилось, будто я упал в куст шиповника, который страшно колется. Я вскочил и зажег свечу. Оглядев постель, я быстро оделся и воскликнул:

- Фермопилы имели одного вестника несчастья, но в Аламо таких вестников тысячи.

Я выскользнул за дверь и был таков.

Так вот, дорогой мой сэра, я недостаточно богат, чтобы платить за аристократическое происхождение и за предков содержателей пансионатов. Я больше дорожу обыкновенными коронками своих зубов, чем геральдическими коронами своих хозяев. Я голоден, и в отчаянии, и ненавижу всякого, чья родословная восходит дальше отца с матерью. Я хочу найти комнату и стол у такой хозяйки, которая была в детстве подкинута сердобольным людям, чей отец имел пять судимостей и у которой вовсе не было никакого деда. Я хочу найти низкую по происхождению, вульгарную, нечистокровную, санкюлотскую семью, в которой никогда не слышали о хорошем тоне, но которая может подать к обеду кусок жаркого по обычной рыночной цене. Есть хоть одна такая в Хаустоне?

Репортер печально покачал головой в ответ.

- Ни разу не слышал о такой, - сказал он. - Здешние содержательницы пансионатов сплошь аристократичны и цены заламывают выше любой примадонны.

- В таком случае, - сказал худосочный господин в полном отчаянии, угостите хоть стаканом грога!

Репортер надменно сунул руку в жилетный карман, но господин почему-то презрительно отвернулся и исчез во тьме плохо освещенной улицы.

ПРИТЧА ОБ X-ЛУЧЕ

И случилось так, что Некто с Катодным Лучом обходил страну и показывал одним людям, за приличное вознаграждение, содержимое голов других людей и то, о чем они думают. И он ни разу не сделал ошибки.

И в одном из городов жил человек по имени Рюбен и дева по имени Руфь. И оба они любили друг друга и вскоре должны были стать мужем и женой.

И Рюбен пришел к Некому и заказал у него за плату снимок с головы Руфи, чтобы узнать, кого в действительности она любит.

И позже пришла Руфь и также заказала Некому, чтобы он узнал, кого в действительности любит Рюбен.

И Некто сделал так, как они просили, и получил два хороших негатива.

Тем временем Рюбен и Руфь признались друг другу в том, что они сделали, и на следующий день они пришли рука об руку, чтобы Некто дал им ответ. И он, увидев их, написал каждое из имен на отдельном клочке бумаги и дал им их в руки.

- На этих клочках бумаги, - сказал Некто, - вы найдете имена тех, кого каждый из вас любит в действительности, как это обнаружено моим чудесным Катодным Лучом.

И человек и дева взглянули на клочки бумаги и увидели, что на одном написано: "Рюбен", а на другом: "Руфь", и были они преисполнены радостью и счастьем, и ушли, обнимая друг друга.

Но Некто с Лучом забыл им сказать, что сделанные им снимки показывали, что голова Рюбена была полна глубокой и неувядающей любовью к Рюбену, а голова Руфи - глубокой и неувядающей любовью к Руфи.

Мораль этой притчи в том, что владелец Луча, по-видимому, хорошо знал свое дело.

ВСЕОБЩАЯ ЛЮБИМИЦА

Наиболее популярная и повсеместно любимая девушка в Соединенных Штатах - мисс Анни Вильямс из Филадельфии. Нет такого человека, который не имел бы хоть раз в жизни ее изображения. Его добиваются иметь больше, нежели фотографии самых выдающихся красавиц. На него большой спрос, чем на портреты всех знаменитейших мужчин и женщин мира, вместе взятых. И тем не менее, это - скромная, милая и, пожалуй, даже предпочитающая одиночество молодая девушка далеко не чисто-классического типа.

Мисс Вильямс скоро выйдет замуж, но полагаем, что борьба за обладание ее изображениями будет идти по-прежнему.

Она - та самая девушка, чей профиль послужил моделью для головы Свободы, выбитой на серебряной монете достоинством в один доллар.

СПОРТ И ДУША

- Литературный редактор принимает?

Редактор отдела спорта поднял глаза от газеты, которую он читал, и увидел перед собой воплощение женственной прелести, лет двадцати отроду, с нежными голубыми глазами и с тяжелой массой коричневато-золотистых волос, собранных в самую модную и как нельзя более идущую прическу.

- Ни-ни, - сказал спортивный редактор. - Можете поставить сто против одного, что его нет. Вы зашли насчет стихотвореньца или хотите, чтобы он спер для вас пару лишних купонов на получение в премию велосипеда?

- Ни то и ни другое, - сказала юная леди с достоинством. - Я секретарь Хаустонской Лиги Этической Культуры для Молодых Девиц, и меня делегировали к редактору литературного отдела вашей газеты, чтобы он порекомендовал нам, как лучше и шире всего развить наши функции.

- Вот это хорошая штука, - сказал спортивный редактор. - Не улавливаю в точности, что такое этическая культура, но если это нечто похожее на физическую, то вы, барышня, попали как раз на нужного человека. Я могу за одну минуту дать вам больше ценных сведений для развития ваших функций, чем литературный редактор за целый час. Он знает все решительно о происхождении пирамид, но он не сделает ни одного шага, чтобы научить вас, как увеличить размеры вашей груди хотя бы на полдюйма. Сколько времени ваша лига занимается тренировкой?

- Мы организовались в прошлом месяце, - ответила посетительница, рассматривая жизнерадостное лицо редактора с некоторым сомнением.

- Ну-с, а как вы, девицы, дышите - легкими или диафрагмой?

- Сэр!?

- О, вы должны приниматься за дело немедленно и вам надо знать, какой способ дыхания правильный и какой нет. Первое дело - держать грудь вперед, плечи назад, и в течение нескольких дней проделывать упражнения с руками. Затем попробуйте вот что: выпрямите верхнюю часть туловища и, стоя на одной ноге, постарайтесь...

- Сэр! - сурово воскликнула юная леди. - Вы слишком самоуверенны. Я не понимаю, о чем вы говорите. Наше общество не имеет никакого отношения к гимнастике. Наша цель - поощрение социальной этики.

- О! - разочаровано протянул спортивный редактор. - Так это все-таки общество - и чай в розовых чашечках... В таком случае это не по моей специальности. Полагал, что вы интересуетесь атлетикой. Вы смело могли бы! Послушайтесь моего совета и проделывайте это упражнение каждое утро в течение недели. Вы будете изумлены, когда увидите, насколько оно разовьет вашу мускулатуру. Как я уже говорил, станьте на одну ногу...

Бах! - хлопнула дверь, и голубоглазое видение исчезло.

- Ужасно жалко, - сказал спортивный редактор, - что наши девицы никак не хотят заниматься саморазвитием без... без этой самой этики!

ГОТОВНОСТЬ НА КОМПРОМИССЫ

Подойдя к бару, он подтянул обеими руками воротник и поправил старый красный галстук, который упорно хотел заползти ему за ухо.

Владелец бара взглянул на него и продолжал крошить в посудину лимонную корку.

- Послушайте, - сказал субъект с красным галстуком, - мне прямо-таки больно думать об этом.

- О чем? - спросил владелец. - О воде?

- Нет, сэр. Об индифферентизме, проявляемом населением штата, в вопросе о поднесении достойного подарка дредноуту "Техас". Это позор для нашего патриотизма! Я беседовал с Вудро Вильсоном по этому поводу и мы оба решили, что что-нибудь необходимо предпринять немедленно. Вы дадите два доллара в фонд на приобретение подарка дредноуту?

Владелец бара протянул руку назад и снял с полки стакан.

- Я, может быть, дам вам и 10 долларов, - сказал он, - но вот стакан виски, в который я по ошибке капнул скипидаром нынче утром и забыл выплеснуть. Это может заменить?

- Может, - сказал субъект в красном галстуке, потянувшись к стакану, - и я также собираю пожертвования в пользу голодающего населения Кубы. Если вы хотите поддержать гуманное

начинание, но не располагаете свободной наличностью, фужер пива со случайно попавшей мухой...

- Катись дальше, - сказал владелец бара. - В заднюю дверь заглядывает член евангелической конгрегации, а он не войдет, пока кто-нибудь здесь есть.

ИСПОРЧЕННЫЙ РАССКАЗ

Недавно вечером в довольно грязной ресторанчик, имевший вообще малозавидную репутацию, в небольшом городке на линии Центральной железной дороги вошел верзила самого отчаянного вида. Он подошел к бару и громко потребовал, чтобы все находившиеся в ресторанчике присоединились и выпили вместе с ним. Толпа быстро двинулась к бару при этом приглашении, так как субъект был почти вдребезги пьян и несомненно опасен в таком состоянии.

Лишь один человек не откликнулся на приглашение. Это был невысокого роста господин, чисто одетый, который спокойно сидел в кресле и лениво разглядывал толпу. Внимание физиономиста было бы привлечено выражением его лица, соединявшим в себе холодную решимость и силу воли. У него была плотная квадратная челюсть и пристальные серые глаза - с тем своеобразным оттенком серого цвета, который больше говорит о таящейся за ним опасности, нежели какой-либо другой.

Хулиган обернулся и увидел, что нашелся один, который не откликнулся на его приглашение.

Он повторил его во всю силу своих легких.

Невысокий господин встал и спокойно подошел к пьяному верзиле.

- Виноват, - сказал он негромким, но решительным голосом. - Я несколько туг на ухо и не расслышал, что вы сказали в первый раз. Гоните сюда виски! Живо!

И еще один рассказ был испорчен для печати.

НИКАКОГО ИСХОДА

- Джон, - сказал на этих днях хаустонский бакалейный торговец одному из своих приказчиков, - вы были мне верным и исполнительным служащим и, чтобы показать вам свою признательность, я решил взять вас в дело компаньоном. С этого дня вы имеете часть в деле и являетесь участником фирмы.

- Но, сэр, - сказал обеспокоенный Джон, - у меня семья на плечах. Я ценю оказанную мне честь, но боюсь, что я слишком молод для столь ответственного положения. Я предпочел бы остаться в прежних условиях.

- Ничего не могу поделать, - сказал торговец. - Времена теперь тяжелые, и с целью сократить расходы я не остановлюсь даже перед тем, чтобы сделать всех своих приказчиков компаньонами!

СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ

В прошлую субботу субъект без воротничка, в белом жилете и с дырявыми локтями, бодро вошел в бакалейную лавку на Конгресс-Стрит с пакетом в руке и сказал:

- Вот, Фриц, я купил у вас сегодня две дюжины яиц, и, должно быть, ваш приказчик ошибся...

- Поди сюда, Эмиль, - закричал торговец, - ты надул этого джентльмена, подсунув ему тухлые яйца. Дай ему еще дюжину и...

- Вы меня не так поняли, - сказал покупатель с приятной улыбкой. Ошибка не в этом. Яйца хороши, но вы положили их больше, чем нужно. Я уплатил всего за две дюжины, а дойдя до дому, обнаружил, что их в мешке 36 штук. Я хочу возвратить лишнюю дюжину и для этого вернулся назад. Я...

- Эмиль! - снова крикнул мальцу торговец. - Немедленно дай этому господину две дюжины яиц. Ты подсунул ему тухлые яйца. Не делай этого больше, или я уволю тебя.

- Но, сэр, - сказал человек в белом жилете с нотками беспокойства в голосе. - Вы дали мне больше яиц, чем следует на мои деньги, и я хочу вам вернуть дюжину. Я слишком честен, чтобы...

- Эмиль, - сказал торговец, - дай этому господину три дюжины самых свежих яиц и пусть он уходит. Если мы отпускаем плохие яйца, мы их заменяем хорошими. Поспеши, да положи на всякий случай три-четыре штуки лишних.

- Но выслушайте меня, сэр, - сказал человек. - Я хочу...

- Вот что, мой друг, - сказал тихо торговец, - вы лучше забирайте эти яйца и идите домой. Я знаю, для чего вы принесли яйца назад. Если я их возьму у вас, я скажу: ну, это очень хороший человек, он честно поступил с этими яйцами, не правда ли? А потом вы придете в понедельник и возьмете у меня на 9 долларов муки, и ветчины, и консервов, и скажете, что заплатите в субботу вечером. Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. Вы лучше заберите эти три дюжины яиц и считайте, что сделали хорошее дело. Мы всегда исправляем мелкие ошибки, если нам случится сделать. Эмиль, клади уж прямо три с половиной дюжины - да прибавь штук пять леденцов для ребят!

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

- Как я удерживаю Джона дома по вечерам? - сказала хаустонская дама своей подруге. - Видишь ли, я однажды по вдохновению придумала способ - и он прекрасно действует до сих пор. Джон ежедневно уходил из дому после ужина и возвращался не раньше 10-11 часов. В один прекрасный вечер он ушел, как всегда, но пройдя несколько кварталов, заметил, что забыл взять зонтик, и вернулся за ним. Я сидела и читала в гостиной, и он, подойдя сзади на цыпочках, закрыл мне руками глаза. Джон ожидал, вероятно, что я перепугаюсь, но я только спросила тихо:

- Это ты, Том?

С тех пор Джон все вечера проводит дома.

ПОЧЕМУ КОНДУКТОРА НЕОБЩИТЕЛЬНЫ

Трамвайных кондукторов бестактная публика часто выводит из себя; но им запрещено возражать и тем более облегчать свою душу. Вот рассказ одного из кондукторов о случае, имевшем место несколько дней назад.

В числе пассажиров - а вагон был переполнен - находилась чрезвычайно изящно одетая дама с маленьким мальчиком.

- Кондуктор, - сказала она томно, - дайте мне знать, когда будет Роу-Стрит.

Когда вагон поровнялся с этой улицей, кондуктор дернул веревку звонка и остановил вагон.

- Роу-Стрит, сэр, - сказал он, проталкиваясь ближе, чтобы помочь даме выйти.

Дама поставила маленького мальчика на колени и указала ему в окно на дощечку с названием улицы, прикрепленную к забору.

- Посмотри, Фредди, - сказала она, - вот эта высокая прямая буква со смешной завитушкой сверху - "P". Постарайся запомнить. Можете пускать вагон, кондуктор. Мы выходим на Грэй-Стрит.

ПО ВДОХНОВЕНИЮ

Он сидел на перевернутом вверх дном пустом ящике под холодным морозящим дождем. Это было вчера, поздно вечером, на главной улице Хаустона. Одет он был бедно, и его толстое пальто с поднятым воротником было застегнуто доверху. На его лице застыло выражение горестного замешательства, и во всем его виде было что-то такое, что отличало его от обыкновенного бродяги, строящего свою жизнь на обманах и надувательствах.

Журналист из "Техасской Почты" почувствовал к нему жалость и, подойдя, сказал:

- Сразу же за углом есть место, где вы сможете найти еду и ночлег за сравнительно небольшую сумму. Как давно вы попали в Хаустон?

Человек посмотрел на репортера своими маленькими острыми глазками и спросил:

- Вы новый человек в газете, не так ли?

- Да, более или менее.

- Видите этот квартал, застроенный сплошь трехэтажными домами?

- Вижу!

- Так вот, все эти дома принадлежат мне, и я сижу здесь и размышляю, что мне делать.

- Что именно вас беспокоит?

- А видите ли, стены дают трещины и расползаются, и я боюсь, что мне придется всадить уйму денег в ремонт. У меня свыше ста квартиронанимателей во всех этих зданиях.

- Я вам скажу, что делать.

- Ну?

- Вы говорите, стены расползаются?

- Да.

- В таком случае жилая площадь квартир увеличивается. Повысьте на этом основании квартирную плату.

- Молодой человек, вы гений! Я завтра же увеличу ее на двадцать процентов.

И таким образом был спасен еще один капиталист.

РАЗГАДКА

В оранжерее одного из роскошных особняков Хаустона стоял со сложенными на груди руками и улыбкой сфинкса на лице Роланд Пендергаст и глядел сверху вниз на сидевшую в кресле Габриэль Смитерс.

- Почему, - говорил он, - меня так влечет к вам? Вы не прекрасны, вам не хватает апломба, грации и savoir faire. Вы холодны, несимпатичны, и у вас кривые ноги. Я пытался проанализировать вашу власть надо мной - и не мог. Мы связаны друг с другом таинственной цепью телепатических явлений, но какова их природа? Мне противно думать, что я влюблен в женщину, у которой нет ни шика, ни *naivete*, ни передних зубов, но рок судил так. Все в вас отталкивает меня, но я не в силах вырвать вас из своего сердца. Днем вы наполняете мои мысли; ночью - кошмары. Вы сложены уродливо; но когда я прижимаю вас к своему сердцу, странный восторг наполняет его. Я не могу вам сказать, почему я люблю вас, как не могу сказать

@почему парикмахер может скоблить бритвой чью-нибудь голову четверть часа и не задеть воспаленного места. Говорите, Габриэль, скажите мне, в чем заключаются чары, которыми вы околдовали меня?

- Я скажу вам, - ответила Габриэль с мягкой улыбкой. - Я уже многих мужчин очаровывала этим. Когда я помогаю вам надеть пальто, то никогда не засовываю под него руку и не пытаюсь одернуть ваш пиджак.

ДОРОГО, КАК ПАМЯТЬ

- Предложенная цена?

Аукционер высоко поднял детскую лошадь-качалку, поломанную и грязную. Она принадлежала кому-то из младших членов семьи человека, чье имущество продавалось с молотка.

Он был разорен вконец. Он отдал все, что у него было, своим кредиторам - дом, обстановку, лошадей, товары и землю. Он стоял в толпе и смотрел, как вещи, составлявшие его домашний очаг и доставшиеся ему от родителей, расходились по сотням незнакомых рук.

Женщина в густой вуали опиралась на его руку.

- Предложенная цена?

Аукционер высоко поднял игрушку, чтобы ее было видно всем. Детские ручонки оборвали и без того скудную гриву; уздечка была перекручена и потерта от прикосновений нежных пальчиков. Толпа молчала.

Женщина под густой вуалью зарыдала и протянула руки.

- Нет, нет, нет! - вырвалось у нее.

Мужчина был бледен от волнения. Маленькое существо, когда-то скакавшее на этой лошадке, много лет назад ушло и потерялось в широком мире. Это было все, что осталось в воспоминании о счастливых днях детства.

Аукционер со странным влажным блеском в глазах передал мужчине игрушку, не говоря ни слова. Тот схватил ее жадными руками и, вместе с женщиной под густой вуалью, поспешил прочь.

По толпе пробежал шепот сочувствия.

Мужчина и женщина вошли в одну из пустых комнат и поставили на пол лошадь-качалку. Он вынул перочинный нож, вспорол грудь лошади и извлек оттуда пачку кредиток. Он пересчитал их и сказал.

- Меня мороз продирает по коже при мысли, что кто-нибудь мог предложить за нее несколько центов! Восемь тысяч пятьсот долларов - но этот аукционер чуть-чуть не испортил всей штуки!

НИКАК НЕ МОГ УГАДАТЬ

Субъект с длинным, острым носом и с огромным тюком на ремне поднялся по ступенькам на крыльцо мрачного кирпичного дома, скинул тюк, дернул звонок, а потом снял шляпу и вытер пот со лба.

Женщина открыла дверь, и он сказал:

- Мэм, я имею предложить целый ряд не только полезных, но прямо необходимых вещей, которые я хотел бы показать вам. Во-первых, попрошу вас взглянуть на эти изумительные жизнеописания великих людей и путешествия в разные страны в роскошных переплетах самых лучших авторов. Продаются исключительно по подписке. Переплет сделан...

- Мне нечего их смотреть. У нас ос...

- Особые вкусы, а? В таком случае, мэм, вот кубики для маленьких детей под названием "Юный строитель". Чрезвычайно полезно и занимательно. Нет? Тогда разрешите показать вам прелестные кружевные шторы для гостиной, ручной работы и совершенно даром. Могу...

- Не надо! Не надо! У нас ос...

- Осторожное отношение к торговцам в разнос? Все, что я продаю, мэм, я продаю с гарантией. Вот, например, остроумнейшее приспособление, чтобы будить по утрам ленивых слуг. Стоит только нажать эту кнопку...

- Говорю вам, у нас ос...

- Острая нужда в деньгах? Пусть это не беспокоит вас, мэм. Я могу предоставить кредит до следующего посещения этого района или на любой указанный вами срок. Взгляните, мэм, на эту веревку для белья. Она не требует никаких прищепок и может быть прикреплена к чему угодно - забору, дереву, шесту. Ее можно снижать и натягивать в одну секунду, и для большой стирки это совершенно незаменимое...

- Я все пытаюсь сказать вам, - перебила женщина, - что у нас оспа в доме, и мы...

Длинноносый субъект судорожно схватил свои товары и скатился со ступеней в две секунды. Женщина тихо закрыла за ним дверь, а подъехавший в эту минуту мужчина вылез из экипажа и прикрепил к дому желтый флаг.

НЕСМОТЯ НИ НА КАКУЮ НАУКУ

Человек, следящий за всеми новейшими открытиями и достижениями - тот же "пророк в своем отечестве". Он знает все решительно о бациллах и микробах и обо всем многообразии вновь открытых врагов человечества. Он читает все газеты и наматывает на ус все предостережения, необходимые для долголетия и здоровья как физического, так и умственного. Он остановил вчера на Мэйн-Стрит приятеля, который спешил на почту, и сказал, вне себя от волнения:

- Минуточку, Браун. Вы куда-нибудь кусали ногти?

- Полагаю, что да - нет, впрочем, не знаю! Извините меня, пожалуйста, я должен вскочить в трамвай.

- Погодите вы! Боже милосердный, вы не представляете, какая вам грозит опасность! Если острая частица ногтя попадает к вам в легкие, начнется воспалительный процесс, который завершится поражением тканей, упадком сил, кровохарканьем, припадками, летаргией, туберкулезом и смертью. Подумайте об этом! И, между прочим, обнаружена очень опасная бацилла, возникающая в воде, в которой стояли розы. Хочу предостеречь вас. Знаете ли вы, что...

- Послушайте, старина, премного вам обязан, но это письмо...

- Что значит письмо в сравнении с вашей жизнью! В ложке обыкновенной ключевой воды находится свыше десяти миллионов живых существ; науке известны две тысячи их разновидностей. Вы солите пиво, когда пьете?

- Не знаю. Право же, я должен идти. Я...

- Не делайте меня ответственным за вашу жизнь - я пытаюсь ее спасти. Да знаете ли вы, что всякий прожитый нами день есть уже чудо! В каждом стакане пива находится бесконечно малое количество хлористоводородной кислоты. Соединение ее с солью дает чистый хлор. Вы поглощаете хлористый газ каждый день вашей жизни. Остановитесь, пока не поздно!

- Я не пью пива!

- Но вы дышите через рот во время сна. Вы знаете к чему это ведет? К грудной жабе и бронхиту. Или вы твердо решили, чтобы невежество привело вас к могиле? Подумайте о жене и детях! Известно ли вам, что обыкновенная комнатная муха носит на подушечках своих ног сорок тысяч микробов и служит распространителем холеры, тифа, дифтерита, скарлатины и...

- К черту микробов! У меня ровно три минуты, чтобы успеть сдать письмо. Всего!

- Одну секундочку! Доктор Пьер Пастер говорит, что...

Но жертва исчезла.

Десять минут спустя живой каталог новейших открытий был сбит с ног трамваем в то время, как пересекал улицу, поглощенный чтением о вновь изобретенном фильтре, и сочувствующие друзья отнесли его домой на руках.

"ДУРНОЙ" ЧЕЛОВЕК

Один смелый и "дурной" человек привлек на этих днях всеобщее внимание в одном из городов Техаса. По-видимому, он проглотил такое количество спиртных напитков, что им овладело желание во что бы то ни стало продемонстрировать свои особенности "дурного" человека. А когда полиция захотела арестовать его, он встал спиной к стене здания и предложил полиции "попробовать". Значительная толпа горожан - в том числе несколько коммивояжеров из находившейся неподалеку гостиницы - собралась поглазеть на происходящее.

"Дурной" человек был огромным, свирепого вида парнем с длинными курчавыми волосами, ниспадавшими на плечи, в широкополой шляпе, в плаще из лосины с бахромой внизу и с весьма образным лексиконом. Он играл громадным шестизарядным револьвером и клялся костью Дэви Крокета, что продырявит каждого, кто попытается его схватить.

Шериф города вышел на середину улицы и стал было уговаривать его, но "дурной" человек гаркнул и поднялся на носки - и вся толпа очутилась на противоположной стороне улицы. Полисмены устроили совещание, но ни один из них не хотел начинать военные действия первым.

В это время маленький, худосочный, чахоточного вида вояжерчик, разъезжавший от одной из обувных фабрик Коннектикута, протиснулся через толпу на противоположной стороне улицы, чтобы взглянуть на бандита. Он весил какие-нибудь девяносто фунтов и носил двойные очки в золотой оправе. В эту самую минуту бандит гаркнул еще раз:

- Черт вас подери, почему никто из вас не подойдет и не попробует взять меня? Я проглочу любых пятерых из вас, даже не разжевывая, хотя я совсем не голоден - га! га!

Толпа подалась назад еще на несколько ярдов, а полисмены побледнели еще больше. Но худосочный человечек поправил обеими руками очки, шагнул с тротуара на мостовую и внимательно оглядел "дурного" человека. Затем он спокойно направился через улицу смешной подпрыгивающей походкой - прямо туда, где стояло воплощение ужаса.

Толпа завопила, чтобы он вернулся, а бандит еще раз потряс своим револьвером, но маленький человечек подошел к нему в упор и сказал что-то. Зрители затрепетали, ожидая, что смельчак полетит наземь с сорокапятимиллиметровой пулей внутри - но он не полетел. Все с изумлением увидели, как бандит опустил револьвер, сунул руку в карман и передал что-то маленькому человечку.

После этого бандит робко поплелся по тротуару, а человечек пересек улицу и присоединился к толпе.

- "Дурной" человек? - сказал он. - Полагаю, что нет. Он не способен обидеть и муху. Это - Зеке Скиннер. Он вырос на ферме в Коннектикуте по соседству со мной. Он представитель какого-то дутого средства от печени, и это его обычный уличный трюк, чтобы привлечь внимание толпы. Я дал ему займы восемь долларов в Гартфорде лет девять тому назад и

думал, что уже никогда больше его не увижу. Его голос показался мне знакомым. Уплатил? Надо думать, что уплатил. Я всегда получаю то, что мне следует.

После этого толпа рассеялась, а двенадцать полисменов перехватили Зеке на ближайшем углу и избивали его до самого участка.

МАЛЕНЬКАЯ ОШИБКА

Самого обыкновенного вида субъект в сорочке-неглиже, вышедшей из моды еще в прошлом году, вошел в контору газеты и развернул рукопись длиною в добрых три фута.

- Я хотел повидать вас относительно этой небольшой вещицы, которую я собираюсь поместить у вас в газете. Здесь пятнадцать четверостиший, помимо прозаического материала. Стихи трактуют о весне. Мой почерк немного неразборчив, и мне придется прочесть вам это самому. Благоволите послушать.

ВЕСНА

Воздух полон нежных зефиров,

Трава в зеленые коврики вяжется.

Зима ушла из наших квартир,

А весна пришла, как мне кажется.

Когда солнце заходит, туманы

Ползут из низких болот,

А когда звезды зажигаются, освещая заоблачные страны,

Холодный ветер дует, принося много хлопот.

- Отнесите эту ерунду в редакцию, - сказал заведующий конторой коротко.

- Я там уже был, - возразил обыкновенного вида субъект, - и они направили меня сюда. Это заполнит целый столбец. Я хочу поговорить с вами о цене. Последнее четверостишие читается так:

Весенняя томность, чему есть примеры,

Закупоривает нашу кровь в сердцах

И мы должны немедленно принимать меры,

Чтобы не обратиться в то, чему имя "Прах".

- За этим следует прозаический материал, который написан на машинке, как вы можете видеть, и вполне разборчив. Теперь я...

- К черту! - сказал заведующий конторой. - Нечего вам тут шлаться в контору и читать ваш старый весенний бред. Мне и так все утро досаждали представители фабрик, вырабатывающих бумагу и краску. Почему вам не заняться делом вместе того, чтобы валять дурака таким образом?

- Я не имел в виду отнять у вас время, - сказал посетитель, скатывая в трубку рукопись. - В городе имеются еще другие газеты?

- Да. Несколько. Семья у вас есть?

- Есть, сэр.

- Тогда какого черта не займетесь вы приличным делом, вместо того, чтобы кропать гнусные вирши и читать их занятым людям? Мужчина вы или нет?

- Очень извиняюсь за беспокойство, - сказал самого обыкновенного вида субъект, направляясь к выходу, - я вам сейчас объясню, как обстоит дело. Я заработал за прошлый год свыше восьмидесяти тысяч долларов на этих самых маленьких вещицах, которые я пишу. Я помещаю свои весенние и летние рекламки для фирмы, вырабатывающей патентованное средство "Сарсапарилла", одним из совладельцев коей я являюсь. Я решил затратить около тысячи долларов на рекламу в этом городе. Я побываю в других газетах, о которых вы упомянули. Всего хорошего!

Заведующий конторкой стал после этого случая настолько осторожен, что все начинающие поэты города читают ему теперь свои стихи и он безропотно их выслушивает.

ВЫШЕ СИЛ ЖУРНАЛИСТА

- Вы дали заметку о самоубийстве, как я вас просил вчера вечером? спросил редактор у новичка-репортера, только что окончившего школу журналистов.

- Я видел труп, сэр, но не нашел возможным дать его описание.

- Почему?

- Каким бы образом мог я написать, что горло несчастного было перерезано от уха до уха, когда у него всего-то было одно ухо?

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ КРИКА

Это был большой мистификатор, никогда не пропускавший случая подшутить над кем-нибудь.

Несколько дней тому назад он встретил приятеля на Мейн-Стрит и конфиденциально шепнул ему:

- Я никогда бы не поверил этому, но полагаю своим долгом сделать факт общеизвестным. Мистер Джонсон, гласный нашей части города, принял деньги с определенной целью избежать крика.

- Невозможно! - сказал приятель.

- Говорю вам, что это правда, так как я случайно подслушал разговор и своими глазами видел, как деньги были переданы ему и как он взял их и положил в карман.

Затем он продолжал свой путь, не сообщив никаких подробностей, и целых два дня город только об этом и говорил.

Он совсем забыл об этом и не вспоминал до того дня, когда столкнулся с мистером Джонсоном и понес ущерб в виде двух фонарей под глазами и разорванного сверху донизу пальто.

После чего ему пришлось обходить всех и объяснять, что под деньгами, данными гласному во избежании крика, он разумел десятицентовик, переданный последнему его женой, чтобы купить успокоительного для младенца.

ПАМЯТНИК СЛАДКОГО ДЕТСТВА

Он был стар и слаб, и песок в часах его жизни почти истек. Он двигался неверными шагами вдоль одной из самых фешенебельных улиц Хаустона. Он оставил город двадцать лет тому назад, когда последний был немногим больше влачащей полунищее существование деревни, и теперь, устав странствовать по свету и полный мучительного желания поглядеть еще раз на места, где протекало его детство, он вернулся и нашел, что шумный деловой город вырос на месте дома его предков. Он тщетно искал какой-нибудь знакомый предмет, могущий напомнить ему минувшие дни. Все изменилось. Там, где стояла хижина его отца, высились стены стройного небоскреба; пустырь, где он играл ребенком, был застроен современными зданиями. По обе

@стороны расстилались великолепные лужайки, подбегавшие к роскошным особнякам.

Внезапно, с радостным криком, он бросился вперед с удвоенной энергией. Он увидел перед собой - нетронутый рукой человека и неизменяемый временем - старый знакомый предмет, вокруг которого он бегал и играл ребенком. Он простер руки и кинулся к нему с глубоким вздохом удовлетворенности.

Позже его нашли спящим с тихой улыбкой на лице на старой мусорной куче посередине улицы - единственном памятнике его сладкого детства!

КОЕ-ЧТО ДЛЯ РЕБЕНОЧКА

Это всего только легкий диссонанс в радостной праздничной музыке. Минорная нотка под пальцами Рока, скользнувшими по клавишам, в то время, как рождественские славословия и песни наполняют весельем святочные дни.

Журналист из "Техасской Почты" стоял вчера в одном из крупнейших мануфактурных и галантерейных магазинов на Мейн-Стрит, наблюдая за толпой разодетых покупателей, главным образом, дам, рывшихся в предпраздничных безделушках и предметах для подарков.

Но вот маленькая, тоненькая, бледненькая девочка робко пролезла к прилавку сквозь осадившую его толпу. Она была в слишком холодном для рождества пальтишке, а ее сношенные башмачки были сплошь в заплатках.

Она оглядывалась с видом наполовину печальным, наполовину испуганным.

Приказчик заметил ее и подошел.

- Ну, чего тебе? - спросил он, пожалуй, слишком резко.

- Пожалуйста, сэр, - ответила тоненьким голоском девочка, - мама дала мне десять центов, чтобы купить кое-что для ребеночка.

- Кое-что для ребеночка, на десятицентовик? Рождественский подарок, а? А не находишь ли ты, что тебе лучше сбегать за угол, в игрушечный магазин? У нас этих вещей нету. Тебе нужна жестяную лошадку, или мячик, или паяца на веревочке, верно ведь?

- Пожалуйста, сэр, мама сказала, чтобы я зашла сюда. Ребеночка уже нет с нами, сэр. Мама велела мне купить - на... десять... центов... крепа, сэр, пожалуйста!

СИЛА РЕПУТАЦИИ

В один из вечеров на прошлой неделе в Сан-Антонио, высокий торжественного вида господин в шелковом цилиндре вошел в бар при гостинице и остановился около камина, где уже сидели - куря и болтая - несколько человек. Толстяк, видевший, как он входил, справился у конторщика гостиницы, кто это такой. Конторщик назвал его имя, и толстяк последовал за незнакомцем в бар, бросая на него взгляды восторженного восхищения.

- Довольно холодная ночь, джентльмены, для теплого пояса, - сказал господин в шелковом цилиндре.

- Ха-ха-ха-ха-ха-ха! - проревел толстяк, раздражаясь оглушительным хохотом. - Это недурно!

Торжественного вида господин был изумлен этим, но продолжал стоять и греться у камина.

Вскоре один из людей, сидевших подле огня, заметил:

- Старуха-Турция там в Европе, по-видимому, приутихла в настоящее время.

- Да, - сказал торжественный господин, - похоже, что обязанность шуметь взяли на себя другие нации.

Толстяк издал громкий вопль, лег на пол, и начал кататься по нему.

- Вот умора! - вопил он. - Лучшее, что я слышал когда-либо! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Давайте, джентльмены, дернем по этому поводу!

Приглашение дернуть показалось всем достаточным удовлетворением за такую ничем не оправданную веселость, и они сгрудились у стойки. Пока смешивались напитки, толстяк успел шепнуть что-то на ухо каждому из присутствующих, за исключением господина в шелковом цилиндре. Когда он кончил, все лица растянулись в широкие улыбки.

- Ну-с, джентльмены, если в чем и заключается шутка, то в этом! произнес торжественный господин, поднимая стакан.

Вся компания единодушно разразилась в буквальном смысле ревом от хохота, расплескав половину содержимого стаканов на стойку и на пол.

- Когда-нибудь слышали такой поток остроумия? - спросил один.

- Он битком набит шутками, разве нет?

- Такой же, каким он был всегда!

- Лучшее, что мы имели здесь за год!

- Джентльмены, - сказал торжественный господин, - вы, по-видимому, сговорились разыграть меня. Я сам не прочь посмеяться от хорошей шутки, но мне хотелось бы знать, насчет чего вы проходите?

Трое лежали, вываленные в опилках, на полу и взвизгивали, а остальные попадали в кресла или держались за стойку в пароксизмах хохота. Затем трое или четверо чуть не подрались за честь собрать всех снова у стойки. Торжественного вида господин держал себя подозрительно и осторожно - но пил каждый раз, когда кто-нибудь заказывал угощение. Стоило ему произнести слово, как вся орда выла от хохота, пока слезы не брызгали из глаз.

- Ну, - сказал торжественный господин, когда его собутельники оплатили по крайней мере двадцать круговых, - даже лучшие друзья расстаются. Мне нужно спешить к моему жестокому ложу.

- Здорово! - проревел толстяк. - Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Жесткое ложе, это - здорово! Лучшее, что я когда-либо слышал. Вы так же неистощимы, черт подери, каким были всегда! Ни разу не слышал такого экспромта острословия! Техас гордится вами, старина!

- Спокойной ночи, джентльмены! - сказал торжественный господин. - Мне нужно встать очень рано и приняться за работу.

- Послушайте только! - взвыл толстяк. - Говорит, что ему надо приняться за работу. Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Вся толпа разразилась прощальным ревом хохота вслед направлявшемуся к выходу торжественному господину. Последний остановился на минуту и сказал:

- Провел (ик!) чрезвычайно приятный вечер (ик!), джентльмены. Надеюсь увидеться с вами (ик!) утром. Вот моя карточка. Доброй ночи!

Толстяк схватил карточку и потряс торжественному господину руку. Когда тот исчез за дверью, толстяк взглянул на карточку, и лицо его вдруг стало серьезно.

- Джентльмены, - сказал он, - вы все знаете, кто такой наш друг, которого мы только что угощали?

- Еще бы! Вы сказали, что это Алекс Сладкий из "Техасского Весельчака".

- Так я и думал, - сказал толстяк. - Конторщик гостиницы сказал, что это Алекс Сладкий. Он протянул им карточку и исчез через боковой выход. Карточка гласила:

Л.Х.УИТТ

Канзас-Сити

Представитель фирмы "СМИТ и ДЖОНС"

ГРОБЫ. ВЕНКИ. ПАМЯТНИКИ.

Угощение стоило - всем по совокупности - тридцать два доллара. Толпа вооружилась, чем попало, и села в засаду в ожидании толстяка

Когда теперь в Сан-Антонио незнакомцу приходит желание пошутить, он может вызвать улыбку не прежде, чем представит оформленные по всем правилам письменные данные.

ВО ИСПРАВЛЕНИЕ СТРАШНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Недавно было сделано открытие, которое не замедлит пробудить в каждом джентльмене нашей страны чувство живейшего раскаяния. В течение долгого времени мужчины полагали, что обыкновение дам надевать в театр высокие шляпы есть просто результат невнимания к тем несчастным, которым судьба предоставила места непосредственно зади них.

Ныне выясняется, что такое предположение было по отношению к прекрасному полу глубочайшей несправедливостью. Известная женщина-врач раскрыла болезненное явление, от которого женская половина человечества уже давно и мучительно страдает, но которое ей удавалось сохранить до настоящего времени в полнейшей тайне. Обыкновение дам появляться в публичных местах в шляпах есть результат печальной необходимости - и, следовательно, с них должно быть снято обвинение, столь часто против них выдвигавшееся, в эгоистическом невнимании к удобствам других.

Оказывается, дамы, перешагнувшие за 35 лет, особенно чувствительны к действию световых лучей, падающих им на головы сверху. Женский череп существенно отличается от мужского, главным образом, в верхней своей части и, начиная с 35-летнего возраста, теменные ткани женского черепа утончаются. Лучи света - особенно электрического - производят, проникая, чрезвычайно раздражающее действие на мозговые центры.

Как ни странно, этот недостаток черепного устройства совершенно не замечается женщинами в молодости; но стоит им перешагнуть за грань юности, как он немедленно дает себя почувствовать. Сами женщины знают об этом и часто толкуют на эту тему, но они ревностно оберегали свой секрет даже от самых близких мужчин. Женщина-врач, разоблачившая его на столбцах научного журнала, первая представительница их пола, заговорившая об этом вопросе открыто.

Если кто-нибудь даст себе труд проделать опыт, он незамедлительно убедится в соответствии изложенного истине. Начните разговор с дамой, перешагнувшей средний возраст, стоя под ярко светящей лампой, и через несколько минут ей станет не по себе и вскоре боль, причиняемая светом, заставит ее отодвинуться от его источника. На молодых здоровых девушек лучи света не оказывают никакого заметного действия. Таким образом, если мы видим в театре даму в высокой и громоздкой шляпе, мы сможем смело сделать вывод, что ей больше 35 лет и что она просто предохраняет себя от болезненного явления, постигшего

ее с годами. Напротив, где бы мы ни увидели даму, носящую небольшой и никому не мешающий головной убор,

@мы должны заключить, что она все еще молода, очаровательна и может сидеть под пронизывающими лучами света, не испытывая никаких неудобств. Нет такого человека, на чьей совести лежит грех осуждения женщины за ее предполагаемое пренебрежение к удобству ее ближних, который бы теперь не высказал искреннейшего сожаления о своем заблуждении. Американцам присуще уважать старость - особенно женскую - и когда изложенные здесь факты станут общеизвестными, терпимость и сочувствие заменят негодование и упреки. С этих пор впредь высокие шляпы с ниспадающими перьями и торчащими цветами и отделкой, встающие между нами и сценой, будут рассматриваться не с неудовольствием, но с уважением - коль скоро мы поймем,

@что их носительницы уже не молоды и идут быстрыми шагами к могиле, и что они вынуждены принимать предосторожности, необходимые в таком возрасте для их хрупких организмов.

РАССКАЗ-ЗАГАДКА С ПРЕМИЕЙ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Наиболее распространенный и модный способ для увеличения тиража наших газет - помещение в них романов-загадок с премиями для читателей. Публика приглашается принять участие в разгадывании, чем все это закончится - и следовательно вынуждается покупать или выписывать газету.

Нет ничего легче в мире, чем написать загадочный рассказ, который устоял бы против изощренности самых гениальных отгадчиков страны.

В доказательство этого - вот рассказ, за расшифровку которого до прочтения последней главы мы предлагаем премию десять тысяч долларов любому мужчине и пятнадцать тысяч долларов любой женщине.

Мы даем только конспект рассказа, потому что литературный стиль нас не интересует - загадочность нам нужна, а не стиль!

Глава 1

Судья Смит, высокочтимый житель города Плунквилля, найден убитым в постели у себя дома. Его грудь пронзена парой ножиц, отравленных крысиным ядом. Его горло перерезано бритвой с ручкой из слоновой кости, артерия на одной из рук вскрыта и в него всажен добрый фунт дробин из охотничьей двустволки.

Следователь вызван, и комната подвергнута осмотру. На потолке обнаружен кровавый след ноги, а на полу найдены дамский кружевной платочек с инициалами "Д.Б.", пачка папирос и бутерброд с ветчиной. Следователь считает самоубийство доказанным.

Глава 2

После судьи остается его дочь, Мэбель, восемнадцати лет, необычайно красивая. Вечером, накануне убийства, она показывала в одном из лучших ресторанов города револьвер и топор и говорила о намерении "прикончить старикашку". Жизнь судьи была застрахована на сто тысяч долларов в ее пользу. Никто не подозревает ее в преступлении.

Мэбель обручена с молодым человеком по имени Чарли, которого в ночь убийства многие граждане видели вылезавшим из окна судьи с окровавленной бритвой и ружьем в руках. Общество не обращает никакого внимания на Чарли.

Бродяга попадает под трамвай и прежде, чем умереть, сознается в совершении преступления. На похоронах судьи его брат, полковник Смит, не выдерживает и кается, что убил судью с целью завладеть его часами. Мэбель посылает в Чикаго и нанимает для расследования дела искусного сыщика.

Глава 3

Прелестная незнакомка в глубоком трауре приезжает в Плунквилль и называет администрации отеля свое имя: Джейн Бумгартнер. (Инициалы на платке!).

На следующий день сыщик натывается на китайца, отрицающего, что он убил судью, и арестовывает его. Незнакомка встречается на улице Чарли и, услышав запах его сигары, падает в обморок. Мэбель порывает с Чарли и обручается с китайцем.

Глава 4

Во время следствия над китайцем Джэйн Бумгартнер показывает, что она видела, как сыщик убил судью Смита по наущению священника, руководившего похоронами, и что Мэбель - мачеха Чарли. Китаец уже готов сознаться, как вдруг раздаются приближающиеся шаги. Следующая глава - последняя, и можно с уверенностью сказать, что никому не удастся предугадать ее содержание. Чтобы показать, как это трудно, даем теперь последнюю главу.

Глава 5

Шаги оказываются принадлежащими Томасу Р.Хеффлбому из Вашингтонского округа, который представляет исчерпывающие доказательства, что судью убил он в припадке временного помешательства, а Мэбель выходит замуж за человека по имени Томпкинс, которого она встретила двумя годами ранее в Горячих Ключах.

ПРАВО НА ПЕНСИЮ

- Кстати о ста сорока миллионах долларов, выплачиваемых ежегодно правительством на пенсии, - сказал один видный деятель представителю "Техасской Почты". - Мне рассказывали, что один человек из Индианы заявил месяц тому назад свое право на пенсию на основании операции, которой он подвергся в прошлую войну. И как вы думаете, о какой операции шла речь?

- Не имею ни малейшего представления!

- Ему отрезали отступление во время битвы при Геттисбурге!

ПОСЛЕ УЖИНА

Мистер Шарп. - Мне кажется, дорогая моя, что каждый год, пролетающий над твоей головой, приносит тебе лишь новое очарование, выявляет скрытую красоту, увеличивает твою душевную грацию. В твоих глазах сегодня есть что-то пленительно-девическое - как в тот день, когда я впервые увидел тебя. Какое счастье, когда два сердца становятся лишь нежнее друг к другу по мере того, как годы проносятся над ними. Ты сейчас столь же прекрасна, как тогда...

Миссис Шарп. - А я и забыла, что у тебя сегодня заседание в масонской ложе. Постарайся вернуться не позже двенадцати, пожалуйста!

УМЕНИЕ ХРАНИТЬ СЕКРЕТ

Пора положить конец распространению старой шутки о том, что женщины не умеют хранить секреты. Ни в чем черная неблагодарность мужчин к прекрасному полу не проявилась так ярко, как в распространении этой клеветы. Где бы и когда бы человек, считающий себя наделенным чувством юмора, ни вернулся к этой более древней, чем сам мир, теме, которой его братья-мужчины считают своим священным долгом аплодировать, на лице женщины появляется странная, непостижимая, полная жалости, усмешка, понятная лишь очень немногим из мужчин.

Правда в том, что только женщины и умеют хранить секреты. Одному богу понятна та изумительная сила, с какой девять из ста замужних женщин ухитряются скрыть от всего прочего мира, что они связали себя с существом, недостойным их чистой и полной самопожертвования любви к нему. Женщина может шепнуть соседке, что миссис Джонс уже второй раз перелицовывает свое старое шелковое платье, но если в ее груди есть что-либо, касающееся любимого ею человека, сами боги не вырвут это оттуда.

Слабый мужчина заглядывает в чашу с вином - и смотрите: вот он уже выболтал свои сокровеннейшие мысли развесившему уши случайному встречному! Женщина может щебетать о погоде и глядеть своими детскими глазами в очи хитрейшего из дипломатов, без труда пряча в это время в своей груди важнейшие государственные тайны.

Адам был праотцом болтунов, первым из сплетников - и нам нечего им гордиться. Под грезящим, взывающим к нему взглядом Евы - той, что была создана для его удобства и удовольствия - в ту самую минуту, когда она стояла рядом с ним, любящая, и юная, и прекрасная, как весенняя луна, он, жалкий приживальщик, сказал:

- Женщина дала мне, и я вкусил!

Этот отвратительный поступок нашего прародителя не может быть извинен ни одним джентльменом, знающим свой долг по отношению к леди!

Поведение Адама должно было бы привести к исключению его имени из списков каждого порядочного клуба страны. И тем не менее, с того дня женщина идет рука об руку с мужчиной - верная, преданная и готовая на все жертвы ради него. Она скрывает от света его жалкие

пороки, она перетолковывает в обратную сторону его позорные проступки и - главное она молчит... когда одного слова достаточно, чтобы пронзить его дутое величие и обратить его в смятую тряпку!

А мужчина говорит, что женщина не умеет держать секретов!

Пусть он будет благодарен, что она умеет их держать - иначе бы все воробьи на крышах чирикали про его ничтожество!

ПОБЕДИТЕЛЬ

После того, как в пятницу вечером была поставлена пьеса "В старом Кентукки", трое стариков-приятелей отправились в ресторанчик с непреклонным решением "вспрыснуть". "Вспрыснув" один раз, они "вспрыснули" и другой, и третий.

Когда они почувствовали, что дозрели, то сели за стол и начали врать. Не со злой целью, а естественно по-приятельски, о том, что им приходилось видеть и делать. Каждый из них приводил случаи из своей жизни и, так как небо было безоблачно, то никакого дневного повторения трагедии с Ананием не состоялось.

Наконец, судья внес предложение заказать огромный бокал мятного грога - напитка, исключающего всякую необходимость в щипцах для завивки волос! и тот, кто расскажет наиболее невероятную историю, получит возможность выдуть весь бокал через соломинку!

Мэр и судья выступили первыми с парой изумительных рассказов на тему о галстуках. Полковник облизнул губы, пересохшие при взгляде на огромный бокал, сверкавший алмазами и янтарем и увенчанный благоуханной мятой, и начал свой рассказ:

- Случай, который я собираюсь вам поведать, не только изумителен, но и правдив. Он имел место в этом самом городе, в субботу после обеда. Я встал в этот день очень рано, ибо мне предстояло много работы. Жена закатила мне добрый стаканчик виски, так что я чувствовал себя довольно недурно. Когда я спускался по лестнице, она подала мне кредитку в пять долларов, выпавшую у меня из кармана, и сказала:

- Джон, тебе нужно найти горничную помиловиднее. Джейн настолько буднична, что ты никогда не посмотришь на нее нежно. Попробуй, не найдешь ли ты служанки покрасивее - и, Джон, милый, ты уж слишком много работаешь! Тебе право же надо отдохнуть. Почему бы тебе не прокатиться сегодня после обеда с мисс Муггинс, твоей машинисткой? Ты бы кстати мог заехать в шляпный магазин и сказать там, чтобы мне не присылали шляпы, которую я отобрала, и...

- Довольно, полковник! - сказал судья. - Можете приступать к этому мятному грогу сию же минуту. Вам нет надобности заканчивать ваш рассказ.

ГОЛОДНЫЙ ГЕНРИ И ЕГО ПРИЕМ

Голодный Генри. Мэм, я представитель новейших, на роликах, не рвущихся, двойных подтяжек. разрешите показать?

Миссис Лоунстрит. Нет, у нас в доме нет мужчин.

Голодный Генри В таком случае я имею предложить нечто единственное в своем роде - собачьи ошейники из русской кожи, с серебряными инкрустациями, с именем, которое мы вырезаем за ту же цену в виде премии. Быть может...

Миссис Лоунстрит. Не надо, не надо. У меня нет собаки.

Голодный Генри. Вот это мне и надо было знать. Подай-ка мне, тетка, самый лучший ужин, какой только можешь, да поворачивайся живее, не то это плохо отразится на твоём здоровье. Понятно?

ЕДИНСТВЕННОЕ УТЕШЕНИЕ

Завтрак был кончен, и Адам вернулся к своей постоянной работе: наклеиванию ярлыков с именами на клетки, в которых сидели звери.

Ева взяла на руку попугая и сказала ему:

- Дело было так. Он устроил целый скандал по поводу пирога, который был к завтраку...

- А что ты сказала? - спросил попугай.

- Я сказала, что у меня есть во всем этом одно утешение: он не может ткнуть мне в глаза, что у его матери пирог всегда выходил лучше!

НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В Техасе есть старый проповедник-негр, большой поклонник его преподобия Сэма Джонса. В прошлое воскресенье он решил отказаться от обычного увещевания чернокожих братьев и кинуться, очертя голову, в самую гущу своей паствы по способу, столь успешно практикуемому знаменитым евангелистом Джорджии. Когда вступительный гимн был пропет и собрание прочло положенные молитвы, старый проповедник положил свои очки на библию и сразу же бросился в атаку.

- Горячо любимые братья, - сказал он, - я проповедую вам уже больше пяти лет, а милосердие божие так и не проникло в ваши беспокойные сердца. Я никогда еще не видел худшей банды, чем это горячо любимое собрание. Вот, например, Сэм Уадкинс на первой скамейке налево. Может кто-нибудь указать мне более низкого, жульнического, продувного, грязного негра во всей округе? Откуда те куриные перья, которые я увидел у него на заднем дворе сегодня утром? Пусть брат Уадкинс встанет и ответит на это!

Брат Уадкинс сидел на скамье, вращал глазами и тяжело дышал. Но он был застигнут врасплох и не мог дать ответа.

- А вот Эльдер Хоскинс, на правой стороне. Все знают, что это лживая, беспомощная, налитая пивом бочка. Его содержит жена, стирая белье. Что хорошего принесла ему кровь агнца? Он, должно быть, думает, что сможет околачиваться вокруг чужих кухонь и в Новом Иерусалиме.

Эльдер Хоскинс, пришпоренный этими обвинениями, поднялся с места и сказал:

- Это мне приводит на ум одну шутку. Не помню, чтобы я когда-нибудь работал тридцать дней на починке дорог в Бастропском графстве за кражу тюка хлопка.

- А кто работал? Кто работал? - возопил проповедник, надевая очки и сверкая глазами на Эльдера. - Кто украл этот хлопок? Заткни свой рот, негр, не то я спущусь вниз и раскрою его так, что шире некуда. А вон сидит мисс Джинни Симпсон. Поглядите, как она разрядилась! Поглядите на ее желтые башмаки, да на страусовые перья, да на шелковую кофту, да на белые перчатки. Откуда она берет деньги на все это? Она нигде не работает. Но господь видит эту суетную неряху, и он бросит ее в кипящую серу и в смердящий кладезь

Мисс Симпсон поднялась, и каждое из ее страусовых перьев дрожало от негодования.

- Старая, лживая, черномазая морда - ты! - сказала она. - Ты, что ли, платишь за мои тряпки? Может, ты скажешь всему собранию, кто вчера утром передал через забор огромный букет и жбан с сидром Лиззи Джаксон, когда ее старик ушел на работу?

- Ты лжешь, ехидная, низкая, шпионская дочь дьявола! Я был у себя дома, погруженный в молитву за порочных братьев и сестер во Христе. Я сейчас спущусь вниз и заткну тебе рот, если ты не закроешь его! Вы все обречены геенне огненной! Вы все до единого - только грязные отбросы земли! Я вижу отсюда Билла Роджерса, который, как известно, налил свинцом кости для того, чтобы играть наверняка, и который не тратит ни единого цента на прокорм своей семьи. Господь скоро переломает ему все ребра! Праведный суд духа святого скоро притянет его к ответу!

Билл Роджерс поднялся с места и заложил большие пальцы рук за жилетку.

- Я мог бы назвать, - сказал он, - некоторых игроков, которых выгнали с фермы полковника Янси за игру краплеными картами - если бы захотел.

- Вот это уж ложь! - сказал проповедник, захлопывая библию и засучивая рукава. - Берегись, Билл Роджерс, я сейчас спущусь к тебе!

Проповедник слез с кафедры и направился к Биллу, но мисс Симпсон успела по дороге запустить пальцы в шерсть на его голове, а Сэм Уадкинс и Эльдер Хоскинс не замедлили прийти к ней на помощь. Затем вступили остальные братья и сестры. И летающие во все стороны книги гимнов, вместе с треском разрываемых одежд, красноречиво засвидетельствовали, что свойственный Сэму Джонсу стиль проповедей именно к этому приходу подходит мало.

СКОЛЬКО СТОИТ ПРАВДА

На одного из жителей Хаустона, прослушавшего целый ряд проповедей Сэма Джонса, произвело особенное впечатление осуждение всяких сделок с совестью и неправд всех цветов и оттенков.

Так повлияло это на него, и на такую плодородную почву упало зерно, брошенное великим евангелистом, что этот самый житель Хаустона, неоднократно решивший до тех пор

против правдивости, решил в одно прекрасное утро начать жизнь сызнова и говорить правду во всех случаях, больших и малых, ни на йоту не отступая от голой неприукрашенной истины.

Во время завтрака жена спросила его:

- Как ты находишь бисквит, Генри?

- Тяжеловат, - ответил он, - и не выпечен.

Жена выскочила из столовой, и он доел завтрак наедине с детьми. Прежде Генри сказал бы:

- Бисквит очень хорош, душечка!

И все сошло бы хорошо.

Когда он позже выходил из калитки, к дому подъехала его богатая старуха-тетка, любимчиком которой он всегда был. Она была завита, напудрена и в корсете, чтобы казаться как можно моложе.

- О, Генри, - оскалила она зубы в глупейшей улыбке. - Как поживает Элла и детки? Я бы зашла, но у меня такой ужасный вид сегодня, что мне совсем нельзя показываться!

- Это верно, - сказал Генри, - вид у вас ужаснейший. Хорошо, что ваша лошадь в шорах, а то она могла бы случайно увидеть вас, понести и сломать вам шею.

Тетка свирепо взглянула на него и, не говоря ни слова, взялась за вожжи.

Генри перевел это впоследствии в цифры и рассчитал, что каждое слово, сказанное им тетке, обошлось ему в восемь тысяч долларов.

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА СЭМА ДЖОНСА

Унылого вида человек с отвисшими каштановыми баками вошел вчера днем в участок и сказал дежурному:

- Хочу отдать себя в руки правосудия. Лучше наденьте на меня наручники и посадите в самую темную камеру, где будет побольше пауков и мышей. Я один из худших людей в мире и уклоняюсь от суда. Велите, пожалуйста, тюремщику дать мне заплесневелого хлеба и воды из самой грязной лужи.

- Что именно вы сделали? - спросил дежурный.

- Я жалкий, опустившийся человек, изолгавшийся, ни на что не годный, на всех клеветующий, пьяный, вероломный, святотатственный мерзавец - и я не достоин даже умереть! Вы можете также велеть тюремщику приводить к моей камере маленьких детей, чтобы они глядели через решетку, как я буду скрежетать зубами и каяться в бесовском исступлении!

- Мы не в праве посадить вас в тюрьму, если вы не совершили никакого определенного преступления. Не можете ли вы выдвинуть против себя более конкретное обвинение?

- Нет, я хочу отдаться в руки правосудия на принципиальных основаниях. Видите ли, я слушал вчера вечером Сэма Джонса, он заметил меня в толпе и вынес мне приговор. Я думал, что я, на худой конец, старая кляча, но Сэм показал мне обратное изображение и убедил меня. Я старый, грязный, паршивый, блудливый пес - вы можете смело пнуть меня несколько раз, прежде чем посадите под замок, да пошлите сообщить моей жене, что старый негодяй, который в течение двадцати лет измывался над нею, получил, наконец, по заслугам.

- Чего там, бросьте это, - сказал дежурный. - Не верю, чтобы вы были так плохи, как вам кажется. Откуда вы знаете, что Сэм Джонс имел в виду именно вас? Он мог целить в кого-либо другого. Подтянитесь, и пусть это вас не трогает!

- Погодите-ка, - сказал унылого вида человек в раздумьи. - Если подумать, то как раз сзади меня сидел один из соседей, гнуснее которого нет во всем Хаустоне. Это шелудивый щенок - и никаких гвоздей! Он лупит свою жену и отказывал мне в трех долларах целых пять раз. Все, что Сэм говорил, подходит к нему точка в точку. Если подумать...

- Вот это правильный способ смотреть на вещи, - сказал дежурный. Все шансы за то, что Сэм имел вовсе не вас в виду.

- Черт побери, если я сам так не думаю теперь, когда я вспомнил про этого соседа, - сказал кающейся, начиная оживать. - Вы не представляете себе, какую тяжесть вы сняли с меня. Мне уже совсем казалось, что я самый худший грешник в мире. Держу пари на десять долларов, что он говорил как раз про того жалкого, презренного негодяя, что сидел сзади меня. Слушайте, пойдём и пропустим по стаканчику по этому поводу, а?

Дежурный отклонил предложение, и унылого вида человек запустил палец за шею, извлек наружу воротничок и сказал:

- Никогда не забуду, сэр, как вы любезно помогли мне выбраться из этого. Я чувствовал себя не на месте с самого утра. Иду сию же минуту на ипподром и поставлю на фукса против фаворита. Всего хорошего, сэр, никогда не забуду вашей любезности!

ПОСТЕПЕННО

- Вы не туда попали, - сказал Цербер. - Эти ворота ведут в глубины ада, а на паспорте, который вы предъявили, помечен рай.

- Я это знаю, - устало сказала тень, - но билет разрешает здесь остановку. Я, видите ли, из Гальвестона и мне надо менять обстановку постепенно.

ЕЩЕ ХУЖЕ

Двое жителей Хаустона пробирались домой в одну из дождливых ночей на прошлой неделе, и когда они, спотыкаясь, переправлялись через лужи на одной из главных улиц, один сказал:

- Это и есть ад, не правда ли?

- Хуже, - сказал другой. - Даже ад вымощен благими намерениями.

УДАР

Бледный, как смерть, человек, с шерстяным кашне вокруг шеи и тоненькой тростью в руке, вошел вчера, спотыкаясь, в один из аптекарских магазинов Хаустона и прислонился к прилавку, крепко прижимая другую руку к груди.

Фармацевт взял стаканчик с делениями, быстро влил туда унцию spiriti frumenti и подал вошедшему. Человек выпил его залпом.

- Немного лучше? - спросил фармацевт.

- Чуть-чуть. Мне еще не приходилось испытывать подобного удара. Едва стою на ногах. Еще немножко, пожалуйста...

Фармацевт налил ему еще одну унцию виски.

- Кажется, пульс у меня возобновился, - сказал человек. - Но это было ужасно!

- Выпали из экипажа? - осведомился фармацевт.

- Нет, не совсем.

- Поскользнулись на банановой корке?

- Если бы это! Я, кажется, опять лишусь чувств, если вы...

Обязательный фармацевт подал третью дозу возбуждательного напитка.

- Попали под трамвай? - спросил он.

- Нет, - сказал бледный человек. - Я расскажу вам как было дело. Видите того краснокожего типа, что пляшет и изрыгает проклятия там на углу?

- Да.

- Это по его вине. Боюсь, что не смогу держаться дальше на ногах. Я... спасибо!

Посетитель хлопнул четвертую порцию и начал оправляться.

- Может быть позвать доктора? - спросил фармацевт.

- Нет, пожалуй, не надо. Ваша любезность оживила меня. Я расскажу вам, в чем дело. У меня был привязан к трости игрушечный паук, и я увидел этого краснокожего типа, который сидел на пороге, спиной ко мне, и я опустил паука прямо ему на нос. Я тогда еще не знал, кто он! Он упал от перепуга на спину, и порезал ухо о скобу для чистки сапог, и сломал вставную челюсть, стоящую шестьдесят долларов. Этот тип - мой домовладелец, и я должен ему тридцать семь долларов за прежнее время, и у него закладная в десять долларов на мою корову, и он уже однажды грозился переломать мне ребра. Я шмыгнул сюда, и он не заметил меня. Удар для моих чувств, когда я увидел, кто это такой, прямо ужасен! Если у вас есть

@немного еще этого возбуждателя, я...

ЦИНИК

Младший компаньон. Вот честная фирма! Шарп и Симон посылают нам чек на пятьдесят долларов в добавление к расчету за этот месяц, чтобы возместить разницу в цене, ввиду того, что им в прошлом месяце были по ошибке посланы товары высшего качества!

Старший компаньон. Они делают при этом новый заказ?

Младший. Да! Большой, чем когда-либо.

Старший. Отправить его наложенным платежом!

ГОВОРЯ О ЦИКЛОНАХ

Человек с бронзовым лицом и импонирующей осанкой был великим путешественником и только что вернулся из кругосветного плавания. Он сидел у камина в Ламлоре, а несколько заезжих коммивояжеров да зашедших в гостиницу горожан слушали с большим интересом его рассказы.

Он говорил о жестоких бурях, бывающих в Южной Америке, когда длинные стебли травы в пампасах сначала переплетаются, а потом с такой силой прибиваются к земле порывами ветра, что их режут квадратами и продают, как соломенные циновки высшего качества.

Он также рассказывал о чудесном инстинкте дикого скота, который, говорил он, - хотя его бросает во все стороны жестоким ураганом и хотя ему преграждают путь раздувшиеся от дождей потоки - никогда, ни ночью, ни днем, не теряет верного направления.

- У них есть какой-нибудь орган, приспособленный для этого? - спросил представитель мукомольной компании из Топеки.

- Конечно. Вымя, - сказал путешественник.

- Не вижу, над чем тут смеяться, - заговорил человек из Канзаса. - Но если говорить о страшных ветрах, мы имеем нечто в этом роде у нас в штате. Вы все слышали о канзасских циклонах, но весьма немногие из вас знают, что это такое. У нас они не редки и выдаются между ними очень сильные, но большинство рассказов, которые вам приходилось читать, преувеличены. Однако, хороший, зрелого возраста циклон может иногда поднимать вещи на изрядную высоту. Единственное, обо что их ярость разбивается безрезультатно, это - агенты по продаже земельных участков. Я знаю некоего парня, по имени Боб Лонг, который работает в качестве земельного агента с незапамятных времен. Боб скупил огромное пространство степи

@и перепродает его небольшими участками под фермы. Однажды он повез в своей тележке человека, чтобы показать ему землю.

- Только поглядите на нее, - говорит он. - Это лучший, богатейший кусок земли в Канзасе. Стоит он много больше, но для почина, да принимая во внимание необходимые улучшения, я уступлю вам 160 акров по 40 долларов за...

Прежде, чем Боб успел сказать: "акр", налетел циклон и унес Боба вверх. Его увлекло все выше и выше, и он превратился, наконец, в еле заметное пятнышко, а покупатель стоял и следил до тех пор, пока Боб не исчез из виду.

Земля покупателю понравилась, так что он купил ее у наследников Боба, и вскоре через нее прошла железная дорога, и на этом месте вырос и стал процветать прекрасный город.

Ну-с, этот самый человек стоял однажды на тротуаре и размышлял о том, как ему повезло, и - кстати - как не повезло Бобу, как вдруг он поднял глаза и увидел, что кто-то падает. Оно делалось все больше и больше, и вскоре оказалось, что это человек.

Он свалился вниз, ударился о тротуар со звуком, который был слышен на четыре квартала в окружности, подскочил вверх по крайней мере на 10 футов, встал на ноги и крикнул:

- Ногу вперед!

Это был Боб Лонг. Борода у него стала седее и длиннее, но он остался таким же дельцом, как и был. Он заметил перемены, происшедшие за это время, пока он летел вниз, и когда он заканчивал фразу, прерванную циклоном, он соответственно изменил ее содержание. Боб был спекулянтom. Вскоре после этого он...

- Погодите, - сказал путешественник. - Подойдем к стойке и спрыснем это происшествие. Я требую законной передышки перед началом второго раунда.

ЦИФРЫ

Джентльмен с большой шевелюрой и с выражением на лице, свидетельствовавшем об отрешении от всего земного, сошел с двенадцатичасового поезда на Центральном вокзале. Он нес в руках кипу брошюр о воздержании и, почуяв острый запах, пошел в его направлении и уперся в красноносого субъекта, прислонившегося к сундуку близ багажного отделения.

- Друг мой, - сказал длинноволосый джентльмен, - знаете ли вы, что если бы вы поместили стоимость трех стаканчиков виски на сложные проценты в год сооружения Соломонова храма, у вас был бы сейчас капитал в 47.998. 645 долларов 22 цента?

- Знаю, - сказал красноносый субъект. - Я сам немного математик. Я также вычислил - за тот промежуток времени, пока доктор мазал мне йодом нос, чтобы вылечить эту болячку - что первый криворотый, гнилокостный, резиновошей собачий сын из ханжеской округи Меддельсомского графства, который позволит себе замечание по этому поводу, должен будет сделать прыжок на 17 футов в девять секунд, или получить тринадцать пинков под брюхо. У вас осталось ровно четыре секунды.

Длинноволосый джентльмен совершил блестящее отступление, не превысив данного ему срока, и насел со своими брошюрами о воздержании на показавшегося ему подозрительным жителя Хаустона, который нес домой завернутую в газету бутылку минеральной воды для тещи.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Есть одна леди в Хаустоне, которой вечно приходят в голову оригинальные идеи.

Для женщин это - очень большой недостаток, заслуживающий всяческого порицания. Женщина должна узнать, как смотрит на вещи ее муж, и построить свое мировоззрение соответственно. Конечно, неплохо, если у нее есть и свой взгляд на вещи, который она держит про себя - но кому приходилось встречать женщину, которая поступала бы таким образом?

Эта леди, в частности, имела обыкновение применять свои оригинальные идеи на практике, и не только ее семья, но и соседи вечно были настороже против каких-нибудь ошарашивающих сюрпризов с ее стороны.

В один прекрасный день она прочла в газете статью, не замедлившую внушить ей оригинальную идею. Статья указывала на то хорошо известное обстоятельство, что если бы мужчины могли найти у себя дома удовлетворение своих нужд и прихотей, у них не являлось бы потребности покидать домашний очаг и шляться по кабакам. Это утверждение показалось нашей леди разительнейшей истиной, и она смело заимствовала идею и решила немедленно применить ее на практике как свое собственное изобретение.

Когда в этот вечер ее муж вернулся домой, он заметил, что один конец гостиной отделен занавеской, но он уже так привык ко всякого рода новшествах, что даже побоялся расспрашивать, в чем тут дело.

Здесь будет кстати упомянуть, что у мужа нашей леди была слабость к пиву. Он не только любил - он обожал пиво. Пиво смело могло никогда ни к чему не ревновать этого джентльмена.

После ужина леди сказала:

- А теперь, Роберт, у меня есть маленький сюрприз для тебя. Тебе не нужно уходить в город сегодня. Я приспособила наш дом к тому, чтобы доставлять тебе все удовольствия, которые ты ищешь на стороне.

С этими словами она отдернула занавеску, и Роберт увидел, что один конец гостиной обращен в бар - или, вернее, в представление его жены о баре.

Несколько дорожек, из числа составлявших ковер, были сняты, и пол посыпан опилками. Кухонный стол был поставлен наискосок в одном из углов. Сзади на полке красовалась внушительная батарея бутылок всех размеров и форм, а в центре было артистически приспособлено лучшее из туалетных зеркал его жены.

На козлах помещался непочатый бочонок пива, и жена его, надев кокетливую наколку и передничек, грациозно прыгнула за стойку и, смущенно протягивая ему кружку пива, сказала:

- Вот идея, пришедшая мне в голову, Роберт. Мне казалось, что будет гораздо лучше, если ты станешь тратить деньги дома и в то же время иметь все удовольствия и развлечения, которые ты получаешь в городе. Что прикажете, сэр? - продолжала она с милой деловой вежливостью.

Роберт прислонился к стойке и тщетно двинул три или четыре раза носком сапога, пытаясь найти перекладину для ног. Он был до некоторой степени ошеломлен, как бывал всегда от оригинальных идей своей жены. Затем он взял себя в руки и изобразил на лице мрачное подобие улыбки.

- Мне пива, пожалуйста, - сказал он.

Его жена нацедила пива, положила пятицентовик на полку, и облокотившись на бар, стала непринужденно болтать на темы дня, как это делают все рестораторы.

- Вы должны пить много сегодня, - сказала она лукаво, - так как сегодня вы мой единственный посетитель.

Настроение у Роберта было подавленное, но он пытался не обнаруживать этого. Если не считать пива - действительно, первоклассного - мало что напоминало ему здесь те места, где он имел обыкновение тратить деньги.

Яркою света хрусталя, стука игральные кости, смешных анекдотов Брауна, Джонса и Родинсона, оживленного движения и специфически ресторанного колорита - ничего из того, что он находил там, здесь не было.

Некоторое время Роберт был задумчив - и вдруг оригинальная идея пришла ему в голову.

Он вытащил из кармана пригоршню мелочи и начал заказывать кружку за кружкой пива. Леди за стойкой вся так и сияла от успеха своей идеи. Обычно она устраивала целую бучу, если от ее супруга несло по возвращении домой пивом - но теперь, когда прибыль шла ей в руки, она и не думала жаловаться.

Неизвестно, сколько в точности кружек пива подала она своему мужу, но на полке уже красовалась целая стопка пяти- и десятицентовиков, и даже две или три монетки в четверть доллара.

Роберт почти уже лежал на стойке, время от времени выбрасывая ногу, чтобы попасть на перекладину, которой там не было, но говорил очень мало. Его жене следовало бы не допустить до этого, но прибыльность предприятия вскружила ей голову.

Наконец Роберт выговорил чрезвычайно повышенным тоном:

- Черт побери, гоните ссюда еще пару склянок и запишите их на мой счет!

Жена посмотрела на него с удивлением.

- Конечно же, я не сделаю этого, Роберт, - сказала она. - Ты должен платить за все, что берешь. Я думала, что ты это понял.

Роберт посмотрел в зеркало так прямо, как только мог, пересчитал отражения и затем гаркнул голосом, который можно было услышать за квартал:

- К черту все это, гони, сюда шесть кружек пива, да поставь их на лед, Сюззи, красавица моя, или я сброшу к черту всю твою музыку. Га-га!

- Роберт! - сказала его жена тоном, обнаруживающим растущее подозрение, - ты пил сегодня!

- Это наглая ложь! - возразил Роберт, запуская пивной кружкой в зеркало. - Был в конторе и помогал приятелю отправлять книги и опоздал на трамвай. Слушай, Сюззи, красавица, ты должна мне две кружки с прошлого раза. Гони их ссюда, или я сброшу к черту всю стойку!

Жену Роберта звали Генриеттой. В ответ на последнее замечание она вышла из-за стойки и двинула его в глаз штукой для выжимания лимона. Тогда Роберт пнул стол, переломал половину бутылок, пролил пиво и заговорил языком, не пригодным для печатного издания.

Десять минут спустя, жена связала его бельевой веревкой и, мерно нанося ему удары теркой для картофеля, обдумывала в промежутках способ ликвидации своей последней блестящей оригинальной идеи.

ЕЕ НЕДОСТАТОК

Это были две хаустонские барышни, совершающие прогулку на велосипедах. Они встретили третью барышню, не признающую велосипеда, которая катила с молодым человеком в шарабане.

Конечно, они должны были сделать какое-нибудь замечание о ней потому что это рассказ из жизни и потому что они настоящие живые барышни! - и вот одна из них сказала:

- Мне никогда не нравилась эта особа.

- Почему?

- О, она слишком женственна!

РАЗНОГЛАСИЕ

- Этот мистер Бергман, оперный антрепренер, - сказал один из хаустонских граждан, - поступил со мной несправедливо. Когда я недавно пошел брать билет на оперетту "Паук и муха", я просил его взять с меня полцены, потому что я глух на одно ухо и могу услышать только половину спектакля, а он сказал мне, что я должен заплатить вдвойне, так как мне чтобы прослушать пьесу, требуется больше времени, чем кому-либо другому!

ПРИЧИНА БЕСПОКОЙСТВА

Во время гастролей оркестра Суза в Хаустоне на прошлой неделе профессор Суз был приглашен отобедать у одного из выдающихся жителей города, с которыми он встречался раньше на севере.

Джентльмен этот - хотя он занимал видное положение и имел высокую репутацию - составил свое состояние благодаря чрезвычайной бережливости. Его мелочная экономия была предметом вечных разговоров среди соседей, и один-двое из его знакомых доходили даже до того, что называли его скаредом.

После обеда профессора попросили сыграть на рояле - он владел этим инструментом мастерски - и Суз сел и сыграл несколько очаровательных бетховенских сонат и других вещей лучших композиторов.

Во время исполнения прекраснейшего адажио в миноре профессор заметил, что хозяин дома бросает в окно беспокойные взгляды и вообще имеет тревожный и удрученный вид. Вскоре джентльмен из Хаустона подошел к роялю и тронул профессора за плечо.

- Послушайте, - сказал он, - сыграйте, пожалуйста, что-нибудь поживее. Дайте нам джигу или квикстеп - что-нибудь быстрое и веселое!

- Ах, - сказал профессор, - эта печальная музыка, очевидно, действует на вас удручающе?

- Не то, - сказал хозяин. - У меня на заднем дворе человек пилит дрова поденно, и он вот уже полчаса держит темп вашей музыки.

ЧТО ЭТО БЫЛО

Во вторник вечером что-то случилось с электричеством, и в Хаустоне царил такой же мрак, как в Египте, когда Моисей выключил газ. Они находились в это время на Руск-Авеню, сидели на травке в сквере и извлекали все выгоды из создавшегося положения.

Вдруг она сказала:

- Джордж, я знаю, что вы меня любите, и уверена, что ничто на свете не изменит вашего расположения ко мне, но я чувствую все-таки, что что-то есть между нами, и это что-то, хотя я долго колебалась сказать вам причиняет мне боль!

- Что именно, драгоценная? - спросил Джордж в агонии ожидания. Скажите, любимая, что такое находится между вами и мной?

- Мне кажется, Джордж, - нежно вздохнула она, - это ваши часы.

И Джордж ослабил на секунду объятия и переложил свой хронометр из жилетного кармана в задний карман брюк.

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ МЫСЛИ

Золотой рог молодого месяца висел над городом, и ночь была холодная, но прекрасная, как ночи ранней весны.

Пять или шесть человек сидели перед гостиницей Хатчинса, и они до тех пор придвигали, переговариваясь, свои стулья, что составили, наконец, тесную группу.

То были люди из разных концов страны, некоторые из городов, отстоящих на тысячи миль отсюда. Судьба побренчала ими, как игральными костями в чашечке, и швырнула в случайной комбинации в гостеприимные ворота города Магнолии.

Они курили и болтали, связанные тем чувством товарищества, которое с особенной силой проявляется в людях, встречающихся в чужом месте далеко от родных очагов.

Они пересказали все анекдоты и поделились случаями из личного опыта, а затем наступило непродолжительное молчание. И пока висевшие в воздухе струйки голубого дыма делались толще, их мысли стали обращаться к прошлому - подобно тому, как скот тянется к вечеру домой - к иным сценам и лицам.

- Всплыть спешит над волнами заката

Молодого месяца ладья,

И тускнеют, отпылав богато,

Неба беспредельные края,

процитировал коммивояжер из Нью-Йорка. - А-ха-ха! Хотел бы я быть сейчас у себя дома!

- То же со мной, - сказал маленький человечек из Сент-Луи. - Я так и вижу, как мои чертенята катаются по полу и выделывают штуки, пока Лаура еще не уложила их спать. Хорошо хоть, что я попаду домой к празднику!

- Я получил нынче письмо из дому, - сказал седобородый филладельфиец, - и мне захотелось к своим. Я не отдам и одного фута корявой мостовой на Спрюз-Стрит за все это благорастворение воздуха и рулады пересмешников на юге. Я двину прямо к своим квакерам, чтобы попасть как раз к праздничной индейке, и мне все равно, что скажет моя фирма.

- Вы только прислушайтесь к этому оркестру! - вставил толстый джентльмен с сильным немецким акцентом. - Мне почти кажется, что я у себя в Цинцинати, "у берегов Рейна", рядом с очаровательной девчонкой с шляпной фабрики. По-моему, вот эти вот дивные ночи и заставляют нас вспоминать про "дом, сладкий дом"!

- Что тут толковать! - сказал представитель железного и медного товара из Чикаго. - Я хотел бы сидеть сейчас в ресторане француза Петэ за большой бутылкой пива, да порцией кишок, да лимонным пирогом. Я сам нынче вечером что-то стал сентиментален!

- Хуже всего то, - сказал человек в золотом пенсне и зеленом галстуке, - что наших близких отделяет от нас много длинных и унылых миль и что мы ничего не знаем о тех преградах, которые, в виде бурь, наводнений, крушений, предстоят нам на пути. Если б можно было хоть на пять минут уничтожить время и пространство, многие из нас могли бы прижать сейчас к сердцу тех, кого они любят. Я тоже - муж и отец.

- Этот ветерок, - сказал человек из Нью-Йорка, - в точности такой же, как те, что дули над старой фермой в графстве Монтгомери, и все эти "сад, и луг, и сумрак бора" и прочее - так и вертятся у меня в памяти нынче вечером.

- Многие ли из нас, - сказал человек в золотом пенсне, - отдают себе отчет в том, сколько волчьих ям рок вырыл на нашем пути? Самый ничтожный случай может перервать нить, привязывающую нас к жизни. Сегодня - здесь, завтра - навсегда ушел из этого мира...

- Более, чем верно! - сказал человек из Филадельфии, вытирая стекла очков.

- ...и покинул тех, кого любил! - закончил тот. - Привязанности, длившиеся всю жизнь, любовь самых крепких сердец, обрывались во мгновение ока! Объятия, которые удержали бы вас, размыкаются, и вы уходите в печальный, неизвестный, иной мир, оставляя за собой ирранные сердца, чтобы неутешно оплакивать вас. Жизнь кажется сплошной трагедией!

- Черт подери, если вы не попали в самую точку! - сказал вояжер из Чикаго. - Наши чувства хуже, чем свиньи на бойне: бац - и нету! Лопнули!

Остальные с неудовольствием покосились на вояжера из Чикаго, потому что человек в золотом пенсне собирался продолжать.

- Мы утверждаем, - заговорил тот снова, - что любовь живет вечно, и однако, когда мы исчезаем, наши места занимают другие, а раны, причиненные нашей смертью, заживают. Тем не менее, у смерти есть еще одно жало, которое наиболее умные из нас могут обезвредить. Есть возможность уменьшить удар, наносимый смертью, умалить победу разверстой могилы. Когда мы узнаем, что наши часы сочтены, и когда дыхание слабеет и делается реже, и когда начинает проникать

В уши тронутые смертью, трепетанье райских крыл,

В очи, тронутые смертью, блеск раскрывшихся светил, - есть сладкое утешение в сознании, что те, кого мы оставляем в этом мире, защищены от нужд. Джентльмены! Мы все - далеко от своих очагов, и вы знаете опасности путешествий. Я представитель лучшей в мире страховой компании от несчастных случаев, и я хочу занести в ее списки каждого из вас. Я предлагаю вам на случай смерти, потери трудоспособности, утраты пальцев на ноге или руке, нервного потрясения, острого заболевания...

Но человек в золотом пенсне обращался к пяти пустым стульям, и луна с саркастической усмешкой скользнула за черный контур здания.

СОМНЕНИЕ

Они жили в чистеньком маленьком домике на Прери-Авеню и были женаты около года. Она была молода и сентиментальна, а он был клерком на жалованьи в пятьдесят долларов в месяц. Она сидела, качая колыбель и не отрывая глаз от чего-то, завернутого в розовое и белое, что крепко спало, а он читал газету.

- Чарли, - вдруг сказала она, - ты должен подумать о необходимости начать экономить и откладывать понемногу каждый месяц на будущее. Ты должен понять, что следует позаботиться о прибавлении к нашему дому, которое принесет с собой радость и удовольствие и зазвенит веселой музыкой у нашего очага. Ты должен подготовиться к обязательствам, которые падут на тебя, и помнить, что не о нас одних придется подумать. И в то время, как наши пальцы будут прикасаться к струнам, из которых по желанию могут быть извлечены чудные мелодии или диссонансы, и в то время, как звуки будут расти выше и громче, мы должны не забывать о долге, нами на себя принятом. Ты представляешь всю ответственность?

Чарли сказал:

- Да.

А потом пошел в сарайчик для дров, бормоча себе под нос:

- Интересно: она болтала о младенце или имеет в виду купить фортепьяно в рассрочку?

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Незнакомый человек вошел на днях в хаустонский банк и предъявил кассиру к оплате именной чек.

- Кто-нибудь должен удостоверить, - сказал кассир, - что ваше имя действительно Генри Б.Саундерс.

- Но я никого в Хаустоне не знаю, - сказал незнакомец. - Вот целая пачка писем, ко мне адресованных, и телеграмма от моей фирмы, и мои визитные карточки. Разве они не могут служить достаточным доказательством?

- Сожалею, - сказал кассир, - но хотя я несколько не сомневаюсь, что вы именно нужное лицо, однако наши правила требуют лучших доказательств.

Человек расстегнул жилет и показал инициалы: "Г.Б.С." на сорочке.

- Это сойдет? - спросил он.

Кассир покачал головой.

- У вас могут быть письма Генри Б.Саундерса, и его бумаги, и даже его сорочка, и все-таки вы можете не быть им. Нам приходится проявлять максимальную осторожность.

Незнакомец распахнул сорочку и показал огромный горчичник, покрывающий почти всю его грудь.

- Вот, - вскричал он, - если бы я не был Генри Б.Саундерсом, я, по-вашему, носил бы по всему телу его горчичники? По-вашему я согласился бы покрывать себя всего волдырями, чтобы изображать какое-либо лицо? Гоните сюда монету, мне некогда валять больше дурака!

Кассир поколебался, но потом выложил деньги. Когда незнакомец ушел, чиновник мягко потер себе подбородок и пробормотал:

- Эти горчичники могли быть в конце концов и чужими, но - без всякого сомнения - все в порядке. Он - он.

ЯБЛОКО

Юноша держал в руке круглое, румяное, до приторности сладкое яблоко.

- Съешь его, - сказал Дух. - Это - яблоко Жизни.

- Я не хочу его, - сказал юноша, и отбросил яблоко далеко от себя. Я хочу успеха. Я хочу славы, богатства, власти и знания.

- Тогда идем, - сказал Дух.

Они пошли рука об руку по крутым каменистым тропинкам. Солнце жгло, мочил дождь, окутывали горные туманы и снег падал, такой прекрасный и предательски мягкий, скрывая тропу, по которой они карабкались вверх. Быстро летело время и золотые кудри юноши приняли белую окраску снега. Его стан согнулся от вечного карабканья вверх, рука его ослабела, и голос стал высоким и дрожащим.

Дух не изменился, и на его лице была непроницаемая улыбка мудрости.

Они достигли наконец высочайшей вершины. Старик, который некогда был юношей, сказал, обращаясь к Духу:

- Дай мне яблоко Успеха. Я взошел на вершины, на которых оно растет, и оно принадлежит мне. Но поторопись, потому что странная мгла заволакивает мои глаза.

Дух протянул ему яблоко - круглое, румяное, прекрасное на вид.

Старик откусил от него и увидел, что оно сгнило внутри и обратилось в пыль.

- Что это? - спросил он.

- Это было когда-то яблоком Жизни, - сказал Дух. - Теперь это яблоко Успеха.

ОТКУДА ЭТО ПОШЛО

- Вы бы лучше подвинули кресло немного назад, - сказал старожил. - Я видел, как один из Джудкинсов только что вошел в редакцию газеты с ружьем в руке, и возможно, что будет маленькая перестрелка.

Репортер, собиравший в это время в городе кое-какие сведения для большого издания, быстро укрылся вместе со своим креслом за колонной и спросил о причинах такого возбуждения страстей.

- Это старая война, длящаяся уже несколько лет, - сказал старожил, между редактором и семейством Джудкинсов. Приблизительно раз в два месяца они палят друг в дружку. Нет человека в окрестности, который не знал бы этой истории. Вот откуда это пошло. Джудкинсы живут в другом городе, и однажды хорошенькая барышня из их семейства приехала сюда погостить у некоей миссис Браун. Миссис Браун дала бал - как в самом высшем свете! чтобы показать свою гостью молодым людям города. Один из них влюбился в барышню и послал маленькое стихотвореньце в нашу газету "Наблюдатель". Вот как оно читалось:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС

(Гостящей у миссис Т.Монткальм Браун)

В ту ночь ты на себе имела

Манто на царственных плечах,

Лишь розу, воткнутую смело,

Являя в черных волосах.

Вся - воплощение экстаза,

В румянце робкого стыда

Под яркими лучами газа

Стояла в зале ты тогда!

Это-то стихотвореньце и послужило поводом к войне!

- Не вижу ничего плохого в этом стихотворении, - сказал репортер. Оно довольно коряво, но не содержит в себе ничего оскорбительного!

- Ну, - сказал старожил, - само по себе стихотвореньце в том виде, как его написал автор, было в полном порядке. Беда началась в редакции. После того, как оно появилось, первой, кому оно попало на глаза, была начальница отдела "В городе и в свете". Это - старая дева, и она нашла "царственные плечи" нескромностью и вычеркнула всю вторую строку. Затем заведующий объявлениями перенюхал по обыкновению всю корреспонденцию, полученную на имя редактора, и увидел это стихотвореньце. В номере должно было как раз идти объявление о том, что каждая дама может легко и навсегда стать блондинкой, и он нашел, что одобрительный отзыв о шевелюре иного цвета едва ли уместен. И он выбросил четвертую строку.

Затем появилась жена редактора, чтобы проверить, нет ли среди его писем квадратных надушенных конвертов, и пробежала стихотворение. Она сама была на балу у миссис Браун и, когда прочла строку, где мисс Джудкинс определялась, как "вся - воплощение экстаза", то вздернула нос и выцарапала строчку прочь.

Наконец взял стихотворение в руки сам редактор. Он лично заинтересован в нашей новой электрической сети, и его синий карандаш быстро вцепился в строку "Под яркими лучами газа". Позже зашел человек из типографии, схватил грудку материала, в том числе и это стихотвореньце. Вы знаете, на что способна типография, если только ей представится случай, так что вот в каком виде стихотворение появилось в газете:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС

(Гостящей у миссис Т.Монткальм Браун)

В ту ночь ты на себе имела

Лишь розу, воткнутую смело,

В румянце робкого стыда

Стояла в зале ты тогда.

- Ну, и, - закончил старожил, - Джудкинсы взбесились!

КРАСНОРЕЧИЕ РЭДА КОНЛИНА

Они говорили о силе убеждения великих ораторов и каждый имел что сказать в защиту своего фаворита.

Вояжер готов был выставить мировым чемпионом в ораторском искусстве Барка Кокрена, молодой адвокат полагал самым убедительным говоруном сладкого Ингерсолла, а страховой агент поддерживал кандидатуру магнетического В.К.П.Брекенбриджа.

- Они все болтают немного, - сказал старый скотопромышленник, пыхтевший своей трубкой и прислушивавшийся к разговору, - но ни один из них и в подметки не годится Рэду Конлину, который командовал скотом под Сэнтоном в восьмидесятом. Знали когда-нибудь Рэда?

Никто из присутствующих не имел этой чести.

- Рэд Конлин был прирожденный оратор. Он не был перегружен науками, но слова из него текли так же легко и свободно, как виски из полного бочонка через новый кран. Он был вечно в прекрасном настроении, улыбался до ушей, и если просил передать ему хлеба, так делал это, как будто защищал свою жизнь. Он был-таки человеком с даром речи, и этот дар никогда не изменял ему.

Помню, одно время в округе Атаскоза на нас здорово наседали конокрады. Их была целая шайка, и они угоняли по жеребцу почти каждую неделю. Несколько человек собрались вместе, составили компанию и решили покончить с этим. Главарем шайки был парень по имени Мулленс - и кряжистый же пес он был! Готовый драться - и при этом когда угодно. Двадцать человек оседали коней и стали лагерем, нагруженные шестизарядниками и винчестерами. У этого Мулленса хватило дерзости попытаться отрезать наших верховых коней в первую же ночь, но мы услышали, вскочили в седла и бросились по горячему следу. Вместе с Мулленсом было еще человек пять-шесть.

Ночь была - зги не видать, и скоро мы настигли одного из них. Лошадь под ним была хромая - и мы узнали в нем Мулленса по огромной белой шляпе и черной бороде. Мы до такой степени были обозлены, что не дали ему сказать ни слова, и через две минуты у него на шее была веревка, и вот уже Мулленс вздернут, наконец! Мы подождали минут десять, пока он перестал дрыгать ногами, и тогда один парень зажигает из любопытства спичку и вдруг - как взвизгнет:

- Боже праведный, ребята, мы повесили не того, кого надо!

И так оно и было.

Мы отменили приговор и провели процесс еще раз, и оправдали его - но это уже не могло ему помочь. Он был мертв, как Дэйви Крокет.

То был Сэнди Макней, один из спокойнейших, честнейших и самых уважаемых людей в округе и - что всего хуже - он всего три месяца, как женился.

- Что нам теперь делать? - говорю я, и действительно тут было, над чем подумать.

- Мы, должно быть, где-нибудь поблизости от дома Сэнди, - говорит один из парней, пробуя взглядеться во тьму и вроде как определить место нашего блестящего - как это принято говорить - куп-детата.

В эту минуту мы видим освещенный четырехугольник открывшейся двери, и оказывается, что дом всего в двухстах ярдах, и женщина - в которой мы не могли не узнать жену Сэнди - стоит на пороге и выглядывает его.

- Кто-нибудь должен пойти и сказать ей, - говорю я. Я вроде как был предводителем. - Кто это сделает?

Ни один не спешил отозваться.

- Рэд Конлин, - говорю я, - ты этот человек. Ты единственный из всех, который сможет раскрыть рот перед несчастной женщиной. Иди, как подобает мужчине, и пусть господь научит тебя, что сказать, потому что будь я проклят, если могу.

Малый ни одной минуты не колебался. Я видел в темноте, что он вроде как плюнул на руку и пригладил назад свои рыжие кудри, и я подметил, как блеснули его зубы, когда он сказал:

- Я пойду, ребята. Подождите меня.

Он ушел, и мы видели, как дверь открылась и закрылась за ним.

- Да поможет бог несчастной вдове, - говорили мы друг дружке, - и черт побери всех нас - слепых кровожадных мясников, которые не имеют даже права называть себя людьми!

Прошло, должно быть, минут пятнадцать, прежде чем Рэд вернулся.

- Ну, как? - прошептали мы, почти боясь, что он заговорит.

- Все улажено, - сказал Рэд, - вдова и я просим вас на свадьбу в следующий вторник вечером.

Этот Рэд Конлин умел-таки говорить!

ПОЧЕМУ ОН КОЛЕБАЛСЯ

Человек с усталым, исхудавшим лицом, которое ясно обнаруживало следы глубокого горя и страданий, взбежал в волнении по лестнице, ведущей в редакцию "Техасской Почты".

Редактор литературного отдела сидел один у себя в углу, посетитель бросился в кресло рядом и заговорил:

- Извините, сэр, что я навязываю вам свое горе, но я должен раскрыть душу перед кем-нибудь. Я несчастнейший из людей. Два месяца тому назад в маленьком тихом городке восточного Техаса жила в мире и довольстве одна семья. Хезекия Скиннер был главой этой семьи, и он почти боготворил свою жену, которая, как ему казалось, платила ему тем же. Увы, сэр, она обманывала его. Ее уверения в любви были лишь позлащенной ложью, с целью запутать и ослепить его. Она влюбилась в Вильяма Вагстафа, соседа, который вероломно задумал пленить ее. Она вняла мольбам Вагстафа и сбежала с ним, оставив своего мужа с разбитым сердцем у разрушенного очага. Чувствуете ли вы ужас всего этого, сэр?

- Помилуйте, еще бы! - сказал редактор. - Я ясно представляю себе агонию, горе, глубокое страдание, которые вы должны были испытывать!

- Целых два месяца, - продолжал посетитель, - дом Хезекии Скиннера пустовал, а эта женщина и Вагстаф металась, спасаясь от его гнева.

- Что вы намерены делать? - спросил круто литературный редактор.

- Я совершенно теряюсь. Я не люблю больше этой женщины, но я не могу избежать мучений, которым я подвергаюсь все больше день ото дня.

В эту минуту в соседней комнате раздался резкий женский голос, о чем-то спрашивающий редакционного мальчика.

- Боже правый, ее голос! - вскричал посетитель, в волнении вскакивая на ноги! - Я должен скрыться куда-нибудь. Скорее! разве нет выхода отсюда? Через окно, через боковую дверь, через что угодно, пока она еще не нашла меня.

Литературный редактор встал с негодованием на лице.

- Стыдитесь, сэр, - сказал он. Не играйте такой недостойной роли. Встретьте лицом к лицу вашу неверную жену, мистер Скиннер, и обвините ее в разрушении вашего дома и вашей жизни. Почему вы колеблетесь встать на защиту своих прав и чести?

- Вы меня не поняли, - сказал посетитель, вылезая, с бледным от страха лицом, через окно на крышу прилегающего сарайчика. - Я - Вильям Вагстаф.

ИЗУМИТЕЛЬНОЕ

Мы знаем человека, который является, пожалуй, самым остроумным из всех мыслителей, когда-либо рождавшихся в нашей стране. Его способ логически разрешать задачу почти граничит с вдохновением.

Как-то на прошлой неделе жена просила его сделать кое-какие покупки и, ввиду того, что при всей мощности логического мышления, он довольно-таки забывчив на житейские мелочи, завязала ему на платке узелок. Часов около девяти вечера, спеша домой, он случайно вынул платок, заметил узелок и остановился, как вкопанный. Он - хоть убейте! - не мог вспомнить, с какой целью завязан этот узел.

- Посмотрим, - сказал он. - Узелок был сделан для того, чтобы я не забыл. Стало быть он - незабудка. Незабудка - цветок. Ага! Есть! Я должен купить цветов для гостини.

Могучий интеллект сделал свое дело.

ПРИЗЫВ НЕЗНАКОМЦА

Он был высок, угловат, с острыми серыми глазами и торжественно-серьезным лицом. Темное пальто на нем было застегнуто на все пуговицы и имело в своем покрое что-то священническое. Его грязно-рыжеватые брюки болтались, не закрывая даже верхушек башмаков, но зато его высокая шляпа была чрезвычайно внушительна, и вообще можно было подумать, что это деревенский проповедник на воскресной прогулке.

Он правил, сидя в небольшой тележке, и когда поровнялся с группой в пять-шесть человек, расположившейся на крыльце почтовой конторы маленького тexasского городка, остановил лошадь и вылез.

- Друзья мои, - сказал он, - у вас всех вид интеллигентных людей, и я считаю своим долгом сказать несколько слов касательно ужасного и позорного положения вещей, которое наблюдается в этой части страны. Я имею ввиду кошмарное варварство, проявившееся недавно в некоторых из самых культурных городов Техаса, когда человеческие существа, созданные по образу и подобию творца, были подвергнуты жестокой пытке, а затем зверски сожжены заживо на самых людных улицах. Что-нибудь нужно предпринять, чтобы стереть это пятно с чистого имени вашего штата. Разве вы не согласны со мной?

- Вы из Гальвестона, незнакомец? - спросил один из людей.

- Нет, сэр. Я из Массачусетса, колыбели свободы несчастных негров и питомника их пламенных защитников. Эти костры из людей заставляют нас плакать кровавыми слезами, и я здесь для того, чтобы попытаться пробудить в ваших сердцах сострадание к чернокожим братьям.

- Полагаю, вы можете смело ехать дальше, - сказал один из группы. - У нас на этот счет свой взгляд на вещи и до тех пор, пока негры будут совершать свои гнусные преступления, мы будем их наказывать.

- И вы не будете раскаиваться в том, что призвали огонь для мучительного отправления правосудия?

- Нисколько.

- И вы будете продолжать подвергать негров ужасной смерти на кострах?

- Если обстоятельства заставят.

- В таком случае, джентльмены, раз ваша решимость непоколебима, я хочу предложить вам несколько гроссов спичек, дешевле которых вам еще не приходилось встречать. Взгляните и убедитесь. Полная гарантия. Не гаснут ни при каком ветре и воспламеняются обо все, что угодно: дерево, кирпич, стекло, чугун, железо и подметки. Сколько ящиков прикажете, джентльмены?

РОМАН ПОЛКОВНИКА

Они сидели у камина за трубками. Их мысли стали обращаться к далекому прошлому.

Разговор коснулся мест, где они провели свою юность, и перемен, которые принесли с собой промелькнувшие годы. Все они уже давно жили в Хаустоне, но только один из них был уроженцем Техаса.

Полковник явился из Алабамы, судья родился на болотистых берегах Миссисипи, бакалейный торговец увидел впервые божий свет в замерзшем Мэне, а мэр гордо заявил, что его родина - Теннесси.

- Кто-нибудь из вас, ребята, ездил на побывку домой, с тех пор как вы поселились здесь? - спросил полковник.

Оказалось, что судья побывал дома дважды за двадцать лет, мэр - один раз, бакалейщик - ни разу.

- Это забавное ощущение, - сказал полковник, - посетить места, где вы выросли, после пятнадцатилетнего отсутствия. Увидеть людей, которых вы столько времени не видели, все равно, что увидеть привидения. Что касается меня, то я побывал в Кросстри, в Алабаме, ровно через пятнадцать лет со дня своего отъезда оттуда. Я никогда не забуду впечатления, которое на меня произвел этот визит.

В Кросстри жила некогда девушка, которую я любил больше, чем кого-либо на свете. В один прекрасный день я ускользнул от приятелей и направился в рощу, где когда-то часто гулял с ней. Я прошел по тропинкам, по которым ступали наши ноги. Дубы по обеим сторонам почти не изменились. Голубенькие цветочки могли быть теми же самыми, которые она вплетала себе в волосы, выходя ко мне навстречу.

Особенно мы любили гулять вдоль ряда густых лавров, за которыми журчал крохотный ручеек. Все было точно таким же. Никакая перемена не терзала мне сердца. Надо мной высились те же огромные сикоморы и тополя; бежала та же речушка; мои ноги ступали по той же тропе, по которой мы часто гуляли с нею. Похоже было, что если я подожду, она обязательно придет, легко ступая во мраке, со своими глазами-звездами и каштановыми кудрями, такая же любящая, как и прежде. Мне казалось тогда, что ничто не могло бы нас разлучить - никакое сомнение, никакое непонимание, никакая ложь. Но - кто может знать?

Я дошел до конца тропинки. Там стояло большое дуплистое дерево, в котором мы оставляли записки друг другу. Сколько сладких вещей могло бы рассказать это дерево, если бы только оно умело! Я считал, что после щелчков и ударов жизни мое сердце огрубело - но оказалось, что это не так.

Я заглянул в дупло и увидел что-то, белевшее в глубине его. То был сложенный листок бумаги, желтый и запыленный от времени. Я развернул и с трудом прочел его.

- "Любимый мой Ричард! Ты знаешь, что я выйду за тебя замуж, если ты хочешь этого. Приходи пораньше сегодня вечером, и я дам тебе ответ лучше, чем в письме. Твоя и только твоя Нелли".

Джентльмены, я стоял там, держа в руке этот маленький клочок бумаги, как во сне. Я писал ей, прося стать моей женой, и предлагал положить ответ в дупло старого дерева. Она, очевидно, так и сделала, но я не нашел его в темноте, и вот все эти годы промчались с тех пор над этим деревом и этим листком...

Слушатели молчали. Мэр вытер глаза, а судья забавно хрюкнул. Они были пожилыми людьми теперь, но и они знали любовь в молодости.

- Вот тогда-то, - сказал бакалейный торговец, - вы и отправились в Техас и никогда больше не встречались с нею?

- Нет, - сказал полковник, - когда я не пришел к ним в ту ночь, она послала ко мне отца, и через два месяца мы поженились. Она и пятеро ребят сейчас у меня дома. Передайте табак, пожалуйста.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Кроткого вида человек с одним глазом и робкой виляющей походкой вошел в один из хаустонский баров в то время, когда там никого не было, кроме владельца, и сказал:

- Прошу прощения, сэр, не позволите ли вы мне зайти на одну секунду за стойку? Вы можете не спускать с меня глаз. Я хочу взглянуть на одну вещь сам.

Содержателю бара делать было нечего, и он из любопытства удовлетворил просьбу посетителя.

Кроткого вида человек зашел за стойку и подошел к одной из полок.

- Не будете ли вы любезны снять на минутку эту бутылку с вином и стаканы?

Владелец сделал это и обнаружил расщепленную часть задней доски и в ней маленькую дырку, довольно глубоко идущую внутрь.

- Спасибо, больше ничего, - сказал кроткий человек, выходя из-за стойки.

Он в раздумьи прислонился к ней и сказал:

- Я прострелил эту дырку в полке девять лет тому назад. Я пришел сюда со страшной жаждой и без единого цента в кармане. Хозяин отказал мне в выпивке, и я начал палить. Эта пуля пробила ему ухо и пять бутылок шампанского прежде, чем попасть в полку. Я так громко гаркнул после этого, что двое людей сломали себе руки, пытаюсь выбраться за дверь, а хозяин так дрожал, когда смешивал для меня виски и соду, что можно было подумать, будто он наливает лекарство, которое надо взбалтывать перед употреблением.

- Да? - сказал владелец.

- Да, сэр, мне сегодня что-то не по себе, а такое самочувствие всегда делает меня резким и вспыльчивым. Немного джина и английской горькой хорошо помогают в этих случаях. раз шесть, помнится, я выстрелил в тот день, про который я вам рассказываю. Виски без всяких примесей вполне годится, если нет джина.

- Если бы у меня была липкая бумага для мух, - сказал хозяин бара нежным голосом, - я бы посадил вас на нее и повесил в заднем окне. Но она у меня вся вышла и, следовательно, я вынужден принять более крутые меры. Я завяжу узел на конце этого полотенца, потом сосчитаю до десяти и только после этого выйду из-за стойки. Таким образом у вас будет достаточно времени, чтобы произвести пальбу, да смотрите, не забудьте гаркнуть так, как вы гаркнули тогда!

- Обождите минутку, - сказал кроткого вида человек. - Я припоминаю, что доктор запретил мне употреблять горячительные напитки в течение шести недель. Но все одно вы были на волосок от смерти. Я, пожалуй, дойду до ближайшего аптекарского магазина и упаду в припадке на тротуар. Это даст, по крайней мере, немного эссенции и ароматической настойки.

ХВАТИТ НА ГОД

Он был одним из богатейших граждан города, но не любил бахвалиться своим богатством. Маленькая, худенькая, плохо одетая девочка стояла, глядя в окно гастрономического магазина, где было выставлено столько вкусных вещей.

- Как тебя зовут, крошка? - спросил он.

- Сюзи Тоипкинз, сэр, - отвечала она, глядя на него большими преследующими голубыми глазами.

В ее невинном, умоляющем голоске было что-то, пробудившее в сердце старого миллионера странное чувство. Впрочем, это мог быть результат несварения желудка.

- У тебя есть отец? - спросил он.

- Ах, нет, сэр, только я одна поддерживаю свою маму.

- Разве твоя мать так бедна?

- О, да, сэр.

- Как зовут твою мать?

- Сюзанной, сэр. Как и меня.

- Скажи мне, дитя, - сказал богач, хватая ее руку в страшном волнении, - у твоей матери бородавка на носу и от нее вечно пахнет луком?

- Да, сэр.

Миллионер на мгновение закрыл лицо руками и затем сказал дрожащим голосом:

- Дитя мое, твоя мать и я некогда знали друг друга. У тебя ее голос, ее волосы и ее глаза. Если бы не недоразумение, то может быть... Впрочем, это все уже прошло и никогда уже не вернется!

Человек расстегнул пальто и вынул из кармана пиджака сверток.

- Возьми это, - сказал он. - У меня их больше, чем нужно. Тебе и твоей матери этого хватит на год.

Маленькая девочка схватила сверток и радостно побежала домой.

- Посмотри, мама! - вскричала она. - Мне дал это один джентльмен. Он сказал, что этого хватит нам на целый год.

Бледная женщина вскрыла сверток дрожащими руками.

То был прелестный новый отрывной календарь.

ЛЕГКАЯ СМЕСЬ

Некий хаустонский житель, любитель рысистого спорта, женился несколько месяцев тому назад. Он является также гордым собственником прелестной кобылы-двухлетки, которая прошла 5 с половиной стадий в 1.09 минут и от которой он ждет еще большей резвости в следующем сезоне. Он назвал кобылу по имени своей жены, и обе они дороги его сердцу. Представитель "Техасской Почты", завернувший к нему вчера, нашел его очень разговорчивым.

- Да, - сказал он, - я счастливейший человек в Техасе. Бесси и я живем теперь одной семьей и устраиваемся довольно недурно. Эта моя кобылка еще покажет чудеса! Бесси так же интересуется ею, как и я. Вы знаете, я назвал ее по жене. Она чистокровная. Говорю вам, глаза радуются, когда видишь, как Бесси трусит ко мне навстречу...

- Вы имеете в виду кобылу?

- нет, жену. Она собирается держать пари на двенадцать дюжин лайковых перчаток за Бесси следующий раз. У меня только одно возражение против нее. Она держит голову набок, и заплетает ноги на ходу, и вечно рвет чулки.

- Ваша ж... жена?

- Нет, что с вами такое? Кобыла. Мне очень приятно, когда мои друзья справляются о Бесси. Она становится всеобщей любимицей. Мне такого труда стоило добыть ее. Я готов окружить ее царственным уходом...

- Вашу кобылу?

- Нет, жену. Мы с Бесси отправились на днях объездить кобылу. Бесси очарование. У нее одно плечо выше чуть-чуть другого и небольшое затвердение в одной из ног, но зато как развита грудь! А что вы скажете о ее крупе?

- Я... я... я, право, не имел чести встречаться с вашей супругой, но я не сомневаюсь...

- О чем вы толкуете? Я имею в виду кобылу. Бега состоится как раз в годовщину нашей свадьбы. Это будет настоящее празднество! Вы знаете, мы ровно год, как женаты. Я считаю, что Бесси скоро покажет себя! Мы ждем одного новенького, которым мы все заранее очень интересуемся. Вы, право же, должны заглянуть к нам и присутствовать при этом событии!

- Я... я... право, это будет не деликатно... вы должны извинить меня! Я ни при чем таком ни разу не присутствовал. Я... я...

- О, бега, это - такое невинное зрелище! Прекрасный вид спорта! Ну, пока всего. Мне нужно выйти и проветрить Бесси немного.

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Редактор сидел в своем роскошно мебелированном святилище, склонившись над грудой рукописей и опираясь на руку высоким челом. До сдачи полос в машину оставалось не более часа, а надо еще было написать передовую по вопросу о революции в Венесуэле.

Бледный одухотворенный юноша приблизился, держа в руке свернутую в трубку рукопись, перевязанную розовой ленточкой.

- Вот небольшая вещица, - сказал юноша, - которую я набросал в минуты досуга.

Редактор развернул рукопись и взглянул на бесконечные строчки стихов. Затем он вынул из кармана бумажку в двадцать долларов и протянул ее поэту. Послышался глухой стук падения и в ответ на звонок редактора вбежали курьеры и вынесли из кабинета безжизненное тело поэта.

- Третий за сегодня, - пробормотал великий публицист, кладя обратно в карман кредитный билет. - Действует лучше пули и дубины, и судья всегда выносит приговор: смерть от разрыва сердца.